Восточный архив

№ 2 (48), 2023

«Восточный архив» *издаётся Институтом востоковедения РАН с 1998 г.*

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство ПИ № ФС77-32098 от 30 мая 2008 г.

Редакционный совет

В.В. Наумкин – председатель
В.В. Беляков – зам. председателя
Н.Г. Романова
М.Р. Рыженков
А.Д. Васильев

Редколлегия

В.В. Беляков – главный редактор
Н.К. Чарыева – ответственный секретарь
Л.В. Зеленина
А.Ш. Кадырбаев
Ю.Н. Тихонов

Вёрстка

Г.М. Абишева

Воспроизведение или распространение полностью или частично текста **«Восточного архива»** в любой форме и любыми способами не допускается без письменного согласия редколлегии.

Позиция редакции не обязательно совпадает с мнениями авторов.

При цитировании ссылка на журнал **«Восточный архив»** обязательна.

Журнал на сайте Института востоковедения РАН: https://ivran.ru/vostochnyj-arhiv

---

Адрес редакции:
103031, Москва, Рождественка, д. 12, комн. 213
E-mail: orientalarchive@yandex.ru

© Авторы, 2023
© Институт востоковедения РАН, 2023

Подписано в печать 22.09.2023
Объем 12,0 п. л. Тираж 80 экз.

Отпечатано в изд-ве «Пробел-2000»
109544. Москва, Рабочая ул., 91
Цена в розницу договорная

СОДЕРЖАНИЕ

№ 2 (48), 2023

Слово редактора ……..... **3**

Тахнаева П.И. Пленение имама Шамиля …….. **4**

Беляков В.В. Паломничество в Мекку ……... **8**

Норик Б.В. Судьба отчёта А. Ходзько о поездке в Хорасан ……..…….. **11**

Цвижба Л.И. Торговля на Черноморской береговой линии в XIX веке …… **18**

Шмидт В. Развитие школьного образования для детей европейских переселенцев в восточноафриканских колониях Германии …….. **25**

Кадырбаев А.Ш. Антиосманское восстание армян в Киликии, Урфе, Алеппо в 1914–1917 годах ……..... **31**

Загородникова Т.Н. К биографии Л.Г. Корнилова ……..…… **35**

Мелентьев Д.В. Поэтесса Анна Алматинская и раскрепощение мусульманок советского Туркестана ……. **41**

Тихонов Ю.Н. Новый документ об одной из операций Коминтерна на Памире в 1922 году **49**

Глушкова И.П.
Из архивов М.Р. Джайкара. Часть 1. Един во всех лицах: безотказный секретарь требовательного работодателя …… **55**

Бухерт В.Г. Переписка Н.Л. Рубинштейна с Сунь Цзомином ……..…… **69**

Прожогина С.В. Памяти Жана Сенака (1926−1973). Солнце – наше оружие …… **72**

Прожогина С.В. Алжирское самоопределение: свидетельства литературы колониальной эпохи …… **82**

Чарыева Н.К. «Не мне судить, много или мало сделано…». К 100-летию со дня рождения П.М. Шаститко …… **92**

Наши авторы …….. **96**

DOI: 10.31696/2072-5795-2023-2-3

СЛОВО РЕДАКТОРА

Дорогие коллеги!

Нынешний номер «Восточного архива» по объёму такой же, как и много лет назад – 96 страниц. Не потому, что у нас мало авторов. Просто все материалы, кроме статей И.П. Глушковой и С.В. Прожогиной, невелики. И их больше, чем обычно.

Начинается журнал со статьи, дальше всех отстоящей от нас по времени. Её автор П.И. Тахнаева выясняет, сдался ли сам имам Шамиль русским, или его захватили хитростью. Она публикует письмо имама, из которого ясно, что он добровольно попал в плен. Видимо, сопротивляться был уже не в силах.

Два десятилетия я изучал только материалы XX века. Сейчас же обратился к более раннему периоду. В моей статье приводится текст проекта инструкции для русского консула в Джидде, впервые отправленного в Аравию в 1890 году. Его задачей было главным образом наблюдать за прибывающими паломниками-мусульманами, направляющимися в Мекку.

XIX веку посвящена и статья Л.И. Цвижбы. Она рассматривает торговлю на побережье Кавказа. Турки пытались обойти русскую таможню, и иногда это им удавалось.

Статья В. Шмидта относится уже к XX веку. Он анализирует развитие школьного образования для детей европейских переселенцев в восточноафриканских колониях Германии.

В период Первой мировой войны против турецкого владычества не раз восставали другие народы. А.Ш. Кадырбаев описывает выступления армян в Киликии, Урфе и Алеппо.

После войны и революции в России стоял вопрос о раскрепощении мусульманок в Средней Азии. Это очень беспокоило поэтессу Анну Алматинскую. Её письмо в газету на данную тему публикует Д.В. Мелентьев.

Статья И.П. Глушковой рассказывает о человеке, известном в Индии, но часто отсутствовавшем дома, М.Р. Джайкаре. Четверть века у него служил индус Голикере. Ежедневная связь в периоды нахождения работодателя за пределами Бомбея (указания Джайкара vs отчёты Голикере), хотя и отложенная на время доставки корреспонденции, открывает неизвестные пласты бытовой культуры и повседневных забот представителя англо-индийской элиты первой половины XX века и способы его взаимодействия с «обслуживающим персоналом».

Целых два материала С.В. Прожогиной публикуются в этом номере. Оба они о стихах, оба посвящены Алжиру, восемь лет сражавшемуся, чтобы стать независимым. Поэзия и сопротивление кажутся лезвиями одного клинка в эпоху, когда человек неустанно отстаивает своё достоинство. А поэт, утверждает автор, должен жить дыханием своего народа.

Последний материал – Н.К. Чарыевой, посвящённый 100-летию со дня рождения П.М. Шаститко. Они не один год работали вместе, так что ей есть что вспомнить.

Таким сложился этот номер «Восточного архива». Желаю всем удачи и жду новых материалов.

В.В. Беляков

DOI: 10.31696/2072-5795-2023-2-4-7

П.И. Тахнаева

ПЛЕНЕНИЕ ИМАМА ШАМИЛЯ

Об актуальности темы пленения имама Шамиля в августе 1859 года на Гунибе как следствия осознанного выбора имама («сдался в плен добровольно») или досадной случайности («имама обманули») наглядно свидетельствует обширный историографический обзор. Все исследования по этой теме можно условно разделить на три группы, которые различаются взглядами на то, что произошло тогда на Гунибе.

Самая большая группа авторов представляет тезис о добровольном пленении и капитуляции имама (С.К. Бушуев, Р.М. Магомедов, В.Г. Гаджиев, Ю.У. Дадаев, В.В. Дегоев, М.М. Блиев, Х.Х. Рамазанов, В.М. Муханов). Вторая группа не отрицает тезис о добровольной капитуляции имама, но вводит в него сюжет о вероломном полковнике Лазареве, который обманом вывел его из осаждённого аула. На резонный вопрос, как при этом сочетаются решение имама о добровольном выходе к главнокомандующему и «обман», авторы не отвечали (Г.-К. Идармачев, З.М. Нахибашев, М.М. Блиев, М.М. Гасаналиев)[1]. Третью группу представляет Х.М. Доного. По его мнению, пленение имама Шамиля явилось следствием двойного обмана: обмана главнокомандующего, который без согласования с осаждёнными изменил сроки ультиматума, и обмана полковника Лазарева, который вывел имама из осаждённого аула под предлогом переговоров с главнокомандующим в заготовленную ловушку – в плен[2].

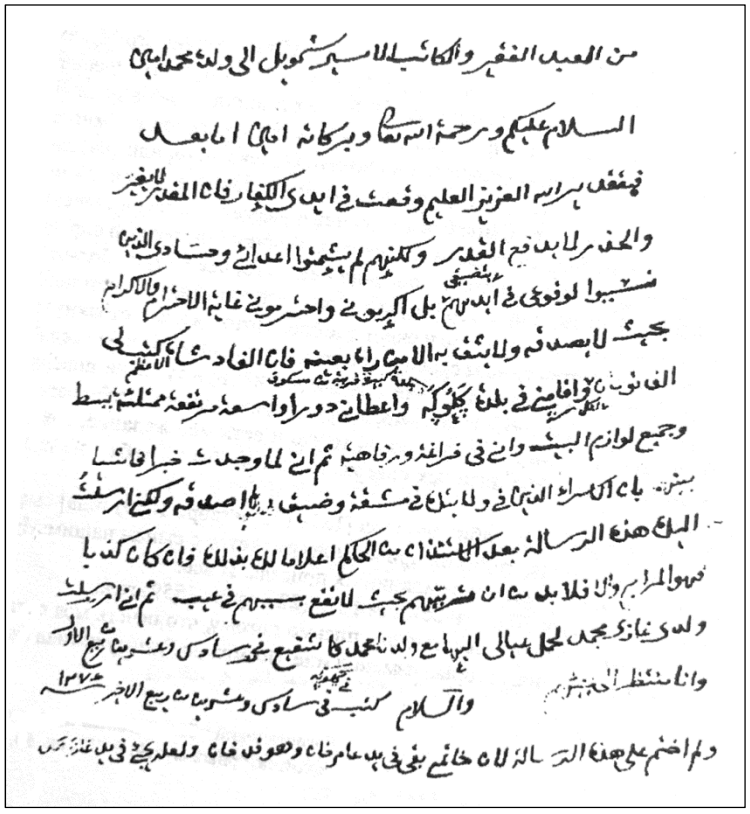
Последнее время появилась ещё одна точка зрения, которая не имеет отношения к науке, но приобретает широкую популярность. Её активно представляют на общественных площадках, в том числе в соцсетях, культурно-историческое общество «Фонд Шамиля» и советник его президента А.М. Хархачаева, Р.Ю. Ибрагимов. В частности, вопросу пленения имама Шамиля была посвящена конференция «Роль имама Шамиля в истории Дагестана и России» (октябрь 2019 г., г. Махачкала). По официальным данным, она была организована общественной организацией «Всемирный фонд имени имама Шамиля» при поддержке главы Республики Дагестан. В работе конференции принимали участие первый заместитель председателя Народного Собрания РД, министр по национальной политике и делам религий, руководитель Общественной палаты РД, другие официальные лица, представители органов государственной власти, общественных организаций, научной интеллигенции республики[3]. Резолюция конференции несколько раз дублировала фразу «имам Шамиль не был пленён», призывала «не признавать пропаганду “пленения” имама Шамиля» и утверждала, что в августе 1859 года на Гунибе состоялось заключение мира с Россией: «Имам Шамиль как Шейх, духовный властелин мусульман Кавказа, как Глава созданного им государства Имамат, как выдающийся Полководец и кавказский Мужчина-Воин ясно и определённо понимал, что только заключение мира с Россией принесёт Кавказу, народам Дагестана и Чечни прогресс, благоденствие, процветание и ясное плодотворное будущее» (орфография оригинала сохранена).

Немногим позднее, в декабре 2022 года на сайте «Международной неполитической экспертной и коммуникационной площадки “Международная общественная палата”» состоялись «экспертные слушания “Наследие Имама Шамиля – историческое достояние и память о герое становления многонационального государства”». Группу его экспертов составляли «представители кавказской общественности и мусульманского духовенства, историки, деятели спорта, боевые командиры ополчения, эксперты». Р.Ю. Ибрагимов, советник руководителя «Фонда Шамиля» А.М. Хархачаева, организатор «экспертных слушаний», по основному вопросу о пленении имама Шамиля вновь озвучил тезис из резолюции конференции

«Роль имама Шамиля в истории Дагестана и России» (2019 г.). Он заявил, что «25 августа 1859 года на Гунибе А. Барятинский, выполняя распоряжение императора Александра II… приказал остановить штурм Гуниба для того, чтобы заключить мир на условиях Шамиля»[4]. В резолюции экспертных слушаний утверждали: «Возглавляя Имамат и *заключив договор о мире* с императором России Александром Вторым, Имам Шамиль от лица всех горцев осознанно отказался от права когда-либо воевать с Россией. Героическая борьба горцев за свободу завершилась умиротворением Кавказа, торжеством взаимного уважения России и горцев, совместным цивилизационным развитием и взаимообогащением культур»[5].

Таким образом, четвёртая группа категорически отрицала пленение имама Шамиля, настаивая на том, что в августе 1859 года на Гунибе было заключено мирное соглашение между российским императором и имамом. Все российские источники, в которых статус имама Шамиля определялся «взятым в плен», «пленным» или «военнопленным»[6], эта группа и её сторонники уверенно называли сфальсифицированными.

К сожалению, мимо внимания историков, которые в разное время затрагивали вопрос о пленении имама Шамиля, прошёл важный исторический документ, введённый в научный оборот с начала 1990-х годов – письмо, собственноручно написанное имамом Шамилём из Калуги 24 ноября 1859 года наибу Черкессии Мухаммад-Амину. Впервые это письмо было представлено научной общественности в 1989 году дагестанским источниковедом Х.А. Омаровым на всесоюзной научной конференции (г. Махачкала, 20-22 июня 1989 г.) и опубликовано в материалах конференции, изданных с некоторым запозданием в 1994 году[7]. Спустя ещё три года, в 1997 году Х.А. Омаров включил это письмо в сборник документов «100 писем Шамиля» (введение, тексты, перевод с арабского, комментарии, примечания, приложения и указатели были выполнены источниковедом Х.А. Омаровым)[8].



Фотокопия письма имама Шамиля к Мухаммад-Амину, 24 ноября 1859 г. (из сборника документов «100 писем Шамиля», Махачкала, 1997).

В сборник «100 писем Шамиля» вошли сто писем, *исходящие* от имама Шамиля, с 1839 по 1859 год. Последнее письмо в сборнике под № 100, датированное 24 ноября 1859 года, калужское, адресованное наибу Мухаммад-Амину, Омаров Х.А. атрибутировал как «собственноручно написанное имамом».

В конце письма имам писал: «Я не скрепляю своей печатью это письмо потому, что печать моя осталась в руках Амирхана, который изменил мне. Возможно, Газимухаммад сам привезёт её». Речь идёт об Амирхане Чиркеевском – личном секретаре-письмоводителе Шамиля, хранителе его печати и начальнике канцелярии; в июле 1859 года он не поднялся с имамом на Гуниб, и имам расценивал этот поступок как измену.

О местонахождении документа Х.А. Омаров писал: «Часть писем [имама Шамиля] на арабском языке подлинники с его подписями, написанных из Калуги главным образом на имя военного министра Милютина, других чиновников царской администрации и частным лицам, хранится в Дагестанском объединённом историческом и архитектурном музее, куда они были переданы из Военно-исторического архива на основании постановления коллегии Центраархива РСФСР от 30/IV – 1926 г. Об этом собрании арабских писем Шамиля нет никаких печатных известий». Х.А. Омаров привел краткую аннотацию упомянутой музейной коллекции писем, состоящей из 19 документов. Письмо, подлинник, от 24 ноября 1859 года, было озаглавлено по первым строкам письма «От пишущего раба Аллаха пленника Шамиля к сыну своему Мухаммаду Амину».

Перевод

От бедного раба [Аллаха] – писца, пленника Шамиля сыну его Мухаммадамину – мир вам, милость Аллаха Всевышнего и Его благословение. Аминь! А затем. По воле Всемогущего и Всеведущего я попал в руки неверных – поистине, предопределённого не избежать и предосторожность не предотвратит предопределённого [Аллахом]. Однако не [пришлось] злорадствовать моим недругам и завистникам, которые явились причиной моего пленения – напротив, мне оказали почёт и уважение в такой степени, что не увидевший своими глазами не поверит: Великий император определил мне тысячу туманов ежегодно, поселил меня в городе Калуге, большой город вблизи Москвы, в просторном, высоком доме с коврами и всем необходимым. Так что мне просторно и очень удобно. Потом я здесь столкнулся со слухом, распространённым среди них, о том, что пленные в твоем вилайате находятся в тяжёлом положении и испытывают нужду. Я не поверил этому и всё же послал тебе это письмо, испросив разрешение у губернатора уведомить тебя об этом. Если это ложь, то это и есть моё желание, а если нет, то необходимо тебе пленных содержать так, чтобы на тебя не пало порицание.

Затем я отправил 26 раби’ ал-аввал [1276 (23 октября 1859) года] сына моего Газимухаммада, чтобы он привёз моё семейство с сыном нашим Мухаммадшафи, и пребываю в ожидании их приезда. И всё.

Писано в Калуге 26 раби’ ас-сани 1276 (22 ноября 1859) года.

Я не скрепляю своей печатью это письмо потому, что печать моя осталась в руках Амирхана, который изменил мне. Возможно, Газимухаммад сам привезет её».

Письмо несколько запоздало. Адресат «пленника Шамиля» Мухаммад-Амин Асиялав (с 1848 г. третий наиб Шамиля в Черкесии) 20 ноября 1859 года вместе с представителями от абадзехов явился в русский военный лагерь и сложил оружие. Беспокойство военнопленного имама о положении военнопленных российской армии на Западном Кавказе оказалось напрасным. Таким образом, в калужском письме имама Шамиля, датированном 22 ноября 1859 года, атрибутированном источниковедом Х.А. Омаровым как собственноручно имамом написанное, автор называет себя «пленником Шамилём» и упоминает о причинах своего «пленения».

Документ свидетельствует прежде всего о том, что имам Шамиль спустя три месяца после августовских событий 1859 года признавал свой статус «пленника».

Примечания

[1] *Тахнаева П.И.* Гуниб, август 1859. «Последние дни джихада в Дагестане…». М., 2018. С. 15-38.

[2] *Доного Х.М.* Военная история аварцев. Махачкала, 2015; *Он же*. Имам Шамиль. Последний путь. Махачкала, 2016; *Гаджиева З.* Имам Шамиль оказался в западне 13 октября 2016. URL: https://kavkazr.com/a/imam-shamil-okazalsya-v-zapadne/28050443.html (дата обращения 29.07.2018)

[3] Научная конференция «Роль Имама Шамиля в истории Дагестана и России» прошла в Махачкале. URL: https://riadagestan.ru/news/society/nauchnaya_konferentsiya_rol_imama_shamilya_v_istorii_dagestana_i_rossii_proshla_v_makhachkale/

[4] Рустам Ибрагимов. Жизненно необходимо не допускать осквернения имени Имама Шамиля. https://op-soyuz.ru/

[5] Там же.

[6] Акты Кавказской археографической комиссии. Т. 12. С. 1181; *Козубский Е.И.* К истории Дагестана // Русский архив. 1896. № 9. С. 109.

[7] *Омаров Х.А.* Письма Шамиля из Калуги // Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20–50-х годах XIX в. Материалы всесоюзной научной конференции 20–22 июня 1989 г. Махачкала, 1994. С. 152.

[8] 100 писем Шамиля (Памятники письменности Дагестана, выпуск 1). Махачкала: Издательство ДНЦ РАН, 1997. С. 150.

DOI: 10.31696/2072-5795-2023-2-8-10

В.В. Беляков

ПАЛОМНИЧЕСТВО В МЕККУ

Мусульмане из России совершали паломничество в Мекку с тех самых пор, как наше государство завоевало Казань. В конце XVIII века к ним присоединились мусульмане из Крыма. В середине XIX века число паломников увеличилось уже за счёт жителей Северного Кавказа. И с 1880 года, после присоединения Средней Азии, они поехали в Мекку массово. Преимущественно на судах Добровольного флота вроде «Киева» или «Саратова». Но официального представительства России в Джидде, порте неподалеку от Мекки, не было целое десятилетие. В случае чрезвычайной ситуации паломникам приходилось обращаться в консульство одной из европейских держав. Российское же консульство в Джидде открылось лишь в 1890 году. Ближайшим его начальником было не Министерство иностранных дел в Петербурге, а посольство России в Константинополе. Джидда и Мекка входили в состав Османской империи. Как, впрочем, и Египет, через который суда шли Суэцким каналом в Красное море.

Сезон паломничества составлял два месяца в году. На обратном пути паломников высаживали с кораблей на несколько дней в Торе, на берегу Синайского полуострова, где они проходили карантин от холеры. Я не раз бывал в Торе, видел его православную церковь, построенную для синайских христианских паломников, направлявшихся в монастырь Святой Екатерины. Но ни разу не слышал, что на рубеже XIX и XX веков этот городок использовался как стоянка паломников-мусульман. «Осматривая ежедневно до 5000 пилигримов, приходящих из Мекки, и заведуя двумя больницами, в которых находятся до 200 холерных больных, я рискую ежеминутно своей жизнью», – жаловался находившийся в Торе врач[1]. Медики приезжали туда на время паломничества из Египта, из Суэцкого карантинного управления. Их сопровождал представитель российского консульства.

В Торе постоянно умирали русские мусульмане. Цифры от года к году менялись, от 20 до 30 человек. Видимо, их хоронили прямо на Синае, а не везли домой в Россию. Захоронений мусульман в Торе я не видел.

Паломничество в Мекку мог совершить далеко не каждый мусульманин. Ведь на это было нужно очень много денег – на дорогу, на проживание в Джидде и Мекке, на питание. Как отмечал русский дипломат, «паломник должен был не только собрать деньги на дорогу, но и, согласно установлениям шариата, рассчитаться со всеми имеющимися у него долгами как перед людьми, так и перед властью (подати и т.п.), а также обеспечить средствами существования свою семью на всё время своего отсутствия»[2].

Число паломников год от года увеличивалось по разным причинам, в том числе и политическим. Росли и суммы, которые они вывозили из России. Управляющий консульством в Джидде М. Никольский отмечал в 1905 году, что «ежегодно в среднем не менее 10.000 человек хаджей приезжают в Геджас из России, увозя с собой не менее 3-4 миллионов рублей»[3]. Обратно паломники возвращались уже без денег. Тем самым государство лишалось значительных средств[4].

Консульские документы содержат главным образом финансовые отчёты, реже – сообщения о кончине паломника. На одно письмо хочу обратить внимание. В 1893 году министерство иностранных дел России запросило консула в Джидде о сыне Шамиля, живущем в Медине. Тот отметил, что этот старец (56-60 лет) по имени Мухаммед Али имеет титул паши и получает до 50 тысяч турецких лир в месяц в качестве вспомоществования. Образ жизни тихий и скромный. За три года до этого он выдал дочь замуж за губернатора Медины Османа-пашу Черкеса[5].

Паломничеству в святые для мусульман места, в Мекку и Медину, в конце XIX века посвящён документ, подготовленный для первого российского консула в Джидде И. Ибрагимова. Приводим его полностью.

Проект инструкции,
данной Императорским Российским Министерством Иностранных Дел
Российскому консулу в Джедде Действительному Статскому Советнику Ибрагимову
22 Февраля 1891 года. С.-Петербург

Императорское Министерство Иностранных Дел считает необходимым поставить Вам на вид, чтобы Вы, помимо обычной Вашей обязанности оказывать покровительство и защиту всем Российским верноподданным и соблюдать интересы правительства, обратили особенное Ваше внимание на исполнение нижеследующих пунктов.

1. Весь мусульманский мир отправляется ежегодно на поклонение большими массами в Мекку и Медину. В указанные пункты стекается особенно много паломников из Европейской России (Казани, Уфы, Крыма, Кавказа), так и из Средней и Южной частей Азии (Хивы, Бухары, Афганистана, Кашгара), а также из разных других местностей, лежащих на пограничной линии с Китайскими владениями. Прибывая на поклонение в вышеуказанных местах, русские подданные мусульмане подпадают под влияние местного фанатичного мусульманского духовенства, а также лиц, переселившихся с Кавказа, Крыма и наших Средне-Азиатских владений вследствие недовольства Российским Правительством. Благодаря влиянию духовенства и означенных личностей некоторые паломники, возвращающиеся в Россию с титулами «хаджи», становятся сами фанатиками и, ненавидя всё Русское, оказывают вредное влияние на остальных мусульман, которые слепо подчиняются «хаджиям» как людям, побывавшим на святых местах. Поэтому Вы должны стараться наблюдать за настроением мусульманских умов как во время стечения богомольцев, так и в остальное время года и сообщать в своё время о выдающихся фанатиках, уходящих обратно в Россию, в Министерство Иностранных Дел и в Посольство в Константинополе. Вам не трудно будет выяснить всё вышеизложенное, если Вы по прибытии на место служения по официальном открытии Российского Консульства, предпримете сами путешествие в Мекку как мусульманин.

2. Выяснить политическое значение вообще Мекки и Медины, а также общее настроение умов жителей означенных городов.

3. Необходимо узнать общее число всех пилигримов, прибывающих в Мекку и Медину со всех стран света, с указанием, откуда и сколько человек, а в особенности Вы обязываетесь ежегодно в Министерство Иностранных Дел и Послу нашему в Константинополе представлять список о численности пилигримов, прибывающих в Мекку и Медину из России и соседних пограничных с Россиею городов, а также из Средне-Азиатских владений.

4. Желательно, чтобы Вы собрали сведения о всех оседло живущих в Джедде, Мекке и Медине Русско-подданных, а также давали бы отчёты о выбывающих и вновь туда прибывающих наших подданных для жительства.

5. Вам предписывается доставлять сведения в Министерство Иностранных Дел и в Посольство в Константинополе об отправляющихся за собиранием подаяния в России тех фанатизированных вожаках, на обязанности которых лежит водить пилигримов по святым местам, в Мекке и Медине, дабы Российское Правительство могло всегда иметь над ними надзор в случаях переселения или пребывания последних в наших пределах.

6. Желательно, чтобы Вы для ознакомления с положением дел в Аравии вообще, предпринимали поездки во внутреннюю Аравию с целью узнать политическое положение различных свободных и вассальных Арабских племен, форму их отношений и подчинённости Турецкому Правительству, а также отношения их к Англичанам.

7. Обратить внимание на торговлю в Аравии портовую, так и внутреннюю и определить, не представляется ли возможность Российскому купечеству завязать непосредственные торговые сношения с туземцами, и могут ли Русские купцы с успехом конкурировать с иностранными державами и в чём именно.

При благоприятном ответе на этот вопрос Вам поручается тогда выяснить, что нашли бы Вы наиболее полезным и желательным в видах облегчения торговых сношений для Русскоподданных и устройства таким образом нового рынка для сбыта как в самой Джедде, так и остальной Аравии, дабы Правительство для достижения желаемых целей могло сообразно подействовать на Турецкое Правительство через своего Представителя в Константинополе.

8. Ознакомиться с колонизационными планами, проводимыми в портовых пунктах по берегу Красного моря остальными Европейскими Державами, особенно Англичанами.

9. Стараться приобрести себе популярность среди Арабских племён, разбросанных внутри Аравии, для чего рекомендуется вступить в непосредственные дружественные сношения с шейхами их, в особенности с Меккинским, стоящим выше других.

10. Необходимо выявить значение портового города Ямбо, лежащего против Медины, потому что он, так же, как и Джедда, служит местом высадки для некоторых пилигримов, направляющихся через него в Медину, а оттуда прямо в Мекку. Если Вы на месте найдёте необходимым поставить в Ямбо доверенное лицо для наблюдения за пилигримами, то имеете войти с представлением о назначении туда агента и изложением мотивов, требующих назначения оного.

11. Необходимо узнать, не проходят ли наши пилигримы в Мекку и Медину, помимо Джедды и Ямбо, через Персидский залив, и в каком количестве? Если численность таковых велика, то желательно поставить там агента, может быть, из мусульман, и Вы, познакомившись с положением дел вообще, имеете войти с представлением по этому вопросу.

12. Желательно также, чтобы Вы следили за политическим положением дел в соседственной Вам Абиссинии, а также за мерами, принимаемыми там со стороны Италии.

13. Вообще же Вам предписывается обратить особенное внимание на то, чтобы наше Государство имело в Аравии высокое, подобающее его могуществу значение, и на то, что Вы, как Представитель Великой Державы, обязаны держать себя с достоинством в глазах туземного населения и стараться всяческими средствами снискать себе у туземцев любовь и уважение, имея в виду, что от приобретения Вашей личной популярности может зависеть и дальнейшее успешное ведение дела, и кроме того, Вам рекомендуется держаться в хороших отношениях с местными представителями остальных Европейских Держав.

14. Для приобретения различных сведений в указанных направлениях Министерство Иностранных Дел разрешает Вам производить на сей предмет необходимые расходы.

Архив внешней политики Российской империи. Фонд 180 «Посольство в Константинополе». Опись 517/2. Год 1890. Дело 1772. Листы 19-22об. Рукопись.

Примечания

[1] Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 180 «Посольство в Константинополе». Оп. 820/1. Д. 1774. Л. 83.

[2] Там же. Л. 95.

[3] АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1786. Л. 47.

[4] См.: *Литвинов В.П.* О финансовых проблемах внерегионального паломничества мусульман Туркестана (1865–1917 гг.) // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2014. Т. 14. № 6. С. 30-35.

[5] АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1786. Л. 4об.

DOI: 10.31696/2072-5795-2023-2-11-17

Б.В. Норик

СУДЬБА ОТЧЁТА А. ХОДЗЬКО О ПОЕЗДКЕ В ХОРАСАН

Окончание периода русско-иранских войн и «извинительное» посольство Хосров-мирзы 1829 года ознаменовало начало условно дружественной фазы в отношениях России и Ирана, что позволило русским востоковедам-практикам начать планомерное изучение страны. В 1832 году наследник персидского престола Аббас-мирза Наиб ас-Салтане (ум. в 1833 г.) на короткое время остановил мятежи в одной из важнейших областей Ирана – Хорасане, поэтому у представителей русской дипломатической миссии появилась возможность обратить свои исследовательские взоры на восточное направление. Именно в это время, в мае – июне 1833 года, один из главных «путешественников» миссии в те годы Александр Ходзько (1804–1891) совершил поездку в Хорасан.

Жизнь А.И. Ходзько, родившегося в белорусских Кривичах «в семье видного в Литве и Белоруссии общественного деятеля Яна Ходзько»[1], была весьма насыщенной[2]. Сумев в 1825 году закончить Виленский университет после освобождения из-под ареста и прекращения в отношении него дела за участие в тайном пропольском молодёжном обществе «Филаретов», действовавшем в Вильно с 1820 по 1823 год[3], Ходзько, движимый непреодолимым интересом к Востоку, перебирается в Петербург. Там он заканчивает курс в Учебном отделении восточных языков Азиатского департамента МИД (среди его экзаменаторов был А.С. Грибоедов (1795–1829))[4].

После этого он оказывается на дипломатической службе в Иране (с 1830 по 1841 г.), где его деятельность отличается исключительной плодотворностью. Не случайно российский полномочный министр при тегеранском дворе граф И.О. Симонич (1794–1851), описывая частые поездки Ходзько по стране, во время которых он заводит полезные для дела знакомства, просил разрешения директора Азиатского департамента МИД К.К. Родофиникина (1760–1838) компенсировать ему связанные с этим значительные расходы за счёт выплаты жалования переводчика генерального консула Российской миссии в Тегеране в период с 1 января по 1 июля – время, когда эта должность оставалась вакантной[5].

За годы своего пребывания в Иране наш неутомимый путешественник собрал обширный материал по географии, истории, этнографии и литературе этой страны, значительная часть которого была опубликована[6]. Между тем самого Ходзько, как он признавался в своём письме А. Мицкевичу (1798–1855), все одиннадцать лет его пребывания на Востоке тяготила мысль о том, что своей службой русскому делу он согрешает против Бога и своей страны. Он ощущал себя чужим среди своих коллег, хотя и признавал, что его службой были довольны, поскольку он работал честно и профессионально[7].

После увольнения с дипломатической службы в 1842 году Ходзько перебрался в Париж, где и провёл остаток своих дней в занятиях научной деятельностью и преподавании в Коллеж де Франс. Неудивительно, что он принял заказ парижского издателя Б. Дюпра на создание учебника турецкого языка для французской армии[8], участвовавшей в Крымской войне (1853–1856 гг.)[9]. Однако, как бы там ни было, в течение одиннадцати лет своего пребывания в Иране он входил в очень узкий круг пионеров изучения этой страны на благо Российской империи.

Весной 1836 года российский МИД направил в Русскую императорскую миссию в Тегеране список вопросов, имевших целью создание общего представления об Иране. В ответ И.О. Симонич отослал несколько отчётов, среди которых одним из наиболее информативных и обстоятельных следует признать материал А. Ходзько, посвящённый его путешествию в Хорасан. Отчёт, со-

ставленный на французском языке, находится в составе архивного дела № 2302 фонда «Персидский стол» Архива внешней политики Российской империи (АПВРИ. Ф. 144. Оп. 1(488). Д. 2302. Л. 55–114), включающего в себя все материалы по теме запроса из министерства, которыми на тот момент располагала миссия.

Отчёт Ходзько служит ответом на просьбу обозначить с максимально возможной точностью границу Ирана от Каспийского моря до территорий к востоку от Хивы, Бухары, Герата, Кабулистана и Белуджистана, а также охарактеризовать отношения между Ираном и правителями этих территорий.

Работа Ходзько включает в себя преамбулу, представляющую собой географическо-историческую характеристику Хорасана, за которой следует описание двух маршрутов – пути, по которому из Тегерана обыкновенно шли паломники в столицу Иранского Хорасана Машхад, и обратной дороги, часть которой проходила по не исследованному доселе европейскими путешественниками участку. После этого следует краткое описание Белуджистана, Систана, племён чахар-аймак, а также соседствующих с Хорасаном туркменских племён. Отчёт за подписью Ходзько был отправлен в Россию 20 мая 1836 года и получен в Министерстве иностранных дел 27 июня того же года[10]. Дальнейшая судьба документа неизвестна: сведения о его публикации отсутствуют.

Между тем, как пишет В.П. Грицкевич, материалы по Персии, собранные Ходзько во время его путешествий, были переданы автором в распоряжение И.Ф. Бларамберга (1800–1878), который широко использовал их при составлении своего знаменитого «Статистического обозрения»[11]. При этом Грицкевич приводит соответствующие номера страниц последнего (для «хорасанской» части это с. 205–231 и 248)[12]. И действительно, в «хорасанской» главе труда Бларамберга читатель встречает имя Ходзько в связи с приводимыми автором упомянутыми выше маршрутами. Однако сопоставление главы «Статистического обозрения», посвящённой Хорасану, с архивным отчётом А. Ходзько показало, что Бларамберг использовал отчёт Ходзько не только в части описания маршрутов, где он называет имя путешественника, но и во вводной части, где упоминание о подлинном авторе отсутствует[13]. Здесь Бларамберг просто переводит или несколько перефразирует текст Ходзько, местами вставляя свои добавления (при этом когда речь идёт о данных, позаимствованных у Дж. Фрейзера, ссылка на последнего приводится[14]). Например, говоря о названии «Хорасан», Бларамберг пишет: «Хорасан, страна Востока, от фарсиского слова хор – солнце, составляет в самом деле восточную часть Персидского Государства, и название его имеет неопределённое значение. По мнению персидских географов, оно принадлежит всем странам, лежащим между правым берегом реки Инда, левым берегом реки Оксуса и южными пределами Езды; и действительно, во времена царствования Надир-Шаха последние реки составляли восточные и северные границы Хорасана. Балх, Герат, Кандагар, Кабул и даже Систан принадлежали тогда к числу хорасанских областей»[15]. А вот соответствующий текст Ходзько: «Le Khorassan qui a lui seul remplit tout l'Est de la Perse est le nom d'une signification vague. D'après les Géographes persans il désiru s'appliquer à tous les pays compris entre la rive droite de l'Indus, la rive gauche de l'Oxus et le Yezd. En effet ce dernier fleuve faisoit encore du temps de Nadir Chah la frontière orientale du Khorassan et le Balkh, le Herate, le Kaboul et même le Sistan se comptoient au nombre de provinces Khorassaniennes»[16].

Ещё один пример: «В середине лета, когда житель хорасанских городов задыхается от жары, кочевой в горах, во время дня вдыхавший свежий горный воздух, возвращается под вечер в свой шатёр и тщательно запирает его, дабы предостеречься от ночной прохлады и холодных ветров, и только осенью спускается на равнину с многочисленными своими стадами. Значительный корпус кавалерии, следуя вдоль цепи Албурзских Гор, мог бы дойти до самого Кабула, найдя везде в изобилии подножный корм и воду. Неоднократно уже азиатские полководцы следовали частью этого пути, чтобы завоевать Афганистан и Индостан. Зимою, одна-

ко, горы эти почти непроходимы. Цепь Альбурза при Келати-Надири внезапно берёт направление своё к юго-востоку и, под названием Паранопийских (так в тексте. – *Б.Н.*) Гор соединяется посредством цепи Гиндукуша с гигантским хребтом Гималайским»[17]. Этот отрывок соответствует следующему фрагменту из отчёта Ходзько: «Au coeur de l'été, tandis que l'habitant des villes khorassaniennes étouffe de chaleur, le nomade des montagnes après avoir respire l'air frais durant le jour, retourne sous sa tente vers le soir et en ferme soigneusement les ouvertures afin de se garantir du froid perçant des brizes de la nuit. Un corps de trente mille hommes de cavalerie qui partiroit d'Asterabad pourroit arriver en suivant toujours la chaîne d'Albourz jusque sur le sol de Kaboul sans se trouver nulle part en défaut de fourrage ou de l'eau. Plus d'un capitaine d'Asie s'etoit déjà suivi d'une partie de ce passage. Ce n'est que pendant l'hiver que ces montagnes sont impraticables. A Kelatinadiri, la chaîne prend subitement la direction vers le Sud et va sous le nom de "montagnes paropamysiennes" se joindre par l'entremise de Hindoukouch a la grande pépinière des montagnes de l'Asie centrale»[18].

Иногда встречаются причудливые контаминации. Так, в одном эпизоде правитель Турбата Мохаммад-хан Караи[19] из «грозного торговца людьми» («redoutable vendeur des hommes ("adam-fouruch")») у Ходзько превращается Бларамбергом в «страшного пожирателя людей, как Персияне его называли»[20]. Последнее, вероятно, обусловлено влиянием А. Бёрнса, спутники которого называли туркмен «людоедами» (*man eaters* (adum khor)). При этом Бёрнс поясняет, что под выражением *адам-хор* подразумевалась торговля людьми[21].

Таким образом, приходится констатировать, что в географическом разделе вводной части «хорасанской» главы «Статистического обозрения» И. Бларамберг использовал примерно 95% преамбулы А. Ходзько из его отчёта о поездке в Хорасан в 1833 году[22]. С учётом дополнений (в том числе из Фрейзера) общая доля текста Ходзько в этом отрывке Бларамберга составляет около 85%. Последнее обстоятельство, как представляется, требовало от «сочинителя этих записок»[23] как минимум оговорки в начале повествования.

После вводной части И. Бларамберг переходит к описанию маршрутов. Перед первым из них, «маршрутом паломников»[24], составитель упоминает, что в 1833 году он был пройден и впоследствии описан А. Ходзько, отмечая, что в 1838 году сам проследовал по тому же пути. При этом из его ремарки не ясно, использовал ли он описание Ходзько, и если да, то в какой степени. В результате от этой части можно было ожидать сплава наблюдений Ходзько и Бларамберга. Однако и здесь степень использования текста отчёта Ходзько оказалась исключительно высокой, вплоть до того, что Бларамберг приписывает себе наблюдения Ходзько.

Так, например, говоря о курганах, расположенных на равнине между Реем и Вераминoм, он пишет: «По исследовании курганов, рассмотренных нами в разных местах Персии, мы заметили…». И далее приводит текст Ходзько, изменяя 7 пунктов на 8 за счёт дробления одного из них[25] (Ходзько предваряет свои наблюдения словами: «J'en ai visite plusieurs et dans differentes contrées de la Perse. Voilà ce qui s'y offer à l'attention»[26]). При этом в части выводов в перевод вкралась небольшая неточность: на основании приведённых наблюдений Ходзько приходит к мысли о доисламском происхождении традиции возведения курганов, в то время как в тексте Бларамберга – наоборот[27].

Кроме того, в приводимый далее рассказ об уникальном жилом доме в форме ротонды в деревне Лашгерд, который, судя по описанию, напоминает современную многоэтажку с двором-колодцем, вкралась, вероятно, допущенная при наборе и не замеченная составителем опечатка[28], в первый момент сбивающая читателя с толку. Так, Бларамберг пишет, что «его можно сравнить с углом», хотя Ходзько «назвал бы его "человеческим ульем" (ср. неологизм "человейник". – *Б.Н.*)»[29]. Тем не менее, начиная с 8-й станции (всего их 21), текст Ходзько подвергается несколько большей обработке, смысловые блоки меняются местами, процент добавлений Бларамберга и

сокращений отчёта Ходзько постепенно возрастает и к 11–12-й стоянке уже заметно преобладает над текстом Ходзько (за исключением 15-й стоянки).

Местами Бларамберг несколько расширяет данные Ходзько. Например, рассказывая об основании города Нишапур Тахмурасом Дивбандом, Ходзько ссылается на «одного персидского автора», между тем как Бларамберг уточняет, что это Хамдаллах Мостоуфи[30].

Итак, в «маршрутной» части можно говорить об использовании Бларамбергом примерно 75% соответствующего фрагмента отчёта Ходзько, а общее соотношение материалов двух авторов признать примерно равным. Кроме того, Бларамберг приводит краткое описание второго пути из Нишапура в Машхад, по которому в 1838 году проезжал российский посланник И.О. Симонич. При этом в достаточно самостоятельное описание Машхада, выполненное Бларамбергом, вкрался очень близкий к тексту Ходзько отрывок, касающийся усыпальницы имама Резы[31].

Что касается второго маршрута, то в данном случае И. Бларамберг в самом начале помещает заголовок «Описание дороги, ведущей из Нишапура… до Шаруда, составленное в 1834 году[32] А.И. Ходзько, нашим консулом в городе Реште», а в примечании уточняет, что Ходзько стал первым европейцем, проделавшим этот путь, в то время как известный английский путешественник Фрейзер в 1822 году ограничился окрестностями Нишапура (оставаясь на момент составления отчёта Ходзько единственным европейцем, побывавшим в данном районе)[33]. При этом текст Ходзько приводится им в сокращении с некоторыми добавлениями, прямая речь выбрасывается или преобразуется в авторскую.

В итоге в данном случае мы имеем дело, скорее, с парафразом. Например, в описании знаменитых бирюзовых копей в районе Нишапура у Бларамберга мы встречаем такую фразу: «Персияне имеют ещё другой разряд бирюзы: они называют бирюзу новой руды (тазе меаден) ту, которая бледна и находится большими кусками в земле; из неё делают разные украшения для лошадей и проч.». Между тем у Ходзько это сформулировано несколько иначе: «Персияне отличают бирюзу ещё одним способом. Они называют тазе меаден, “бирюзой из новых рудников”, ту, что встречается большими кусками в копях второй категории[34] чаще всего; она бледна и продаётся по низкой цене для изготовления украшений конной упряжи, наконечников сабельных ножен, кинжалов и пр. Я видел чашу для питья, вырезанную из цельного куска этой разновидности бирюзы»[35]. Последнее предложение приводится Бларамбергом чуть дальше в форме «Показывают чашу, в величину малой чайной чашки, сделанную из одного куска бирюзы новой руды»[36].

После этого Бларамберг исключает из своего издания небольшой фрагмент текста Ходзько[37], а вместо него помещает свой текст, объёмом около половины страницы, посвящённый судьбе бирюзовых копей, а также отношению иранцев к рассматриваемому поделочному камню. Затем он отмечает, что самые подробные сведения о бирюзовых рудниках можно почерпнуть из работы Фрейзера, побывавшего там в 1822 году. Здесь стоит заметить, что все эти манипуляции с текстом Бларамберг никак не оговаривает, и читатель продолжает пребывать в убеждении, что имеет дело с текстом Ходзько. Однако начиная с седьмого перехода (у Ходзько – «десятая станция»), составитель «Статистического обозрения» вдруг несколько раз заменяет прямую речь фамилией нашего путешественника (с. 245, 246, 247). Бларамберг прерывает описание Ходзько после 11-го перехода (14-я стоянка у Ходзько), однако при этом не приводит пояснений русского консула о том, что поначалу он собирался пройти путь от Бестама до Фирузкуха вдоль горной цепи Альборза, однако был вынужден отказаться от этой идеи и вернуться на «маршрут паломников» из-за усталости лошадей[38].

Следует отметить, что всё сказанное выше относительно географического введения к очерку, посвящённому Хорасану, проецируется и на описание Бларамбергом Каина, а также племён чахар-аймак, хазарейцев и узбеков[39]. В данном отрывке основная бросаю-

щаяся в глаза неточность состоит в том, что название «араб-хане» Бларамберг прилагает к трём властителям, правившим арабскими племенами, переселёнными в район Каина, Туршиза и Туна, между тем как у Ходзько упомянутое наименование относится к последним трём «провинциям»[40]. В подразделе «Статистического описания» «Течение рек Гюргени и Атрека» с последнего абзаца с. 317 и до с. 319 мы снова видим текст Ходзько без каких-либо ссылок на автора[41]. При этом «мы» Бларамберга в данном случае — это «мы» у Ходзько!

Очень высокий процент заимствования из отчёта Ходзько и в разделе «Краткое обозрение Туркмении»[42]. В последнем его фрагменте у Бларамберга мы даже находим цитату из наследия известного тюркоязычного среднеазиатского поэта Махтумкули, которая лишний раз подтверждает, что тенденция глухого заимствования материалов Ходзько в рамках рассматриваемого «Статистического обозрения» Бларамберга носила устойчивый характер. Так, по словам Грицкевича, «И. Бларамберг сделал прозаический перевод на русский язык полученного им от Ходзько стихотворения Махтумкули “Мудрые мнения” и опубликовал его в приложении “Краткое обозрение Туркмении” к “Статистическому обозрению Персии” в 1853 г.»[43]. Между тем, в издании труда Бларамберга ссылки на А. Ходзько мы не находим, а вместо этого видим перевод на русский язык, выполненный с французского перевода, имеющегося в отчёте Ходзько[44]. После этого Бларамберг весьма символично завершает краткий обзор Туркмении приписанными себе словами Ходзько: «Народ, который поёт подобные песни, не может быть совершенно невежествен» (в отчёте Ходзько: «Le peuple auquel on chante de pareilles choses n’est pas tout à fait barbare»).

Итак, на данный момент остаётся только гадать о мотивах, побудивших И.Ф. Бларамберга отнестись столь небрежно к имени А.И. Ходзько (поскольку на Фрейзера, барона де Боде и др. ссылки даются достаточно аккуратно, хотя завершение цитат, как правило, специально не обозначается, и их границы нередко трудно определить). Не ясно также, предоставлял ли сам Ходзько свои материалы Бларамбергу[45], или же последний воспользовался экземпляром, имевшимся в распоряжении МИД (или копией, сделанной для военного ведомства). Не подлежит сомнению одно – для своего времени отчёт А. Ходзько был значим не только для российского, но и для европейского практического и научного востоковедения.

Основной частью отчёта служит описание маршрута из Тегерана в Машхад, «маршрута паломников». И в этой части значение труда Ходзько касалось только России, здесь он был первопроходцем (упомянутые маршруты были пройдены им в мае – июне 1833 года, ещё в бытность его переводчиком русского консульства в Табризе). Однако на обратном пути он частично проследовал по иному маршруту, который до него не был описан ни одним европейцем.

Кроме того, на тот момент он наряду с Фрейзером оказался единственным европейцем, побывавшим на нишапурских бирюзовых копях, и, несмотря на то, что описание Фрейзера более подробно, в отчёте Ходзько имеется ряд деталей, отсутствующих у первого. Не случайно Ходзько пишет, что большая часть того, о чём он рассказывает в своём отчёте, почерпнута им из первоисточника, и это сразу должно броситься в глаза тем, кто «знаком с немногими сведениями о Хорасане, опубликованными до настоящего времени в Европе»[46]. Незначительное же количество деталей, которые ему не удалось увидеть самому или услышать от других, он почерпнул из сочинения А. Бёрнса как самого свежего и, по его мнению, авторитетного. В свете всего сказанного мы можем признать подлинным пионером в изучении русским практическим востоковедением Хорасана именно Александра Ходзько, а также констатировать его огромное влияние на труды последующих поколений исследователей Ирана.

Примечания

[1] *Грицкевич В.П.* Александр Ходзько (1804–1891) и его вклад в развитие иранистики и тюркологии // Страны и народы Востока. Вып. XXV.

География. Этнография. История. М.: ГРВЛ, 1987. С. 41.

[2] Биографический очерк, посвящённый А. Ходзько, см.: *Грицкевич В.П.* Александр Ходзько. С. 41-52; *Calmard J.* Chodźko, Aleksander Borejko // Encyclopaedia Iranica. URL: https://iranicaonline.org/articles/chodzko-aleksander-borejko (дата обращения: 21.03.2023); *Gadamska-Serafin R. Aleksander Chodźko – romantyk i uczony-orientalista // Romantyzm uniwersytecki: kulturotwórcza rola ośrodków akademickich w pierwszej połowie XIX wieku /* Red. E. Dąbrowicz i M. Lula. Białystok, 2019. S. 137-171.

[3] Filareci // PWN. URL: https://encyklopedia.pwn.pl/haslo/filareci;3900828.html (дата обращения: 21.03.2023).

[4] Следует заметить, что после этого процесса в Петербург перебрался и будущий известный курдовед и собиратель курдских рукописей, родственник А. Ходзько – А.Д. Жаба (1801–1894), также учившийся в Виленском университете и впоследствии тоже закончивший Учебное отделение восточных языков. См.: *Васильева О.В.* Август Жаба – российский дипломат в Османской империи. URL: https://expositions.nlr. ru/ex_manus/kurd (дата обращения: 10.04.2023). Об экзамене см.: Ходзько Александр Леонардович. URL: http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid =7408 (дата обращения: 10.04.2023).

[5] АВПРИ. Ф. 194. Оп. 528/1. Д. 100. Л. 11об.–12.

[6] *Грицкевич В.П.* Александр Ходзько. С. 50-52.

[7] Listy Aleksandra Chodźki do Adama Mickiewicza / oprac. Odrowąż-Pieniążek, J. // Pamiętnik Literacki. 53/3 (1962). S. 260.

[8] Le Drogman turc donnant les mots et les phrases les plus nécessaires pour la Conversation. Vade mecum indispensable a l'armée d'Orient / par A. Ch. Paris: Benjamin Duprat, 1854.

[9] *Siemieniec-Gołaś E.* Orientalista – Aleksander Chodźko i jego wkład w popularyzację języka tureckiego // Perspektywy Kultury. 4(31) (2020). S. 35. Подробнее о словаре см.: Ibid. S. 35-40.

[10] АВПРИ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 2302. Л. 55, 114об., 141–142.

[11] *Бларамберг И.Ф.* Статистическое обозрение Персии, составленное подполковником И.Ф. Бларамбергом в 1841 году. СПб.: Императорская Академия Наук, 1853. С. 205-231, 248.

[12] *Грицкевич В.П.* Александр Ходзько. С. 44.

[13] *Бларамберг И.Ф.* Статистическое обозрение. С. 193-204.

[14] Там же. С. 197.

[15] Там же. С. 193.

[16] АВПРИ. Ф. 194. Оп. 528/1. Д. 2302. Л. 55.

[17] *Бларамберг И.Ф.* Статистическое обозрение. С. 196-197.

[18] АВПРИ. Ф. 194. Оп. 528/1. Д. 2302. Л. 57об.

[19] О нём см., например: *Бларамберг И.Ф.* Статистическое обозрение. С. 274.

[20] АВПРИ. Ф. 194. Оп. 528/1. Д. 2302. Л. 56; *Бларамберг И.Ф.* Статистическое обозрение. С. 195.

[21] *Burnes A.* Travels into Bokhara. Vol. III. London: John Murray, 1839. P. 51-52.

[22] АВПРИ. Ф. 194. Оп. 528/1. Д. 2302. Л. 55–58; *Бларамберг И.Ф.* Статистическое обозрение. С. 194-198.

[23] *Бларамберг И.Ф.* Статистическое обозрение. С. 205.

[24] Там же. С. 205-231.

[25] АВПРИ. Ф. 194. Оп. 528/1. Д. 2302. Л. 58об.–59; *Бларамберг И.Ф.* Статистическое обозрение. С. 206-207.

[26] АВПРИ. Ф. 194. Оп. 528/1. Д. 2302. Л. 58об.

[27] Там же. Л. 59об.; *Бларамберг И.Ф.* Статистическое обозрение. С. 207.

[28] Судя по всему, текст обозрения не был внимательно вычитан Бларамбергом, поэтому в нём иногда встречаются несколько странные опечатки: например, персидское слово *дузд-бегир*, «ловец воров», из совершенно правильной транскрипции у Ходзько превращается в *дизил-бегир* (АВПРИ. Ф. 194. Оп. 528/1. Д. 2302. Л. 83; *Бларамберг И.Ф.* Статистическое обозрение. С. 247).

[29] АВПРИ. Ф. 194. Оп. 528/1. Д. 2302. Л. 63об; *Бларамберг И.Ф.* Статистическое обозрение. С. 213.

[30] АВПРИ. Ф. 194. Оп. 528/1. Д. 2302. Л. 72; *Бларамберг И.Ф.* Статистическое обозрение С. 228-229; The Geographical Part of the Nuzhat-al-Qulub composed by Hamd-Allah Mustawfi of Qazwin in 740 (1340) / Ed. by G. Le Strange. Leiden – London: E.J. Brill, Luzac, 1915. С. 147-148.

[31] АВПРИ. Ф. 194. Оп. 528/1. Д. 2302. Л. 73об.–74об.; *Бларамберг И.Ф.* Статистическое обозрение. С. 231-232, 234.

[32] На самом деле маршрут был пройден А.И. Ходзько в июне 1833 г. См.: АВПРИ. Ф. 194. Оп. 528/1. Д. 2302. Л. 58, 79об.

[33] *Бларамберг И.Ф.* Статистическое обозрение. Л. 237.

[34] То есть *фирузе-хаки*, добываемая из раскопов, сделанных на горных склонах.

[35] АВПРИ. Ф. 194. Оп. 528/1. Д. 2302. Л. 77; *Бларамберг И.Ф.* Статистическое обозрение. С. 239.

[36] *Бларамберг И.Ф.* Статистическое обозрение. С. 239.

[37] Основную часть этого фрагмента занимает рассказ Ходзько о способе добычи бирюзы, сходном с принципом работы на соляных копях. Вероятно, Бларамберг счёл эту информацию ненужным повторением, хотя достаточно интересный рассказ о соляных копях Доулятали и Намакзар им тоже сокращён. Так, Ходзько пишет: «Я посетил их. Обе они тянутся в глинистых холмах очень близко к поверхности, поскольку после удаления земельного слоя толщиной всего в три-пять аршин появляется натуральная соль, залегающая значительными компактными массивами зернистой структуры чистейшей белизны и прозрачности. Это похоже на скопление скал. Без проведения раскопок невозможно определить толщину этих массивов, но рабочие не желают утруждать себя и проходить их друг за другом, и как только по мере продвижения раскопок работы прибавляется, они оставляют их и отправляются на поиски новых отложений в холмах, лежащих поблизости. Я нигде не заметил, чтобы соль давала цвет. [Соляной массив] исследуют с помощью кирки с заострённым носиком, которой рабочий сначала делает в этом минерале небольшую выемку. Затем он кладёт в неё шарик из свежей глины и наносит по нему двойные удары киркой до тех пор, пока в выработке не появятся трещины и соляная глыба не отделится полностью. Таким манером хороший рабочий может добыть харвар соли в день стоимостью один сахибкран три шахи» [АВПРИ. Ф. 194. Оп. 528/1. Д. 2302. Л. 75об.–76].

[38] АВПРИ. Ф. 194. Оп. 528/1. Д. 2302. Л. 84об.; *Бларамберг И.Ф.* Статистическое обозрение. С. 248.

[39] АВПРИ. Ф. 194. Оп. 528/1. Д. 2302. Л. 89–105; *Бларамберг И.Ф.* Статистическое обозрение. С. 279-289.

[40] АВПРИ. Ф. 194. Оп. 528/1. Д. 2302. Л. 89об.; *Бларамберг И.Ф.* Статистическое обозрение. С. 279.

[41] АВПРИ. Ф. 194. Оп. 528/1. Д. 2302. Л. 107об.; *Бларамберг И.Ф.* Статистическое обозрение. С. 317-319.

[42] АВПРИ. Ф. 194. Оп. 528/1. Д. 2302. Л. 109–113; *Бларамберг И.Ф.* Статистическое обозрение. С. 320-325.

[43] *Грицкевич В.П.* Александр Ходзько. С. 47.

[44] АВПРИ. Ф. 194. Оп. 528/1. Д. 2302. Л. 113об.; *Бларамберг И.Ф.* Статистическое обозрение. С. 324-325.

[45] Упоминающий об этом факте В.П. Грицкевич источника этих данных не называет *(Грицкевич В.П.* Александр Ходзько. С. 44).

[46] АВПРИ. Ф. 194. Оп. 528/1. Д. 2302. Л. 58.

DOI: 10.31696/2072-5795-2023-2-18-24

Л.И. Цвижба

ТОРГОВЛЯ НА ЧЕРНОМОРСКОЙ БЕРЕГОВОЙ ЛИНИИ В XIX ВЕКЕ

Начавшийся в начале XIX века процесс интегрирования Кавказа в состав Российской империи потребовал упорядочения и организации торговли и торговых мест, которые способствовали бы удовлетворению потребностей горцев в товарах. В октябре 1811 года Александр I утвердил правила для торговых отношений «с черкесами и абазинцами», «дабы возбудить сколько можно более сношений и посредством деятельности и выгод торговли внушить народам сим пользу её и приучить к употреблению наших продуктов и изделий». Для этого назначаются два пункта торговли: один в Керчи – для товаров с полным торговым карантином и таможней, а другой в Бугазе – меновой двор для товаров, привозимых сухим путём[1].

По мере присоединения регионов Кавказа к России и организации таможенных застав сокращался приток товаров, что в свою очередь привело к контрабандной торговле, включая и торговлю невольниками. Контакты горцев с турецкими промышленниками и торговцами отрицательно влияли на политику Санкт-Петербурга в этом регионе. Турецкие торговцы доставляли контрабандно продукцию, в которую входили не только ткани и домашняя утварь, но и порох, военное снаряжение, товары, которые пользовались повышенным спросом у народов Кавказа с началом присоединения региона к Российской империи. Многочисленные архивные документы отражают, как проходила контрабандная торговля товарами, привозимыми из Турции на Черноморскую береговую линию, как взаимодействовали контрабандисты с горцами, какие меры принимала Россия для недопущения такой торговли, что происходило на Черноморской линии в период войн с Турцией, какие меры принимались для защиты интересов России и установления доверительного отношения к намерениям русской администрации на Кавказе.

Во множестве архивных фондов сохранились материалы о контрабандной торговле турецких судов на берегу Чёрного моря. Например, переписка Кавказского наместника, начальника Черноморской береговой линии, руководителей карантинно-таможенных учреждений с другими должностными лицами содержит информацию о запрещении привоза иностранной соли к портам северо-восточного берега Чёрного моря, о запрещении отпуска горцам чугунных котлов, чтобы лишить их возможности добывать соль, о мерах, принимаемых для предотвращения контрабандной торговли[2].

Несмотря на то, что российские военные отряды на береговой линии перехватывали контрабандные суда, они продолжали причаливать в укромные места, где их поджидали горцы, иногда даже успевающие разгрузить суда и спрятать товар. На судах часто оказывались и горцы, которые возвращались на Кавказ из Турции, и невольники, которых готовили к отправке в Турцию.

5 июля 1834 года командир Отдельного Кавказского корпуса Г.В. Розен писал военному министру генерал-адъютанту А.И. Чернышёву о соединении сухопутной Военно-Имеретинской дороги с крепостью Сухум-кале и о необходимости создания «для совершенного же прекращения торговли с турками» по всему восточному берегу Чёрного моря менового торга по примеру турецких промышленников[3].

Тем временем, 9 сентября 1834 года было задержано в море в районе между мысом Заном и Сочали (Сочи) купеческое судно с семью турками, правда, впоследствии два человека сбежали. Из рапорта командующего Черноморской линией генерал-майора Н.С. Завадовского командующему войсками на Кавказской линии и Черномории генерал-лейтенанту А.А. Вельяминову от 5 ноября 1834 года о захвате 9 сентября турецкого купеческого судна в пяти милях от берега ко-

мандиром транспорта «Успех» лейтенантом Безуаром следует, что при допросе шкипер и матросы «добровольно» сознались в «непозволительной торговле с горцами, в том числе и 14-ти лет черкешенки»[4]. Четыре турецкоподданных, содержавшихся в Екатеринодаре, были переданы Керчь-Еникольскому градоначальнику для отправки их в Турцию, а шкипера судна «за недозволительную торговлю с горцами во второй раз» оставили под арестом до высочайшего разрешения. Это следует из рапорта Н.С. Завадовского А.А. Вельяминову от 4 августа 1835 года[5]. Что касается черкешенки (её звали Козе Абид), то ещё в январе 1835 года она была передана «преданному России черкесу Ягубоку Аббатову»[6].

Черноморская береговая линия – это цепь укреплений вдоль побережья Чёрного моря от Анапы до Сухума, построенных в 1837–1839 годах с целью отрезать Северо-Западный Кавказ от контрабандных поставок, в том числе оружия, соли из Турции, Англии, и прекратить работорговлю. Линия была ликвидирована во время Крымской войны, так как имела множество удобных мест для причаливания судов.

Многочисленные документы, содержащие сведения о контрабандной торговле, показывают, какие товары были наиболее востребованными у горцев. Так, на арестованном 30 ноября 1835 года недалеко от Геленджикской бухты одномачтовом турецком судне обнаружили соль, 54 фунта пороха, трёхфунтовую полевую пушку, свыше 20 тысяч свинцовых пуль. Имущество было конфисковано и продано с аукционных торгов[7].

Однако аукционные торги были чреваты нежелательными последствиями. Возникал вопрос, куда же попадают после аукционов эти военные снаряды? Рапорт начальника штаба Отдельного Кавказского корпуса генерал-майора В.Д. Вольховского командующему войсками Кавказской линии генерал-лейтенанту А.А. Вельяминову от 20 марта 1835 года направлен на выяснение покупателя. Также ставится вопрос о мерах, принятых местным воинским начальством для того, чтобы эти снаряды не были перепроданы горцам. После этого рапорта последовало предписание командира Отдельного Кавказского корпуса командующему войсками А.А. Вельяминову от 26 июня 1835 года о необходимости запретить продажу с аукционов подобных военных снарядов[8].

В 1836 году Кавказский наместник генерал-адъютант М.С. Воронцов произвёл осмотр Черноморской береговой линии для последующего «учреждения торговли с черкесами и абазинцами и усиления мирных дружеских сношений с горцами». 26 августа 1836 года по результатам осмотра направлено всеподданнейшее донесение Николаю I, из которого следовало, что горцы активно общаются с турецкими торговцами. В подтверждение этому были приведены факты, что «за прошедшие годы» 60 судов «благополучно миновали российские крейсеры, из них были задержаны только восемь, столько же в текущем 1836 году»[9].

16 января 1838 года командиром 5-го пешего Черноморского казачьего полка подполковником Н.В. Орловым было сожжено близ крепости Анапа турецкое двухмачтовое судно. В переписке по этому делу значится, что взяты в плен два турка и два черкеса. Рапорт коменданта Анапской крепости генерал-майора Н.Е. Цукато командующему войсками на Кавказской линии и Черномории генерал-лейтенанту А.А. Вельяминову от 21 января 1838 года поясняет, что судно было вытащено на берег в бухте Сухопс и готовилось к отплытию в Константинополь, но по распоряжению Цукато оно было «сложено» вместе с нагруженным товаром. Захваченные в плен турки сообщили, что судно называлось «Гулет», ходило под турецким флагом и принадлежало Сефир-бею (шапсугский князь Сефир-бей Занов. – *Авт.*). Судно было нагружено разными товарами – до 70 тюков – и солью, пороха и свинца не обнаружено. Другой опрошенный, 80-летний черкес Асман Синаид сообщил, что судно пришло с солью, порохом и свинцом, который шкипер продавал черкесам или выменивал на разные горские товары. Отряд, помимо уничтоженного турецкого судна, сжёг ещё два аула горцев и отбил «большое количество рогатого скота»[10].

В «Деле по рапорту начальника Черноморской береговой линии генерал-лейтенанта Н.Н. Раевского о прибывшем к восточному берегу Чёрного моря из Турции на контрабандном судне натухайца Шергох Сохта и о вреде, происходящем через снабжение подобных людей пашпортами от Константинопольской миссии нашей (1840-1843 г.)» Н.Н Раевский писал военному министру генерал-адъютанту А.И. Чернышёву 6 августа 1840 года, что натухайцы желают покориться, но опасаются своих соседей. При этом следует, что «их привлекает торговля солью, и, опасаясь её прекращения, они стараются нас забавлять обещаниями, которых не могут исполнить в настоящее время».

Н.Н Раевский предлагает решение вопроса: «Я полагаю необходимым, чтобы мы, сколько возможно, препятствовали выезду горцев с восточного берега в Турцию, сколько возможно, препятствовали бы возвращению выехавших. Посему я полагал бы не только не снабжать их пашпортами, но, даже обходясь с ними, как с военнопленными, поставить непременным правилом, чтобы горцев, взятых на контрабандных судах, ни в коем случае не выменивать даже на русских пленных. Снабжение горцев пашпортами не что иное, как покровительство контрабанде и их тайным сношениям с Турцией…»[11].

В 1840 году из Турции к черкесским берегам прибыла двухмачтовая кочерма с порохом, снарядами и артиллеристом, в связи с чем командиром Отдельного Кавказского корпуса Е.А. Головиным было сделано предписание (24 марта 1841 г.) командующему войсками на Кавказской линии генерал-адъютанту П.Х. Граббе: объявить Порте через миссию в Константинополе, что «государь император надеется, что со стороны турецкого правительства приняты будут все возможные меры к прекращению подобных сношений турецких берегов с горскими племенами»[12].

К теме контрабанды имеет отношение «Дело о постановлении правил на принятие от горцев покорности»[13]. В донесении исполняющего должность начальника Черноморской береговой линии командиру Отдельного Кавказского корпуса от 23 января 1842 года содержится информация «касательно взрослых горцев и турок, взятых на контрабандных судах», что таковых следует отправлять в Новочеркасск для распределения оттуда в арестантские роты[14]. В указанном деле сохранилась «Справка», правда, без датировки и указания автора. Речь в ней идёт о судьбе взятых 14 ноября 1841 года на реке Ту людей: турок и горцев с контрабандного судна (до 150 человек), предположительно для продажи их в Турцию, которые отосланы в Геленджик и Новороссийск, «куда прибывают горцы с просьбами об освобождении их, предлагая на вымен за них наших [русских] беглых»[15].

Несмотря на то, что контрабандные суда перехватывались российскими отрядами на береговой линии, они продолжали причаливать в укромные места, где их поджидали горцы. Так, рапорт начальника Черноморской береговой линии генерал-майора А.И. Будберга командиру Отдельного Кавказского корпуса генерал-адъютанту А.И. Нейдгарту от 5 августа 1844 года о происшествиях на береговой линии содержит сведения о двухмачтовом контрабандном судне большого размера с баркасом, которое пристало к устью Мезуапсу (между фортами Лазаревским и Головинским) и было спрятано в ущелье. На истребление судна была послана Азовская команда войскового старшины Бараховича, который, помимо сожжения судна с баркасом, ещё и вступил в столкновение с горцами.

Интенсивность контрабандного вторжения видна на примере лета 1844 года, когда к горцам прибыло 12 контрабандных судов, из них семь взято или уничтожено, а пять ещё оставались на берегу. А.И. Будберг писал, что «турецкие контрабандисты и горцы научились опытом брать против наших казачьих ладей предосторожности, которые весьма затрудняют овладение ими или их истребление. Контрабандные суда не приходят иначе, как вооружённые двумя или тремя орудиями, а пристав к берегу, они охраняются сильным караулом, занимающим траншеи, вырытые горцами при всех устьях рек»[16].

Переписка между главнокомандующим Закавказским краем, начальником Черномор-

ской береговой линии и начальником 2-го отделения линии (апрель-июнь 1843 г.) содержит информацию о запрещении отпуска горцам чугунных котлов, чтобы лишить их возможности добывать соль, а также описание пяти турецких судов, готовящихся к отплытию к берегам Абхазии и Черкесии, и их груза[17].

Дело, датированное 1845 годом – это переписка Кавказского наместника, начальника Черноморской береговой линии и карантинно-таможенных учреждений. Оно содержит также информацию о запрещении привоза иностранной соли к портам северо-восточного берега Чёрного моря[18].

14 декабря 1844 года А.И. Будберг в очередном рапорте на имя А.И. Нейдгарта сообщал о прибытии 21 октября в устье реки Вулан контрабандного судна с оружием, порохом, свинцом. На борту находились 12 турок, до 50 горцев, возвращавшихся на родину, и один европеец (англичанин)[19]. С 29 на 30 ноября на траверсе укрепления Головинского сторожевыми ладьями хорунжего Назарова и зауряд-хорунжего Корчевского захвачено контрабандное судно с девятью турками. Кроме них, на судне находились горцы: 72 человека мужского пола и 78 – женского пола, и три русских мальчика. Все они вывозились на продажу[20].

В одном из дел Инспекторского департамента с названием «Не принадлежащие к делам бумаги и разные справки до Кавказского и Закавказского края относящиеся. 1844–1853 годы» обнаружена «Справка о прекращении контрабандной торговли». В ней отмечены предложенные в 1838 году начальником Черноморской береговой линии Н.Н. Раевским меры для пресечения контрабандной торговли, производимой турецкими судами на восточном берегу Чёрного моря, и отношение к этому вопросу вице-канцлера графа К.В. Нессельроде и начальника Главного морского штаба генерал-адъютанта А.С. Меншикова[21]. В этом деле значится документ с названием «О торговле восточного берега Чёрного моря».

Речь в нём идёт о разрешении, в целях налаживания торговых отношений России с горцами, меновой торговли соли «на разные туземные произведения», о всё возрастающей торговле и о допуске беспошлинного привоза различных необходимых для горцев товаров по особому расписанию. Таким образом, было разрешено допускать беспошлинную торговлю по таможенным местам на восточном берегу Чёрного моря, между реками Кубанью и Ингуром, бумажными и шёлковыми материями, сотканными в Турции, турецкими кожаными изделиями и другими вещами: мылом, посудой, хлебом, табаком, а также российскими и иностранными изделиями, за которые в других русских портах взимается пошлина[22].

Вопросы налаживания торгового сотрудничества с народами Кавказа требовали не только организации торговых площадей и открытия ярмарок, но и знания среды, какие народы проживают в данной местности и какова их повседневная деятельность, особенно тех, кто связан с поставкой товаров.

3 марта 1845 года начальник Черноморской береговой линии генерал-адъютант А.И. Будберг писал члену комитета по устройству Закавказского края, тайному советнику М.П. Позену о народонаселении в предполагаемых к учреждению таможен на восточном берегу Чёрного моря городах – Анапе, Новороссийске и Сухуме. Он сообщал об «инородных вольнопромышленниках, занимающихся там торговлею», и о торговцах, состоящих из мегрельцев, имеретин, турецких греков и армян, которые «живут там для торговых занятий, но семейства свои оставляют в местах постоянного жительства». Здесь же указывалась «причина незначительности вольнопромышленников»: «вблизи Сухума есть Келасур, Очамчира и другие пункты, куда контрабандисты доставляют прямо из Турции все товары, необходимые для потребления в Абхазии и сопредельных с нею местах»[23].

Кавказская администрация пыталась решить вопрос организации ярмарок, разрешения прохода как мирных, так и непокорных горцев через кордонную линию для свободного торга. «Дело о предоставлении горцам свободной торговли в Троицкой ярмарке в г. Екатеринодаре с 28 мая по 5 июня 1845 г.» содержит подробный распоря-

док ярмарочных дней, указание о часах работы, начинавшихся поднятием флага, информацию о численности участников торгов и объёме товаров. Там же имеются ведомости о доставленных и проданных на ярмарке и вывезенных за Кубань товарах русского производства[24].

В рапорте временно командующего Черноморской кордонной линией генерал-майора Г.А. Рашпиля временно командующему войсками на Кавказской линии и Черномории генерал-лейтенанту Н.С. Завадовскому есть сведения о пропуске горцев для свободной торговли на Покровской ярмарке в Екатеринодаре[25]. Журнал ярмарочного торга в черкесском стане с 25 сентября по 2 октября 1845 года содержит информацию о товарах горцев: преобладает строевой лес и изделия из него, а других товаров, таких, как мёд, воск, масло, лошадей и скота было «немного из-за крайнего оскудения домашнего богатства в закубанских аулах». Из документов следует, что на всех ярмарках «господствовал порядок и спокойствие», обеспеченное мерами местной администрации. В них также говорится о «признательности горцев к правительству за оставленную им через свободную торговлю возможность сбыть свои избытки и удовлетворить потребности и нужды»[26].

Не обходилось на ярмарках и без чрезвычайных ситуаций. Так, в переписке по рапорту временно командующего Черноморской кордонной линией генерал-майора Г.А. Рашпиля временно командующему войсками Кавказской линии и Черномории генерал-лейтенанту Н.С. Завадовскому от 31 июля 1845 года говорится о закрытии Подмогильного менового торга (расположенного в 1-й части кордонной линии) в случае невыдачи мирными жителями администрации, в участке которых случилось убийство, виновного в убийстве крестьянина селения Тихорецкого Ставропольского уезда Ивана Соболева, прибывшего 30 июля по своим надобностям на меновый торг[27].

Рапорт начальника Черноморской береговой линии генерал-адъютанта А.И. Будберга главнокомандующему Отдельным Кавказским корпусом генерал-адъютанту М.С. Воронцову от 4 января 1847 года содержит информацию о положении на береговой линии, в том числе о захвате контрабандного турецкого судна с оружием, трёх турок, одиннадцати черкесов, одного дагестанца и четырёх женщин в районе фортов Головинского и Навагинского[28].

3 марта 1850 года начальник Черноморской береговой линии сообщает главнокомандующему Отдельным Кавказским корпусом сведения о невольниках, обнаруженных на турецкой кочерме, следовавшей из Сухума к Трапезунду[29]. Предписание начальника Черноморской береговой линии вице-адмирала Л.М. Серебрякова исправляющему должность начальника 3-го отделения линии (1853 г.) содержит информацию о расследовании случаев укрывательства и нелегальной отправки из Абхазии в Турцию невольниц и о причастности к этому управляющего Абхазским округом полковника Дмитрия Шервашидзе[30].

Из рапорта начальника Правого фланга и Кавказской линии от 13 декабря 1853 года временно командующему войсками на Кавказской линии и Черномории следует, что «турецкие суда доставили в значительном количестве пороху и свинца в дом одного из убыхских старшин для раздачи по воле турецкого правительства всем горцам»[31].

«Дело по отношению главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом о доставлении турецкими судами пороха горцам Черноморской береговой линии» (1853 г.) содержит переписку о недопущении выгрузки на восточном берегу Чёрного моря с двух судов, управляемых турецкими шкиперами, 208 (150 и 58) бочек пороха[32].

Кавказская администрация России принимала меры по недопущению нужных товаров горцам, тем самым принуждала их принять покорность. Одними из таких товаров были котлы для вываривания соли и сама соль, которые доставлялись из Турции контрабандой или приобретались на ярмарках и меновых дворах. Вице-адмирал Л.М. Серебряков 15 мая 1854 года сообщает наказному атаману Войска Донского о необходимости возобновления отпуска соли в обмен на продовольственные товары, производимые горцами. Запретительная мера не достигла сво-

ей цели, то есть покорности ради получения соли, а с началом Крымской войны (1853–1856 гг.) укрепления Черноморской береговой линии были эвакуированы, и турецкие суда могли причаливать где угодно и доставлять горцам любые товары[33].

В «Деле по отношению главнокомандующего Кавказской армией о двух взятых и одной уничтоженной турецких кочермах в Геленджикской бухте и о дальнейшей судьбе пленных турок с контрабандных судов, о заключении их вместо крепостей в тюрьмы» (1858–1860 гг.) есть статистика захваченных в плен турок. Так, из доклада военного министра по Департаменту Генерального штаба от 16 декабря 1858 года следует, что с осени 1856 года взяты на контрабандных судах 66 турок и заключены в Екатеринодарский острог, а 31 человек, взятый с 5 ноября 1856 года, содержатся в Поти[34]. Доклад по департаменту Генерального штаба от 16 мая 1860 года содержит сведения «о возможности помещения контрабандистов», захваченных у Восточного берега Чёрного моря, в следующих местах: Астрахань – до 70 человек, Херсон – 10-15 человек, Воронежская губерния – 260 человек, Полтавская губерния – 110 человек[35].

В одном из дел фонда Главного штаба «О мерах, вызванных войной с Турцией, охране побережья Чёрного моря, организации торговли в районе действующей армии» есть много интересных документов о торговле в период Русско-турецкой войны. Например, высочайше утвержденный (8 октября 1877 г.) всеподданнейший доклад министра финансов «об испрашивании высочайшего соизволения на запрещение вывоза сырых бараньих шкур и овчин, и изделий из них из портов Балтийского моря и через западную границу для доставления турецкому правительству»[36]. С 28 октября по 31 октября 1877 года состоялась телеграфная переписка между командующим войсками Одесского военного округа генерал-адъютантом В.С. Семекой и военным министром и министром финансов по вопросу о разрешении поставок из российских портов на купеческих судах под греческим флагом для турецкого правительства пшеницы; о приостановке вывоза нейтральными судами пшеницы в турецкие порты[37]. Весьма интересна телеграмма министра финансов военному министру от 31 октября 1877 года: «Для торговли, конечно, было бы лучше допустить вывоз в нейтральные порты», но «ручаться, что не повезут к туркам, нельзя»[38].

5 декабря 1877 года министр финансов сообщает военному министру о высочайшем повелении запретить вывоз за границу хлеба и всех продуктов, которые могут «служить для продовольствия турецких войск», и прилагает список российских товаров, запрещённых к вывозу за границу из портов Чёрного и Азовского морей[39]. Из отношения военного министра главному интенданту от 27 января 1878 года известно о высочайшем соизволении отменить запрет вывоза из русских портов хлебных и других продовольственных продуктов, а также овчин, шкур и изделий из них[40]. В феврале 1878 года был утвержден императором доклад государственного канцлера об условиях пропуска турецких коммерческих и пассажирских судов в период перемирия в Черноморские порты, то есть «допускать с соблюдением необходимых мер предосторожности»[41].

Обзор производительных сил Кавказского наместничества за 1879 год содержит материалы о внутренней и внешней торговле. Из анализа торговли следует, что уменьшение таможенного дохода произошло от «совершенного прекращения подвоза иностранных товаров к Чёрному морю». Увеличение доходов может быть ускорено, «если устранятся главные препятствия к развитию края и торгово-промышленной его связи с Россией, что может быть достигнуто благоустройством морских и сухопутных сообщений с Россией, которые сделали бы Кавказ более доступным для русской народной деятельности». Кроме того, автор обзора говорит о необходимости увеличения населения за счёт переселенцев[42].

Примечания

[1] *Дзидзария Г.А.* Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке. Сухуми, 1958. С. 117.

[2] Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 788. Оп. 1. Д. 111.
[3] РГВИА. Ф. 846. Оп. 116. Д. 6312. Л. 13–24.
[4] Там же. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 1198. Л. 1–2об., 4–4об.
[5] Там же. Л. 23–23об.
[6] Там же. Л. 35–35об.
[7] Там же. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 117. Л. 1–4.
[8] Там же. Л. 5–5об., 10–10об.
[9] Там же. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6322. Ч. 1. Л. 1–38об.
[10] Там же. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 213. Л. 1–4об.
[11] Там же. Ф. 450. Оп. 1. Д. 20. Л. 1–2.
[12] Там же. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 431. Л. 1–4.
[13] Там же. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6467. 1842–1843 г.
[14] Там же. Л. 1–2об.
[15] Там же. Л. 10–12об.
[16] Там же. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6541. Л. 130, 133об., 136.
[17] Там же. Ф. 788. Оп. 1. Д. 116. Л. 2–4об.
[18] Там же. Ф. 788. Оп. 1. Д. 111.
[19] Там же. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6541. Л. 209, 216.
[20] Там же. Д. 6541. Л. 219–222.
[21] Там же. Ф. 38. Оп. 7. Д. 104. Л. 227–229.
[22] Там же. Л. 272–274.
[23] Там же. Ф. 38. Оп. 7. Д. 104. Л. 280–280об.
[24] Там же. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 655. Л. 5–10об., 11–11об., 19.
[25] Там же. Л. 18–18об.
[26] Там же. Л. 19–20.
[27] Там же. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 719. Л. 1–4об.
[28] Там же. Л. 26.
[29] Там же. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 752. Л. 13–18.
[30] Там же. Ф. 788. Оп. 1. Д. 110.
[31] Там же. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 969. Л. 1–1об.
[32] Там же. Ф. 38. Оп. 7. Д. 207. Л. 1–5.
[33] Там же. Ф. 38. Оп. 7. Д. 257. Л. 1–3.
[34] Там же. Ф. 38. Оп. 7. Д. 357. Л. 25–33.
[35] Там же. Л. 105–110об.
[36] Там же. Ф. 400. Оп. 3. Д. 501. Л. 327–328об.
[37] Там же. Л. 375–376 об., 386–387, 388, 389, 390.
[38] Там же. Л. 391.
[39] Там же. Л. 421–421об., 422–422об.
[40] Там же. Л. 473–473об.
[41] Там же. Л. 473–473об., 494.
[42] *Шавров Н.* Обзор производительных сил Кавказского наместничества за 1879 г. с картою. Тифлис, 1880. С. 310, 311.

DOI: 10.31696/2072-5795-2023-2-25-30

Шмидт Вальдемар

РАЗВИТИЕ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ ЕВРОПЕЙСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В ВОСТОЧНОАФРИКАНСКИХ КОЛОНИЯХ ГЕРМАНИИ

Тема германского колониализма в Африке неоднократно привлекала интерес научной общественности. Большая часть колониальных владений кайзеровской Германии, возникших в 1884 году, находилась на африканском континенте. К началу XX века Германия владела там Восточной Африкой. Немецкая Восточная Африка, одна из крупнейших колоний кайзеровской Германии, занимала площадь 995 000 кв. км, что почти вдвое превышало территорию Германской империи. В кайзеровской Германии до 1914 года существовало ошибочное мнение, что страна нуждается в колониях, хотя на самом деле это выглядело не совсем так. Практически все колониальные владения Германской империи требовали значительных субсидий, но немецкий финансовый капитал, впрочем, как и эмигранты, предпочитали страны Восточной Европы и Америки, а не свои колонии.

Несмотря на широкий спектр исследований и всесторонний охват проблем колониального прошлого немецкой Восточной Африки, ещё сегодня имеются вопросы, которые не получили должного освещения в научных исследованиях. К числу таких малоизученных вопросов относится проблема о взаимосвязи педагогических мероприятий с колониальной деятельностью. В сущности, в немецкой историографии, рассматривающей вопросы колониальной педагогики, в основном исследованы вопросы, связанные с развитием образовательных учреждений для местного населения восточноафриканских колоний, но практически не освещено развитие школьного образования в этой колонии для европейских переселенцев. К тому же колониальная политика в сфере школьного образования являлась не только важной составной частью колониальной политики, но и действенным инструментом и средством, оправдывающим колониальное господство в моральном аспекте.

В восточноафриканских колониях Германии перед началом Первой мировой войны существовало два типа общеобразовательных учреждений: миссионерские и правительственные школы, которые, в свою очередь, подразделялись на школы для детей из числа коренного населения и детей переселенцев из Европы. Школы для детей переселенцев из Европы относились к типу элементарных школ[1]. Эта система находилась непосредственно под наблюдением губернатора восточноафриканских колоний. Надо отметить, что миссионерские школы существенно отличались от правительственных школ по предметам дававшегося в этих учреждениях образования. В миссионерских школах преимущественно делался упор на преподавание религиозных предметов. Данный тип школ в большей степени был посещаем детьми местного населения[2].

Имеется много данных о деятельности колониальных учреждений и их мероприятиях при создании школ для детей переселенцев-буров и детей переселенцев – российских немцев в районе Меру в поселении Лейдорф. Материалы свидетельствуют о том, что развитие школьного образования для детей европейских переселенцев, к числу которых принадлежали российские немцы, в восточноафриканских колониях Германии было сопряжено с определёнными трудностями, которые объяснялись, прежде всего, чисто материальными причинами и во многом зависели от роста численности переселенцев в этой африканской колонии. Отсутствие материальных средств непосредственно сказывалось не только на развитии и дальнейшем существовании этих школ, но и на качестве образования, которое соответствовало бы европейскому стандарту.

Несмотря на неизученность вопроса о школах для европейских переселенцев в восточноафриканских колониях Германии, имеется значительная фактологическая база, которая даёт

представление о развитии структуры школьного образования для детей выходцев из Европы в восточноафриканских колониях. Многочисленная колониальная литература перед Первой мировой войной рассматривала колониальную систему образования недостаточно полно. Что касается проблемы развития правительственных школ для европейских переселенцев в восточноафриканских колониях, то в литературе этому вопросу не было уделено особого внимания, в основном рассматривались вопросы о развитии школьного образования среди местного населения немецких колоний[3].

Так, например двухтомное исследование «Das deutsche Kolonialreich», написанное Гансом Майером, практически не освещало вопросов развития школьного образования в немецкой Восточной Африке. К числу источников, в которых имеются сведения по проблеме развития правительственных школьных учреждений в восточноафриканских колониях для детей эмигрантов из Европы, можно отнести материалы «Die deutsche Schutzgebiete in Afrika und Südsee. Amtliche Jahresberichte», в которых собраны статистические данные, а также сведения и материалы о регионах, где имелись правительственные школы для европейских переселенцев.

Помимо указанного статистического источника, определённую ценность представляют также материалы «Denkschrift über der Entwicklung der Schutzgebiete in Afrika und der Südsee. Teil B. Deutsch-Ostafrika», особенно ведомственная часть этого издания, в которой сосредоточены материалы о развитии сети правительственных школ для детей эмигрантов из Европы, количестве учащихся, предметах, преподававшихся в этих образовательных учреждениях, а также проблемах, возникших при создании этих типов школьных учреждений.

Важную роль при исследовании вопросов, связанных с развитием школ в восточноафриканских колониях для детей европейских эмигрантов, приобретают материалы справочного характера, в первую очередь опубликованные в «Deutsches-Koloniallexikon», а также изданное в 1943 году в Берлине справочное издание «Afrika. Handbuch der praktischer Kolonialwissenschaften. Das Schulwesen in Afrika». В этих справочных материалах имеются ценные сведения о развитии правительственных школ для детей европейских переселенцев в восточноафриканских колониях, а также о деятельности губернатора этой колонии по их организации.

Немаловажный фактологический материал при исследовании вопросов школьного образования среди буров и российских немцев в колониальную эпоху в восточноафриканских колониях Германии в районе Меру дают сводки годовых отчётов Евангелическо-лютеранской миссии. В плане исследования данной темы имеют значение сообщения колониальных конгрессов, в которых содержатся данные о значении и роли христианских миссий для развития не только колоний, и особенно о роли миссий в развитии школьного образования. Одним из важных источников по вопросам развития правительственных школ в восточноафриканских колониях Германии являются материалы фонда имперского колониального ведомства «Школьные дела», хранящиеся в Федеральном архиве Германии.

При рассмотрении литературы, касающейся колониального прошлого Восточной Африки, к более насыщенным фактами работам относятся исследования таких немецких ученых, как Э. Цехлина и Э. Руппель, Э. Моритца, Г. Лейзнера, Лоттманна, М. Шлюнка, В. Арнинга. Однако анализ данных исследований позволяет заключить, что проблема существования и развития школ для буров и российских немцев в восточноафриканских колониях специально не разрабатывалась. В вышеназванных исследованиях имеются только лишь упоминания о существовании этих школ, хотя спектр проблем и вопросов, связанных с развитием школьного образования в среде детей буров и российских немцев, эмигрировавших в восточноафриканские колонии перед Первой мировой войной, довольно широк и многогранен.

Проблема развития школы для детей эмигрантов буров и российских немцев в восточноафриканские колонии была тесно связана с вопросом заселения этой территории. Это объяснялось тем, что из-за климатических условий не все регионы Восточной Африки были при-

годны для заселения их европейцами. В сущности, школы для детей европейцев возникли в тех регионах восточноафриканских колоний, где было сосредоточено наибольшее количество эмигрантов из Европы, к числу которых принадлежали буры, греки, российские немцы[4].

Необходимость создания правительственных школ для детей европейских переселенцев в восточноафриканских колониях была вызвана также и тем, что в определённых регионах Восточной Африки образовательная работа религиозных миссий была недостаточной. Поэтому возникла необходимость создания образовательных учреждений, непосредственно работающих с детьми европейских переселенцев.

О создании правительственных школ в колониальных владениях Германии высказался депутат рейхстага доктор Якоби на заседании колониального общества в Штеттине 20 мая 1904 года. В частности, Якоби, поднимая этот вопрос, отметил, что создание правительственных школ в колониях Германии необходимо не только для детей местного населения, но и детей европейских переселенцев. Обосновывая идею создания в колониях правительственных школ, Якоби подчеркнул их значимость прежде всего в преподавании немецкого языка, так как миссионерские школы этой гарантии не давали[5]. Помимо этого, Якоби отмечал, что именно правительственные школы могут способствовать распространению немецкого языка не только среди местного населения, но и среди европейских переселенцев, так как целью миссионерских школ в колониях является только распространение знаний о христианстве[6].

Как сообщала газета «Das Reich», в 1904 году на территории Восточной Африки имелись две правительственные школы для детей европейских переселенцев: одна в районе Меру для детей переселенцев-буров, другая в Дар-эс-Саламе для детей немецких переселенцев[7].

С 1904 года в трёх населенных пунктах, расположенных в Меру (Энгаре Омотони, Олдонью Самбу и Энгаре Нанюки), селились буры, появившиеся в этом регионе в результате внутриафриканской миграции, вызванной последствиями англо-бурской войны[8]. В 1905 году всё европейское население немецкой Восточной Африки составляло 1879 человек, причём из этого числа было 1453 мужчины, 420 женщин, 101 мальчик и 104 девочки[9]. Что касается региона горного массива Меру, то буры составляли значительную часть европейского населения в ведомственном округе Моши[10]. В этом плане интересны статистические данные о количественном составе европейского населения в округе Моши.

Таблица 1. **Распределение европейского населения в районе Меру в округе Моши за 1906/1907 годы[11]**

Округ	Имперские немцы	Буры	Российские немцы
Моши	95	214	45

Следующая статистическая таблица свидетельствует о продолжении роста численности европейского населения в районе Меру в округе Моши.

Таблица 2. **Распределение европейского населения в Меру в округе Моши за 1907/1908 годы[12]**

Округ	Имперские немцы	Буры	Российские немцы
Моши	134	260	49

Рост европейского населения в районе Меру побудил колониальные власти восточноафриканских колоний создать здесь правительственную школу для детей буров. Как сообщала «Deutsch-Ostafrikanische Zeitung», «это является одной из важнейших задач колониальной администрации колонии в развитии образования для детей переселенцев-буров, так как необходимость деятельности этой школы заключается не только в том, чтобы нести в

среду буров немецкое образование, но и приобщить их к кругу жителей немецкой колонии»[13]. По сообщению газеты «Germania», в этой школе обучалось 100 детей переселенцев-буров[14].

В связи с развитием правительственных школ в Восточной Африке депутаты рейхстага и немецкая пресса подвергли критике деятельность губернатора этой колонии при создании этого типа школ. В письме от 7 сентября 1906 года губернатор Восточной Африки дал разъяснение о проводимой им политике в сфере школьного образования в колонии. Губернатор писал, что нападки на проводимую им политику в сфере школьного образования в колонии объясняются, во-первых, практически незнанием ситуации; а во-вторых, сообщал губернатор, в колонии имеются различные типы школ для детей европейских переселенцев и местного населения. И эти виды школ нельзя рассматривать, как один тип школ. В этом письме губернатора также отмечалось, что в районе Меру в школе для детей переселенцев-буров преподавание религиозного предмета проводится проповедником из числа буров. Также отмечалось, что в школе для детей буров преподавание ведёт учитель из Германии, который является правительственным служащим[15].

Правительственная школа для детей переселенцев-буров возникла в северном Меру в поселении Олдонью Самбу в 1906 году. Преподавал учитель, который раньше проживал в районе Меру. В связи с переселением российских немцев в район Меру у колониальных властей возникла необходимость создания школы для детей переселенцев-немцев из России в поселении Лейдорф[16], где имелось 40 детей различного возраста. Учёба проходила с марта по октябрь по пять часов в день[17]. Занятия проводил учитель Йоханнес Вильске[18]. В школе изучали Библию, чтение, правописание, счёт и пение[19].

Учитель Вильске с учениками перед зданием школы в поселении российских немцев Лейдорф (Восточная Африка)[20].

В начале сентября 1906 года Вильске в сообщении о состоянии дел школьного образования среди детей российских немцев-переселенцев в Лейдорфе писал: «Строительство школы в районе Меру, а именно в поселении российских немцев, постепенно продвигается, в основном трудности строительства школы объясняются тем, что очень дорого стоит древесина. Однако он надеется, что в начале октября следующего года он сможет приступить к преподаванию предметов среди детей российских немцев»[21]. Школу в Лейдорфе также посещали дети переселенцев-немцев из палестинской колонии Сарона, которые перебрались в этот район в 1909 году.

К началу Первой мировой войны, несмотря на низкий поток переселения европейского населения, в немецкой Восточной Африке имелись три школы для детей европейских переселенцев, где преподавали пять учителей, обучавших 72 ученика[22]. Преподавание в школах для детей европейских переселенцев осуществлялось на немецком языке. Более того, основной упор в преподавательской деятельности был направлен на усиленное изучение немецкого языка, чтобы после окончания школы её выпускник мог занять определённое место в колониальной управленческой организации. Срок обучения в школах для европейских переселенцев был два года[23]. В отличие от школ для буров в английских колониях, в восточноафриканских колониях Германии сохранялась возможность использования голландско-бурского языка в религиозном предмете[24].

Несмотря на то, что дети бурских переселенцев очень охотно посещали немецкую школу в Олдонью Самбу[25], результаты её работы вызывали скепсис у колониальных властей. В материалах колониального ведомства за 1910/1911 год сообщалось, что «школа для буров в северном Меру (Олдонью Самбу) посещалась 15 учениками в возрасте от шести до пятнадцати лет. Большинство учеников из числа бурских детей посещали эту школу регулярно, однако в обучении не наблюдалось каких-либо прогрессивных тенденций, особенно в изучении немецкого языка. Большинство учеников буров имели ошибки в немецкой разговорной речи и в правописании на немецком языке»[26].

В завершение статьи хотелось бы отметить, что ученики школ для детей европейских переселенцев составляли лишь 5% от общего числа учеников в немецких колониальных владениях в Восточной Африке. Тем не менее, в 1907–1914 годах вопрос о системе образования, организации школ для детей европейских переселенцев в восточноафриканских колониях неоднократно поднимался на заседаниях рейхстага. Проблема развития школьных учреждений для детей европейских переселенцев состояла в том, что материальные средства на развитие этих общеобразовательных учреждений выделялись по решениям рейхстага, причём только в том случае, если у депутатов рейхстага не имелось сомнений в правильности данного мероприятия.

Примечания

[1] *Leusner, Hermann*. Die Entwicklung des Schulwesens in den deutschen afrikanischen Kolonien, jetzigen Mandatsgebieten, von Ende des Weltkrieges bis zur Gegenwart. Köln, 1938. S. 17.

[2] *Mirbt, Carl*. Mission und Kolonialpolitik in den deutschen Schutzgebieten. Tübingen, 1910. S. 122-132, 142-146.

[3] *Becker, Herbert Theodor*. Die Kolonialpädagogik der Großen Mächte. <Ein Kapitel der vergleichenden Erziehungswissenschaft der Gegenwart. Hamburg, 1939. S. 252.

[4] *Moritz, Eduard*. Das Schulwesen in den deutschen Kolonien, in: «Kolonien. Bücherei Deutscher Wille». Bd. 3. Berlin, 1927. S. 35.

[5] Bundesarchiv. Schulwesen in den Kolonien (R 8023/ 948.Bl. 8).

[6] Bericht über die Sitzung des Vorstandes der Deutschen Kolonialgesellschaft am 26.05.1904 zu Stettin. Stettin, 1904. S. 15.

[7] «Das Reich» vom 4.05.190.

[8] Deutsches Kolonial-Lexikon. (Hrsg.) Schnee, Heinrich. Leipzig, 1920. Bd. II. S. 550.

[9] Deutscher Kolonial-Kalender und statistisches Handbuch für das Jahr 1907. (Hrsg.) Meineke, Gustav. Berlin, 1907. S. 57.

[10] *Шмидт В.* Из истории развития европейских школ в колониальных владениях Германии в Восточной Африке перед началом Первой мировой войны // Вопросы германской истории. Сборник научных трудов. Отв. ред. Бобылева С.И. Днепропетровск, 2012. С. 194-202.

[11] Jahresbericht über die Entwicklung der Schutzgebiete in Afrika und der Südsee im Jahre 1907/1908. Teil B. Deutsch-Ostafrika. Berlin, 1908. S. 59.

[12] Jahresbericht über die Entwicklung der Schutzgebiete in Afrika und der Südsee im Jahre 1907/1908. Teil B. Deutsch-Ostafrika. Berlin, 1909. S. 71.

[13] «Deutsch-Ostafrikanische Zeitung» vom 21.03.1906, № 266.

[14] «Germania» vom 23.03.1906, № 67.

[15] Bundesarchiv. Akten Reichs-Kolonialamt. Schulsachen. Bd.3 (R 1001/991. Bl. 73 – 74)

[16] Поселение российских немцев с Кавказа было организовано Восточноафриканским переселенческим комитетом. Переселенческая деревня была названа Лейдорф в честь организатора и руководителя Августа Лейе. Сегодня это поселение называется Леганга или Нгаро Серо.

[17] Neunundachtzigster Jahresbericht der Evangelisch-Lutherischen Mission zu Leipzig (1907). Leipzig, 1908. S. 82.

[18] Йоханнес Вильске родился 5.09.1877 в Гросзетцене в Восточной Фризии. Получил образование учителя. В 1897–1902 гг. – учитель в Хитцхаузене, округ Оснабрюка, позднее учитель в Вильгельмсхафене. Посещал в зимний семестр 1905/1906 гг. восточный семинар в Берлине.

[19] Jahresbericht über die Entwicklung der Schutzgebiete in Afrika und der Südsee im Jahre 1907/1908. Teil B. Deutsch-Ostafrika. Berlin 1909, S. 10.

[20] Koloniales Bildarchiv Universitätsbibliothek Frankfurt am Main. Bildnummer: 006 – 1153 – 21.

[21] Schulfragen. Blätter zur Förderung des deutschostafrikanischen Schulwesens. № 5(Oktober 1906), S. 48 или Bundesarchiv. Akten Reichs -Kolonialamt. Schulsachen. Bd.3 (R 1001/991. Bl. 115).

[22] *Schlunk, Martin*. Das Schulwesen in den deutschen Schutzgebieten. Hamburg 1914, S. 23-24.

[23] «Der Burenfreund» №16 (1902), S. 319.

[24] *Adick, Christel; Mehnret, Wolfgang*. Deutsche Missions und Kolonialpädagogik in Dokumenten. <Eine kommentierte Quellensammlung aus dem Archivbeständen deutschsprachiger Archive 1884–1914> Frankfurt am Main/London, 2001. S. 89.

[25] *Zechlin, Egmont; Ruppel, Edith*. Volksdeutsche Siedlungsversuche in Deutsch-Ostafrika. Leipzig, 1944. S. 42.

[26] Die deutschen Schutzgebiete in Afrika und Südsee 1910/1911. Amtliche Jahresberichte (Hrsg. Reichskolonialamt). Berlin, 1912. S. 10.

DOI: 10.31696/2072-5795-2023-2-31-34

А.Ш. Кадырбаев

АНТИОСМАНСКОЕ ВОССТАНИЕ АРМЯН В КИЛИКИИ, УРФЕ, АЛЕППО В 1914–1917 ГОДАХ

После вступления Османской империи в Первую мировую войну на стороне Германии и Австро-Венгрии угроза армянского восстания беспокоила турок Киликии, Урфы и Алеппо (Халеба). Первая вспышка насилия произошла в городке Зейтун, населённом в основном армянами, в горах к северо-западу от Мараша, ставшего центром сильной армянской революционно-националистической организации Гнчак. Во время мобилизации в османскую армию в связи с началом войны армяне Зейтуна уклонились от неё в массовом порядке, и в конце 1914 года происходили вооружённые столкновения османской армии и полиции с армянскими повстанческими группами. 23 февраля 1915 года французский посол в Российской империи доложил своему правительству, что представители армянской революционной организации из Киликии прибыли на российский Кавказ[1].

Более подробно об этом визите сообщает приводимый ниже документ российских государственных архивов: «Петроград. Министру иностранных дел. [В] настоящее время [в] Штаб Кавказской Армии прибыли представители армян Зейтуна и заявили, что около пятнадцати тысяч армян готовы напасть на турецкие сообщения, но не имеют ружей и патронов. Ввиду расположения Зейтуна на сообщении турецкой Эрзерумской армии крайне желательно необходимое количество ружей и патронов доставить в Александретту (Искендерун. – *Авт.*), где они будут взяты армянами. Ввиду же того, что действия зейтунских армян будут полезны французам и англичанам, ввиду спешности этого вопроса и отсутствия возможности передать ружья непосредственно от нас, я полагал бы необходимым снестись с французским или английским представительством о желательности доставить в Александретту французские или английские ружья и патроны на французских или английских кораблях. Граф Воронцов-Дашков. Верно: Капитан /подпись/. 6 февраля 1915 г.»[22].

Как очевидно из данного документа, российские власти стремились координировать свои действия по подрыву устоев османской государственности руками подпольных армянских организаций с союзниками по Антанте – Францией и Великобританией. «Телеграмма заместителя министра иностранных дел России послу в Лондоне Бенкендорфу. № 1613. 10 апреля/28 марта 1915 г. 7 часов вечера. Ваша телеграмма получена. Полевой штаб Кавказской армии сообщает со слов уполномоченных зейтунцев Мави Нахудяна, Микаэла Авордяна и Гаспарьяна нижеследующее: Организация хинчакистов имеет много приверженцев по всей Киликии, особенно же в Зейтуне, где их около 3.000. Комитеты в Адане, Дорт-Иоль, Аджине, Сисе, Фурнузе, Мараше и Алеппо… Зейтунцы утверждают, что могут выставить 15.000 комбатантов и что они могут принять даже самое большое количество оружия без помощи всякого десанта в Александретте или её окрестностях»[3].

Однако союзники – англичане и французы – отказали армянам Киликии в помощи под предлогом трудностей в транспортировке оружия и боеприпасов внутрь Османской империи, предложив властям России снабжать повстанцев Киликии через свои порты на Чёрном море. Тем не менее, как сообщил в начале апреля 1915 года командующий 4-й османской армией Джемаль-паша, армянские «бандиты совершили вооружённое нападение на подразделение полиции, перевозившее боеприпасы в Зейтун». Затем последовали их нападения на отдельные казармы османских войск, к которым прибыли подкрепления. В итоге армянские повстанцы были вынуждены отступить в монастырь на окраине города, а затем в горы.

Армянские источники подтверждают эти сообщения. Молодые армяне, напавшие на военный конвой, убили до 500 османских солдат, преследовавших их. Но, столкнувшись с 12 000 турецких солдат, укрылись в горах.

Как сообщал американский репортёр Д. Шрейнер со слов армянских свидетелей событий, повстанцы, среди которых прошёл слух о взятии англичанами и французами Стамбула, напали на казармы местного турецкого батальона в Зейтуне, но были отбиты и после двух дней боёв бежали в горы. Вслед за ними 12 000 армянских жителей были вынуждены покинуть город. По словам местного армянского священника, армянские партизаны воевали против османов в горах «все четыре года войны и создали много проблем для турецкой армии»[4]. Весной 1916 года в Киликии, в городе Мараше были арестованы несколько армян, у которых при обысках было найдено английское оружие. После их допроса был обнаружен склад оружия в Халебе (Алеппо), за что, по приказу Джемаль-паши, одного из глав триумвирата, возглавлявшего Османскую империю, из Мараша было депортировано османскими властями 120 армянских семей, но до конца войны там оставалось от шести до восьми тысяч армян[5].

Начало войны крайне осложнило отношения между мусульманами и армянами в округе Урфа в вилайете Халеб (Алеппо), где проживали тогда 18 000 армян, многие из которых не скрывали своих надежд на победу Антанты. Многие армянские новобранцы из Урфы, призванные в османскую армию в связи со вступлением Османской империи в мировую войну, дезертировали. В апреле 1915 года османские власти стали обыскивать армянские дома в поисках оружия и запрещённой литературы, начались аресты.

Падение под натиском русских войск Вана в середине мая обострило ситуацию в Урфе, где подпольно существовала революционная армянская организация, лидер которой Мкртыч Еотнехбайрян организовал ряд диверсий и скрывался со своими бойцами в горной местности в окрестностях Урфы. Мкртыч призывал армян Урфы к вооружённому восстанию, однако его призывы достигли цели только к концу августа. Битва за Урфу началась 29 сентября, после того, как по турецкому полицейскому наряду, вошедшему в армянский квартал, открыли огонь. Полицейские вызвали подкрепления, но их снова встретили сильным огнём. Зазвонили колокола армянских церквей, знаменуя начало восстания.

Вокруг армянского квартала повстанцы возвели баррикады. Бои продолжались 16 дней, и подавить восстание, когда армяне вели огонь из хорошо укреплённых каменных домов, удалось только силами шести тысяч османских солдат, прибывших с тяжёлой артиллерией. Командовал турками немецкий генерал Э.В. фон Райхенберг, несколько раз возглавлявший их атаки. 16 октября повстанцы были вынуждены сдаться, а их предводитель покончил с собой. Некоторые армяне выдали схроны с оружием. Сдавшихся казнили, не участвовавших в восстании армян Урфы депортировали, большинство из них погибли. Но депортировали не всех армян, так как в мае 1917 года, по свидетельству западного миссионера Джексона, в Урфе оставалось 6 тысяч армян[6].

Данные российских архивов подтверждают и армянские источники: «В особом совещании у наместника Кавказского, в котором принимали участие генерал Мышлаевский, гофмейстер (управляющий дворцовым хозяйством и штатом придворных) Петерсон, начальник штаба Кавказского военного округа генерал Юденич, тифлисский епархиальный начальник епископ Месроп, тифлисский городской голова А.И. Хатисов, председатель Армянского центрального комитета С.С. Арутюнов и доктор Я.Х. Завриев, предложено было армянам организовать особые дружины (хумбы) под предводительством испытанных четнических вожаков (хумбапетов), которые должны были по четырём главным направлениям наступления нашей Кавказской армии состоять при войсковых частях. Направление выбиралось преимущественно такое, где преобладало армянское население. Армяне с полной готовностью

пошли навстречу организовать дружины, но выразили при этом пожелание… чтобы армянское население… было вооружено…

В начале сентября 1914 г. было объявлено об открытии записи в добровольцы, и немедленно после объявления стали со всех сторон стекаться охотники, преимущественно из турецкоподданных; кавказские (подданные Российской империи. – *Авт*) же армяне одновременно пополняли ряды нашей славной армии. Из Закавказья, Северного Кавказа, Ростова и Нахичевана-на-Дону, Крыма и Бессарабии, Закаспийской области и Туркестана, Румынии и Болгарии, Египта и отдалённой Америки – отовсюду с энтузиазмом (армянская. – *Авт.)* молодёжь стремилась в Тифлис, чтобы поступить в дружины. Решено было образовать четыре дружины, которые и были вскоре скомплектованы…

Во второй половине октября дружины были готовы к выступлению в поход. В I дружине было 1.200 человек, во II – 382, в III – 430, в IV – 470 и в резерве осталось около 600 человек, а всего – свыше 3.000 человек. Первая дружина поступила под командование известного испытанного четнического вождя Андраника, который во время последней Балканской войны, сражаясь в рядах болгарской армии, за свои подвиги получил офицерский чин. Эта дружина 23 октября выступила из Джульфы (на территории Северо-Западного Ирана, оккупированного российскими войсками. – *Авт.*) в Хой. Вторая дружина под командой Дро, опытного четника из русскоподданных армян, 24 октября двинулась из Игдыря на Тапаризский перевал. Третья дружина вышла под командой турецкоподданного популярного хумбапета Амазаспа 1 ноября в Алашкертскую долину. Четвёртая дружина под командованием Кери, старого четника, особенно прославившегося как сподвижник Ефрема (предводителя персидских армян. – *Авт.*) в его персидской боевой жизни, занявшего в Персии после смерти Ефрема его место главного начальника полиции персидских боевых сил, выступила из Саракамыша в Ахверан и Хошаб. 29 октября 1915 г. г. Тифлис. Епископ Месроп, Александр Иванович Хатисов, Самсон Степанович Арутюнов»[7].

Одним из первых турецких армян предложил свою службу России Гарегин Пастермаджян, член партии дашнаков, участвовавший в захвате Османского банка в 1896 году, позже ставший депутатом в османском парламенте от Эрзурума и известный под революционным псевдонимом Армен Гро. Он сделал это, по его собственным воспоминаниям, несмотря на предостережения, что его работа с русскими «может повредить армянам в Турции». Среди военно-полевых командиров дашнаков находился Гарегин Нжде (Тер-Арутюнян), воевавший с османами на Балканах, в Персии, Анатолии и Македонии. За террористическую деятельность против Российской империи он сидел в тюрьме, откуда был освобождён перед мировой войной и поступил на службу в армянский добровольческий полк русской армии, где дослужился до офицерского чина поручика. «Как известно, русское правительство выдало в начале войны 242.900 рублей на предварительные расходы, чтобы вооружить и подготовить турецких армян и во время войны внутри страны устроить восстание; наши добровольческие (армянские. – *Авт.*) отряды должны прорваться через цепь турецкой армии и, объединившись с повстанцами, создать анархию в тылу и на фронте, если возможно, у противника, т. е. Турции, и этим самым обеспечить продвижение русских войск и завладение Турецкой Арменией. Из доклада представителя военного ведомства партии Дашнакцутюн на Всеармянском национальном съезде в Тифлисе в феврале 1915 г.»[8].

Армянский источник оценивает общее число добровольцев армянских дружин в 15 000 бойцов. Помимо добровольческих формирований, около 150 000 армян служили в российской регулярной армии. Кроме этого, в начале марта 1915 года дашнакская организация в столице Болгарии Софии предложила сформировать из местных армян добровольческий отряд численностью в 20 000 бойцов и десантировать его в Киликии: 10 000 армян предполагалось при-

влечь из других стран Балканского полуострова, ещё 10 тысяч – из Соединенных Штатов. Американский армянский национальный комитет обороны в Бостоне 23 марта 1915 года сообщил министру иностранных дел Великобритании, что после отправки добровольцев на Кавказ осуществляется «подготовка к переброске волонтеров в Киликию»[99].

Таким образом, попытки восстаний против Османской империи армян Киликии, Урфы и Алеппо (Халеба) в Малой Азии на землях, примыкающих к побережью Средиземного моря, в 1914-1917 годах, во время Первой мировой войны, апеллировавших при этом к поддержке, в первую очередь, Великобритании и Франции, а затем и России, оказались безуспешными. Это произошло из-за удалённости фронтов Первой мировой войны от Киликии, Урфы и Алеппо и невозможности в связи с этим снабжения армянских мятежников оружием со стороны стран Антанты. Хотя эти действия нашли широкий отклик мировой армянской диаспоры в лице её добровольцев, формировавших вооружённые отряды во многих странах мира – от США до России, Египта, Румынии и Болгарии. Это лишь предоставило властям Османской империи повод для репрессий в отношении мятежников и предопределило трагический исход армян с этих земель, о чём свидетельствуют материалы российских государственных архивов, приведённые в данной статье.

Примечания

[1] Российский Государственный военно-исторический архив (РГВИА). Фонд 2100. Оп. 1. Д. 558. Л. 172.

[2] Телеграмма зам. министра иностранных дел России послу в Лондоне Бенкендорфу // Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств. 1878–1917 гг. Сер. 3. Т. 7. Ч. 2. М.-Л., 1935. С. 121.

[3] Там же.

[4] *Kerr S.E.* The Lions of Marash: Personal Experiences with American Near East Relief, 1919–1922. Albany: State University of New York Press, 1973. P. 25.

[5] *Корсун Н.Г.* Алашкертская и Хамаданская операции на Кавказском фронте войны. М., 1940. С. 6-7, 153, 189.

[6] Телеграмма советника III Политического отдела, направленная послу в Стамбуле Гирсу М.Н. // Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств. 1878–1917 гг. Сер. 3. Т. 6. Ч. 1. С. 121.

[7] *Арутюнов С.С., Месроп, Хатисов А.И.* Записка об армянском вопросе и армянских дружинах // Историко-филологический журнал. 1991, № 2. С. 205-209.

[8] Из доклада представителя военного ведомства партии Дашнакцутюн, зачитанного на Всеармянском съезде в Тифлисе в феврале 1915 г. // *Борьян Б.А.* Армения, международная дипломатия и СССР. Т. 1. М.-Л., 1928. С. 360.

[9] Там же. С. 173-179.

DOI: 10.31696/2072-5795-2023-2-35-40

Т.Н. Загородникова

К БИОГРАФИИ ЛАВРА ГЕОРГИЕВИЧА КОРНИЛОВА (1870–1918)

Постсоветское время демонстрирует большой интерес историков и читающей публики к биографиям лидеров белого движения. В XXI веке вышло три монографии, посвящённые жизни и деятельности Лавра Георгиевича Корнилова. В Лондоне вышла книга М.К. Басханова «Генерал Лавр Корнилов» (L.: Skiff Press, 2000). В серии «Жизнь замечательных людей» издательство «Молодая гвардия» выпустило две его биографии: Ушаков А.И., Федюк В.П. «Лавр Корнилов» (М., 2006) и Бондаренко В.В. «Лавр Корнилов» (М., 2016.).

Биографы Лавра Георгиевича Корнилова при перечислении языков, которыми он владел, часто упоминают урду или хиндустани, язык, распространённый в северной Индии, первый из преподававшихся в Российской империи новоиндийских языков. М.К. Басханов пишет: «Как слушатель курсов хиндустани он был запланирован к поездке в Индию. Теперь же за его плечами был большой опыт разведработы в нескольких азиатских странах, прекрасная осведомлённость в военно-политической обстановке на Среднем Востоке и в регионе Центральной Азии. Не мешал языковый барьер – он хорошо владел языками урду, английским и персидским»[1]. Этого же мнения придерживаются А.И. Ушаков и В.П. Федюк: «…кроме обязательных немецкого и французского языков, он уже хорошо владел английским, персидским и урду»[2].

В XIX веке власти Российской империи не часто, но сталкивались с индийцами. Это могли быть купцы, торговавшие восточными товарами, посланцы независимых правителей княжеств к русскому монарху и т.п., но такие случаи были крайне редкими, и при переговорах обходились английским или персидским языками. После завоевания среднеазиатских ханств и образования Туркестанского генерал-губернаторства местная военно-народная администрация столкнулась с небольшой, но постоянно проживавшей там общиной купцов-индийцев. Часто возникали имущественные споры, проблемы наследования, отсутствия паспортов и т.д. Кроме того, шла Большая игра, и Индия рассматривалась как возможный театр военных действий, а хиндустани – как основной язык, на котором говорило большинство населения этого региона. К тому времени изучение русского языка в англо-индийской армии было достаточно хорошо организовано[3]; знание языка возможного противника – непременно условие ведения и успешной разведки, и, если доведётся, военных действий. Нужны были переводчики-драгоманы. 21 июня 1895 года начальник Военно-учёного комитета генерал Н.Н. Обручев в письме министру иностранных дел А.Б. Лобанову-Ростовскому писал: «Государю императору благоугодно было дать Высочайшее указание о необходимости предоставить офицерам Туркестанского военного округа и Закаспийской области изучать индусские наречия»[4].

В 1897 году в Ташкенте при штабе Туркестанского военного округа и в Ашхабаде при штабе Закаспийской области открылись офицерские курсы языка «индустани» (урду). Таким образом было положено начало изучению и преподаванию новоиндийских языков в Российской империи, до этого момента в российских высших учебных заведениях преподавали только санскрит. В 1900 году эти курсы были слиты в Ташкенте в одну структуру, которая получила название Курс для обучения офицеров Туркестанского военного округа языку индустани (урду).

Ежегодно для одного из показавших лучшие успехи выпускников курса предусматривалась командировка в Индию для дальнейшего совершенствования в языке хиндустани. Из первого выпуска Ташкентского курса 1899 года в Индию был командирован Генерального штаба подполковник Александр Александрович Полозов, но не в каче-

стве выпускника, показавшего лучшие успехи в изучении языка. Тогда подполковник А.А. Полозов и штабс-капитан А.Е Снесарев ездили в Индию в ответ на проезд английских офицеров через Русский Туркестан. Из второго выпуска 1901 года наибольших успехов достиг Генерального штаба подполковник Иван Константинович Серебренников. Он был командирован в Индию, основной задачей было усовершенствование знаний языка хиндустани. Кроме этого, подполковнику Серебренникову было предписано «ознакомления с характером и бытом англо-индийской армии, обращая особое внимание на туземные части, а также сбор военно-статистических сведений и данных, характеризующих взаимные отношения англичан и туземного населения»[5]. Он находился в Индии с 8 декабря 1901 года по апрель 1902 года, проехав по всей северной её части от Бомбея до Калькутты, заехав на северо-запад: Котри, Сиби, Кветта, Пешавар, Хушальгарх, Джамруд (вход в Хайберский проход), Равалпинди, Лахор. Свои наблюдения и выводы он изложил в отчёте, опубликованном в «Сборнике географических, топографических и статистических материалов по Азии»[6]. Штаб Туркестанского военного округа издал его монографию по англо-индийской армии[7], а доклад был заслушан на Индо-афганской комиссии Среднеазиатского отдела Общества востоковедения в Санкт-Петербурге[8].

Командование Туркестанского военного округа признало поездку подполковника Серебренникова более чем успешной, для военного министра было подготовлено пятистраничное «Извлечение из краткого отчёта о поездке Генерального штаба подполковника Серебренникова в Индию». На первом листе «Извлечения» было написано: «Почему не приложена карта, по которой можно было бы следить путь Серебренникова? Прошу озаботиться командированием в Индию в будущем году одного из офицеров Генер. штаба на время 6-8 месяцев. Надо послать на тех же основаниях, как ездил Серебренников. Куропаткин»[9]. 31 декабря 1902 года начальник штаба Туркестанского военного округа генерал-лейтенант Сахаров секретным рапортом доложил Главному штабу, что «выбор командующего войсками округа остановился на подполковнике Корнилове»[10].

В выпуске 1903 года Ташкентского курса языка хиндустани был один офицер, полностью подходивший под определение «на тех же основаниях». Это был Генерального штаба подполковник Александр Михайлович Григоров, который по своим успехам в изучении язык хиндустани был вполне достоин этой командировки и, таким образом, более подходил по всем требованиям. Впоследствии он стал известен своими военно-статистическими работами по Туркестану[11].

Возможно, выбор пал на подполковника Корнилова, потому что это был не первый раз, когда его выбирали для поездки в Индию. Его первая командировка должна была состояться ещё в 1899 году, когда планировалось послать туда двух офицеров в ответ на путешествие британских военных через Русский Туркестан[12]. В конце концов, поехали подполковник А.А. Полозов и штабс-капитан А.Е. Снесарев. Тогда командующему войсками округа генерал-лейтенанту С.М. Духовскому эта командировка показалась сомнительной по значимости её результатов, и он решил, что при таких условиях отпускать ценного для округа военнослужащего нецелесообразно. Он хотел назначить Корнилова на учреждаемую должность офицера Генерального штаба при Российском Императорском генеральном консульстве в Кашгаре[13]. Обстановка в этом районе всё более обострялась в связи с усилением там британских интриг.

На докладной записке по Главному штабу от 16 января 1903 года о командировании в Индию Генерального штаба подполковника Корнилова стоит резолюция военного министра: «Согласен. Куропаткин. 19.1»[14]. Следующим шагом перед составлением прошения на высочайшее имя было получить согласие министра иностранных дел. В ответе графа В.Н. Ламздорфа от 30 января слова «без уведомления о том британских властей» были особо подчёркнуты. Далее он писал, что, «со своей стороны, не встречаю препятствий к командированию подполковника Корнилова на тех условиях, на коих в

1901 году состоялась поездка туда же подполковника Серебренникова, покорнейше прося, в случае воспоследования ВЫСОЧАЙШЕГО на то соизволения, не отказать уведомить меня о предполагаемом времени прибытия названного офицера в Индию, дабы иметь возможность своевременно предупредить о том Генерального Консула нашего в Бомбее»[15].

Казалось бы, всё готово для составления прошения на высочайшее имя, но остался неясным один, хотя и достаточно важный вопрос. Формулировка военного министра была предельно ясная – «на тех же основаниях, как ездил Серебренников», но первым и основным основанием было усовершенствование знаний языка хиндустани (урду). Корнилов не являлся слушателем Ташкентского или Ашхабадского курсов хиндустани, не был даже вольнослушателем (в первые годы существования курсов были и такие). Для выяснения этого вопроса военный министр собственноручно пишет записку: «Спешное. Начальнику Главного Штаба. Нет сведений: какие языки знает подп. Корнилов? Знает ли английский язык. Изучал ли индустани? Прошу, если эти сведения имеются, прислать доклад обратно сегодня же. Если сведения не имеются, то надо получить их депешами. По моему мнению, должны иметься в аттестации Корнилова и в переписке по командировкам сего отличного штаб-офицера в прежнее время. Куропаткин. 7.2.»[16].

Судя по справке из канцелярии Военно-Учёного комитета от 7 февраля, в аттестациях подполковника Корнилова было отмечено свободное владение французским, персидским и тюркским языками, способность переводить и объясняться на немецком и английском языках, но более интересна заключительная часть этого документа: «О знании названным штаб-офицером языка индустани в сих аттестациях не упоминается, но ввиду того, что Командующему войсками Туркестанского военного округа предложено было избрать офицера для командирования в Индию на тех же основаниях, как был командирован подполковник Серебренников, целью командирования коего было усовершенствование в знании языка индустани, и выбор остановился на подполковнике Корнилове, есть основание полагать, что последнему язык индустани знаком»[17]. Не могли же там ошибиться!

В тот же день в Ташкент была послана телеграмма: «Благоволите немедленно телеграфировать знаком ли подполковник Корнилов язык индустани»[18].

Точку в этом вопросе поставила телеграмма начальника штаба Туркестанского военного округа от 12 февраля: «Подполковник Корнилов приступил изучению языка индустани и хотя настоящее время не может считаться знакомым с ним, но имею в виду его способности что к осени он усвоит его достаточной степени. Сахаров»[19]. Отметим, что «ВЫСОЧАЙШЕЕ соизволение на испрашиваемое последовало 8 февраля 1903 года»[20], т.е. за 3 дня до получения этой телеграммы.

В своем отчёте подполковник Корнилов пишет, что он выехал из Одессы в Константинополь в первой половине ноября[21], можно предположить, что Ташкент он покинул в первых числах ноября, то есть на изучение хиндустани ему было отведено не более 10 месяцев. Достаточно ли это? С одной стороны, для человека, свободно владевшего персидским и тюркским, поставившего перед собой цель выучить ещё хиндустани и имевшего большое желание и время на это, наверное, это возможно. Но было ли время? Перед такой командировкой надо было здесь, на месте, изучить всю имевшуюся литературу по англо-индийской армии, при постоянных переездах и большой общей занятости в Индии он смог бы читать только газеты. Отчёт подполковника демонстрирует это[22]. Не надо забывать и о большой занятости Корнилова по его должности штаб-офицера для поручений при штабе Туркестанского военного округа, редактора и составителя периодического издания штаба «Сведения, касающиеся стран, сопредельных с Туркестанским военным округом» и др. В это же время, с октября 1902 года по сентябрь 1903 года, он отбывал цензовое командование[23] ротой в 1-м Туркестанском стрелковом батальоне.

Отчёты о поездках в Индию И.К. Серебренникова и Л.Г. Корнилова напечатаны в

одном Дополнении № 8 к «Сборнику географических, топографических и статистических материалов по Азии». Внимательный читатель сразу заметит разницу.

В отчёте Серебреникова определённое внимание уделено тому, как он совершенствовал своё знание языка урду: «Прибыв в Агру 27 декабря, я без затруднений нашёл себе двух учителей-индусов: одного для теоретического изучения языка, а другого – для практики»[24]. Тем не менее, его отчёт – это описание путешествующего военного, который целенаправленно интересовался всем, связанным с англо-индийской армией. Такова была поставленная перед ним задача. Он опирался, прежде всего, на собственные наблюдения и на многочисленные разговоры со своими учителями хиндустани, попутчиками в поездах и т.д. Без знания хиндустани, используя только английский язык, добыть такого рода информацию было бы трудно, если не невозможно. Его отчёт – это взгляд наблюдателя.

Подполковник Корнилов путешествовал в штатском, но не скрывал своего воинского звания. Его везде сопровождали офицеры англо-индийской армии, показывая ему всё, что он хотел осмотреть: парады, смотры, учения, казармы и т.д. Он вникал в такие мелочи, как устройство седла у обозного мула, механизм движущейся мишени и количество и качество выпеченного в полковой пекарне хлеба. Его отчёт – это взгляд участника, но на офицерском уровне, т.е. там, где он мог вполне объясниться на английском. Нет ни одного упоминания ни об учителях хиндустани, т.е. о совершенствовании его знаний этого языка, ни о том, что он говорил с кем-либо на этом языке.

Был только один момент, где он описал общение с туземными офицерами.

Когда подполковник Корнилов был в Дели, подполковник Филипс, командир 28-го пехотного Пенджабского полка, пригласил его сделать обход войск. «Полк комплектуется сейками, дограми, пенджабскими мусульманами и каттаками, афганским племенем, населяющим горы в треугольнике Банну-Когат-Пешавер»[25]. После обхода русскому военному показали небольшое уставное учение. Потом командир полка позвал и представил Корнилову несколько туземных офицеров. У них завязалась беседа. «Туземные офицеры, – пишет Корнилов в отчёте, – расспрашивали меня (разговор шёл по-персидски), есть ли в нашей армии офицеры из азиатских народностей, и были поражены, узнав, что у нас даже на высших постах есть офицеры, азиаты по происхождению и магометане. Дальнейшей беседе на эту тему помешал подполковник Филипс, предложивший мне осмотреть казармы»[26]. Но здесь сам автор подчеркивает, что разговор шёл на персидском языке.

В Джелуме Корнилов присутствовал на полковом дурбаре. «Дурбар – полковое собрание, полковой круг, учреждение, установившееся в войсках индийских раджей времён независимости Индии; дурбары до сих пор существуют и в афганской армии. Англичане нашли нужным сохранить их в своих туземных войсках, строго ограничив круг ведения дурбаров вопросами внутреннего распорядка жизни полка. Дурбары собираются еженедельно или в случае надобности по особому приказанию командира части. На дурбаре 16-го полка председательствовал командир полка полковник Stocley. По обеим сторонам его по чинам сели английские офицеры, ниже их также по старшинству туземные офицеры; вокруг стали унтер-офицеры и нижние чины. Обсуждались различные хозяйственные нужды полка (заготовка фуража), разбирались жалобы нижних чинов, мелкие проступки их, просьбы об отпусках, женитьбе и разрешении достать семью. Просьбу каждого нижнего чина докладывал туземный офицер, командир соответствующего турпа (взвода); командир полка предоставлял офицерам высказывать своё мнение, со вниманием выслушивая мнение даже самого младшего из туземных офицеров, а затем постановлял решение, которое тут же объявлялось просителю или жалобщику. В заключение полковой клерк начал было читать письменные жалобы частных лиц на нижних чинов полка, но полковник Stocley приказал доложить их в канцелярии после дурбара. Английские офицеры говорили мне, что туземные офицеры и нижние чины

очень дорожат правом дурбаров»[27]. Это описание человека, наблюдавшего со стороны. Очевидно, что сам Корнилов не мог участвовать в этом собрании, но он не пишет и о каких-либо беседах с туземными офицерами после окончания дурбара. В описании всего его путешествия нет упоминаний о каких-либо случайных встречах, разговорах с попутчиками и т.д., т.е. ситуациях, где ему пришлось бы говорить на хиндустани (урду). Складывается впечатление, что он не знал урду в той степени, чтобы он мог на нём говорить.

Вскоре по возвращении в Россию, в июне 1904 года подполковник Корнилов был переведён в столицу и назначен столоначальником в Главный штаб, в сентябре 1904 года по собственной просьбе переведён в действующую армию штаб-офицером. Но в его жизни был ещё один эпизод, когда он столкнулся с языком хиндустани.

После окончания русско-японской войны перед военным ведомством встало очень много проблем, связанных с необходимостью реформ в армии, включая и проблему реформирования военно-востоковедного образования, в том числе и Ташкентского курса хиндустани.

Уже в 1899 году Иван Дионисьевич Ягелло, бессменный заведующий курсами в Ташкенте, поднял вопрос о том, что вместе с хиндустани надо преподавать местные языки: сартовский и персидский. В Туркестане явно не требовалось такое большое количество переводчиков с урду, но ощущалась нехватка в офицерах, знающих местные языки. Таким образом, необходимость реформы ощущалась с начала работы курсов. В представленном в 1906 году проекте И.Д. Ягелло писал о курсах хиндустани, что они «ещё не установились». Он считал, что надо объединить Петербургские курсы восточных языков при МИДе с Ташкентскими или сделать так, чтобы они дополняли друг друга: Петербургские курсы должны были бы удовлетворять исключительно государственные цели, а Ташкентские – местные. В этом случае Ташкентские курсы следовало бы освободить от лишнего балласта в виде хиндустани и английского языков, которые в крае не приложимы и нужны только с государственной целью. Преподавание их в таком случае можно было бы ввести на Петербургских курсах[28]. Этот проект в целом не получил одобрения, и летом 1906 года для разработки нового Положения в Ташкент был командирован делопроизводитель Главного управления Главного штаба полковник Л.Г. Корнилов как человек, побывавший в Индии и хорошо знавший в целом военно-политическую обстановку в Туркестане.

Корнилов прежде всего указал на недостатки существовавших курсов: несоответствие программ курсов цели их устройства и дальнейшей деятельности выпускников; неопределённость служебного положения офицеров, окончивших курс, что заставляло их искать службу на должностях, где нет применения их знаниям; непредоставление офицерам, окончившим курс, каких-либо служебных или материальных преимуществ, что обуславливало отсутствие у них желания совершенствоваться.

По проекту Положения полковника Корнилова целью обучения на курсе должно было стать обеспечение войск округа офицерами, знавшими основные местные языки и языки сопредельных стран, а также обеспечение соответствующей подготовки офицерам, желавшим служить по административной части.

Приём на курсы увеличивался до 40 человек. Весь курс делился на административное и строевое отделения. На строевом отделении, кроме местных языков и английского, предполагалось преподавание истории Востока, мусульманского права, военно-статистического обзора края и сопредельных стран. Окончившие это отделение возвращались в свои части. На административном отделении – языки, история Востока, мусульманское и обычное право, а также полицейское право. После выпуска офицеры должны были направляться на замещение должностей по военно-народному и административно-полицейскому управлению. Хиндустани должен был изучаться факультативно.

Выпускники обоих отделений имели право на ношение нагрудного знака, отпуск не в

зачёт на 4 месяца, получение денежной награды в размере годового оклада жалования и ежегодной прибавки в 240 рублей за два восточных языка. Следует подчеркнуть, что Л.Г. Корнилов готовил свой проект совместно с И.Д. Ягелло, черновые варианты, представленные в штаб округа, подписаны ими обоими[29].

Этот проект получил полное одобрение, но вследствие финансовых и других причин не был осуществлён. Предложение Корнилова годилось скорее для столичной военной академии, а не для курсов иностранных языков при окружном штабе.

Между тем изменение международной обстановки диктовало новые задачи. В 1907 году серией заключённых между Российской империей, Великобританией и Францией договоров была оформлена Антанта; формально было покончено с противостоянием России и Англии в Центральной Азии. Территория Индии переставала рассматриваться как возможный театр военных действий, и военные переводчики с хиндустани даже теоретически уже представлялись как ненужные.

Примечания

[1] *Басханов М.К.* Генерал Лавр Корнилов. L., 2000. С. 144. Следует отметить, что в своей более поздней монографии «История изучения восточных языков в русской императорской армии» автор нигде не упоминает Л.Г. Корнилова ни как слушателя курсов, ни как знатока урду.

[2] *Ушаков И.А., Федюк В.П.* Лавр Корнилов. М., 2006. С. 35. См. также: «Лавр Корнилов. Биография». https://www.peoples.ru/military/general/kornilov/index1.html: «Кроме обязательных для выпускника Генерального штаба немецкого и французского языков, хорошо овладел английским, персидским, казахским и урду».

[3] Русско-индийские отношения в 1900–1917 гг. Сборник архивных документов и материалов. М., 1999. С. 306-307; *Басханов М.К.* История изучения восточных языков в русской императорской армии. СПб., 2018. С. 123-124.

[4] Русско-индийские отношения в XIX в. Сборник архивных документов и материалов. М., 1997. С. 303.

[5] Краткий отчёт о поездке в Индию Генерального штаба подполковника Серебренникова // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Добавление № 8. СПб., 1905. С. 91.

[6] Там же. С. 91-130.

[7] *Серебреников И.К.* Индо-британская армия. Вып. 1-2. Ташкент, 1903-1908.

[8] Русско-индийские отношения… С. 65-67.

[9] Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 846. Оп. 2. Д. 127. Л. 2.

[10] Там же. Л. 5.

[11] *Басханов М.К.* История изучения… С. 144-145.

[12] *Басханов М.К.* «У ворот английского могущества»: А.Е. Снесарев в Туркестане. 1899–1904. СПб., 2015. С. 21-22.

[13] Там же. С. 23.

[14] РГВИА. Ф. 846. Оп. 2. Д. 127. Л. 7.

[15] Там же. Л. 9–9об.

[16] Там же. Л. 10–10об.

[17] Там же. Л. 17.

[18] Там же. Л. 15.

[19] Там же. Л. 24.

[20] Там же. Л. 14.

[21] Русские в Индии в конце XIX – первой половине XX в. Сборник архивных документов и материалов. М., 2022. С. 110.

[22] См., например: Русские в Индии… С. 136, 174, 185, 202, 209 и др.

[23] В армии Российской империи для повышения по должности и получения очередного чина офицер должен был некоторое время командовать соответствующим его чину подразделением. Для офицеров Генерального штаба, служивших, главным образом, в штабах или выполнявших разные военно-научные работы, секретные поручения и т.п., был установлен другой порядок. Для получения очередного чина они должны были отбывать цензовое командование какой-либо частью или подразделением, как правило, не больше года, после чего получали очередной чин и возвращались к своим занятиям.

[24] Краткий отчёт о поездке в Индию Генерального штаба подполковника Серебренникова // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Добавление № 8. С. 96.

[25] Русские в Индии… С. 143.

[26] Там же. С. 144.

[27] Там же. С. 161-162.

[28] *Басханов М.К.* История изучения… С. 151.

[29] Там же. С. 152-154.

DOI: 10.31696/2072-5795-2023-2-41-48

Д.В. Мелентьев

ПОЭТЕССА АННА АЛМАТИНСКАЯ И РАСКРЕПОЩЕНИЕ МУСУЛЬМАНОК СОВЕТСКОГО ТУРКЕСТАНА

Раскрепощение мусульманок советского Туркестана – это тяжёлая история борьбы за права и свободы. Их защитой в основном занимались местные и переброшенные в Ташкент из России Московским центральным отделом по работе среди женщин (московской ЦО) сотрудницы-«европейки» (русские, белоруски, украинки, еврейки, татарки-мусульманки и др.). Активной участницей движения за раскрепощение туркестанских мусульманок являлась уроженка региона с польскими корнями и будущая поэтесса Анна Владимировна Држевицкая (1882–1973), которая взяла псевдоним, связанный с городом своего рождения – *Алматинская*.

Несмотря на то, что ещё до Октябрьской революции А.В. Алматинская была видной культурной деятельницей Туркестанского края, публикуя стихотворения в местной прессе, а затем и советского Узбекистана, организовав Ташкентскую ассоциацию пролетарских писателей (с 1932 года Союз писателей Узбекской ССР), о её биографии и творчестве, за исключением разрозненных обрывочных сведений, ничего не известно. Цель настоящей публикации – ввести в научный оборот ранее неизвестный документ, чтобы обогатить новыми сведениями историю раскрепощения мусульманок советского Туркестана.

Прежде чем обратиться к анализу документа, которому посвящена настоящая статья, было бы полезно разобрать биографию её автора, к сожалению, известную крайне фрагментарно и собранную мной по крупицам из советских публикаций. После Октябрьской революции А.В. Алматинская недолгое время поддерживала ташкентских социалисток-революционерок (эсерок) и даже входила в феминистский «Женский интеллигентский союз»[1]. Позднее (когда точно – неизвестно) она примкнула к партии большевиков.

А.В. Алматинская вдохновлялась раскрепощением мусульманок советского Туркестана. Борьбе женотделов за равноправие А.В. Алматинская посвятила историко-этнографический очерк «*Из мглы тысячелетий*», в котором описывала тяжёлый быт «женщин Востока»: Туркестана, Аравии, Монголии, Индии и других, а также издала сборник с краткими рассказами-зарисовками «*Придорожные травы*»[2]. Очерк и сборник увидели свет в 1927 году и были отправлены на ознакомление советскому писателю Максиму Горькому (1868–1936), с которым А.В. Алматинская познакомилась в круизе по Чёрному морю в 1901 году[3]. В сопроводительном письме А.В. Алматинская приглашала М. Горького посетить Узбекистан и лично «увидеть пробуждение народов древнего Туркестана»[4]. М. Горький отказался посещать Узбекистан, сославшись на неудовлетворительное состояние здоровья.

Помимо этого, А.В. Алматинская в художественной форме рассказывала образованной русскоязычной публике СССР о борьбе сотрудниц туркестанских женотделов за равноправие. После 1927 года А.В. Алматинская посвятила раскрепощению мусульманок Туркестана несколько стихотворений, которые были опубликованы в журналах «Работница», «Коммунарка Украины», «Янги хаят» («Новая жизнь») и официальном издании ташкентского ЦО газете «Янги Юль» («Новый путь»)[5]. Очерки, рассказы и стихи А.В. Алматинской о раскрепощении туркестанских мусульманок, которые в ответном письме М. Горький попросил прислать в журнал «Наши достижения», остались забыты современниками.

Как писала в воспоминаниях А.В. Алматинская, именно предложение М. Горького

опубликоваться в журнале «Наши достижения» в 1928 году вдохновило её к написанию романа «*Гнёт*»[6], который и прославил поэтессу. В романе А.В. Алматинская описала общество и культуру европейской интеллектуальной элиты дореволюционного Туркестана, а также критиковала агрессивную и экспансионистскую политику Российской империи в регионе. Прототипами многих героев романа были реально жившие люди, например, этнограф Александр Поликарпович Шишов (1860–1936), биолог Василий Фёдорович Ошанин (1844–1917), географ Алексей Павлович Федченко (1844–1873) и другие[7]. Эта скудная информация – всё, что удалось найти в советской и современной научной литературе, включая опубликованные воспоминания самой поэтессы.

Документ, который публикуется ниже, впервые даёт представление о мировоззрении поэтессы, стиле её речи и истории туркестанских женотделов. Он хранится в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) в фонде 62 Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б) описи 2, которая содержит документы по истории женотделов. Это письмо поэтессы А.В. Алматинской, которое датируется 3 ноября 1925 года и адресовано ответственному секретарю Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б) Исааку Абрамовичу Зеленскому (1890–1938). В архиве уцелела машинописная копия письма. Предполагаю, что письмо отправили сотрудницы ташкентский ЦО, чтобы в Москве стало известно, с какими проблемами приходится сталкиваться туркестанским женотделам при реализации проекта по раскрепощению мусульманок и что по этому поводу думают местные мужчины во власти.

Письмо А.В. Алматинской – это реакция на публикацию в газете «Правда Востока» речи И.А. Зеленского, которую он произнёс на Среднеазиатском совещании женотделов в 1925 году. Её обнаружить в архивах и библиотеках не удалось, но, кажется, в ней И.А. Зеленский размышлял о смене стратегии раскрепощения мусульманок Туркестана и критиковал женотделы.

Почему А.В. Алматинская публично вступила в спор с И.А. Зеленским? Как удалось выяснить, поэтесса принимала непосредственное участие во многих мероприятиях ташкентского ЦО и была избрана делегаткой ташкентского городского совета[8], а также являлась членом Союза работниц просвещения. А.В. Алматинская дружила с руководительницей ташкентского ЦО Серафимой Тимофеевной Любимовой (1898–1970). Ташкентский ЦО поручил А.В. Алматинской как можно больше освещать в печати деятельность женотделов по раскрепощению мусульманок[9]. Возможно, письмо А.В. Алматинской было искренним желанием отстоять правоту действий ташкентского ЦО, который, к слову, являлся наднациональной структурой и управлял всем процессом раскрепощения в регионе.

Говоря о стиле речи А.В. Алматинской, нужно признать, что он не отличается структурированностью и логичностью, его довольно трудно воспринимать из-за некоторого косноязычия и неуместного революционного пафоса. Не исключено, что наличие высокопарных фраз в личной переписке можно объяснить тем, что письмо изначально планировали придать огласке в прессе и передать в московский ЦО.

В самом письме не всё понятно. Например, не совсем ясно, выражает ли А.В. Алматинская общую позицию ташкентского ЦО или говорит исключительно от себя? Выступает ли она как поборница более жёсткого пути раскрепощения, или же наоборот, это И.А. Зеленский хочет, чтобы женотделы сменили свою стратегию «раскрепощения через убеждение»? Также есть момент, читая который, можно сделать вывод, что А.В. Алматинская или все сотрудницы женотделов, опять же не ясно, будто бы выступают против пополнения своих рядов женщинами коренного населения. Это очень странно, поскольку в других документах и личных воспоминаниях других сотрудниц женотделов оговаривается, что они стремятся пополнить свои ряды мусульманками, поскольку сами испытывают трудности, не зная местные языки (тюрки и фарси), а также плохо понимая местную культуру[10]. За незнание языков коренных народностей и нежелание их учить сотрудниц женотделов в

1925 году на Среднеазиатском совещании работников среди женщин критиковал всё тот же И.А. Зеленский[11].

При описании коренных народностей региона А.В. Алматинская использует дореволюционные колониальные ориенталистские штампы, например, «культурные народы», под которыми, скорее всего, подразумевает западные общества, «отсталые народы, которые стоят на ступени варварства», говоря об азиатских странах со ссылкой на Фридриха Энгельса (1820–1895) – соратника философа Карла Маркса (1818–1883). Также А.В. Алматинская призывала И.А. Зеленского дать больше времени женотделам, подчеркивая, что «народ», видимо, под этой собирательной категорией имеются в виду все мусульмане региона (городские жители, кочевники, горцы), среди которых сотрудницы вели агитацию за раскрепощение – «младенец». То есть, он ещё не эволюционировал до той высокой ступени, на которой находятся «культурные народы», уже ведущие борьбу за равноправие женщин и понявшие важность их личной свободы для развития экономики.

Причем не одна только А.В. Алматинская использовала ориенталистский дискурс, который включал понятие «культурный народ». В 1923 году ташкентский ЦО попросил предоставить экспертное мнение бывшего чиновника колониальной администрации Туркестана, который перешёл на службу советской власти. К сожалению, его письмо в ташкентское ЦО анонимно, из него лишь известно, что до 1917 года он был полковником и управлял Тургайской волостью, а после Октябрьской революции стал начальником Чимкентского уезда. Рассуждая о левирате и степени личной свободы киргизок (казашек), полковник писал: «Вот почему киргизские вдовы и сироты и не терпят нужды, как у культурных народов, оставшийся разбираемый обычай, вероятно, ранее существовавший у всех народов на патриархальных ступенях развития»[12].

Аналогичного мнения придерживался востоковед и организатор науки в Туркестане Александр Эдуардович Шмидт (1871–1939). В 1925 году по заданию ташкентского ЦО его интервьюировал журналист по фамилии Кац. В интервью А.Э. Шмидт объяснял бесправие туркестанских мусульманок «некультурностью нации, сильно развитым чувством самца, который охраняет нравственность своих самок, что говорит в каждом мусульманине»[13]. Поразительно, но параллели с «мусульманской звериной сущностью» проводила и А.В. Алматинская в письме И.А. Зеленскому, утверждая, что «сейчас мы являемся свидетелями глубокого исторически-психологического момента борьбы двух полов. Эта борьба исторически неизбежна там, где существует и господствует звериная психология самца и суровый закон грубой силы». Таким образом, противопоставление европейских, т.е. «культурных» народов азиатским – «отсталым» и «живущим звериными инстинктами» являлось общим местом в рассуждениях туркестанской европейской интеллигенции и характерным маркером ориенталистского дискурса, относящегося презрительно или снисходительно к особенностям развития незападных обществ и культур. С другой стороны, это может быть чертой раннего советского феминистского дискурса, который пытался внести идею классовой борьбы в гендер.

Кроме того, А.В. Алматинская затрагивала важную тему для советского проекта раскрепощения мусульманок Туркестана и в целом для большевиков. В письме А.В. Алматинская утверждает, что пролетарская революция в России «перешагнула стадию феминизма». Нужно сказать, что большевики относились враждебно к западноевропейским и русским феминисткам (последних называли «равноправками»)[14]. Например, после Октябрьской революции большевики закрыли все печатные издания русских равноправок, их организации и партии, как «разжигающие социально-политический сепаратизм»[15]. То же самое произошло и в Туркестане, где в преддверии Октябрьской революции в крупных городах европейки создали женские организации и союзы, например, «Союз солдаток» (Ташкент, Коканд), «Союз домашних прислуг» (Ташкент), «Союз 17 года» (Пишпек), «Феминистский союз» (Джетысу), «Союз прислуг и прачек» (Коканд) и многие другие, которые после прихода к власти

большевиков были ликвидированы или превращены в 1920 году в женотделы[16].

Большевистский антифеминизм имел несколько причин, хотя у социализма и феминизма были общие концептуальные корни, которые тянулись от философии эпохи Просвещения (XVIII век)[17]. Во-первых, большевики, в том числе первый руководитель советского государства Владимир Ильич Ленин (1870–1924), считали, что появление коммунистического государства и философия марксизма уже решили все гендерные вопросы[18], во-вторых, что феминизм – это пагубная буржуазная идеология, которая только отвлекает женщин от ведения глобальной классовой борьбы[19], и, в-третьих, что при коммунизме у женщин не может быть личных интересов, о чём писали феминистки, они едины с мужскими и поэтому исключительно классовые[20]. Тогда встаёт вопрос: как называть проект раскрепощения женщин в СССР? Можно ли сказать, что это радикальная версия западноевропейского феминизма, которая отрицает общее прошлое? Иначе говоря – это «советский феминизм»?

Также важный момент, который упоминает А.В. Алматинская – это создание женских «обществ». Этот вопрос тоже связан с большевистским антифеминизмом. В 1924 году тема создания специальных «женских обществ» поднималась руководительницей ташкентского ЦО С.Т. Любимовой. Она предлагала через «женские общества» привлечь жён коммунистов-мусульман к делегатскому движению в Туркестане, что укладывалось в стратегию политического раскрепощения. В Ташкенте инициатива получила поддержку И.А. Зеленского, но в Москве на V Всесоюзном совещании заведующих ЦО по работе среди женщин была отвергнута с формулировкой «уклон к феминизму»[21].

В 1928 году вопрос об организации специальный «женских обществ» в Средней Азии поднимался на страницах журнала «Коммунистка», который являлся официальным печатным органом женотделов СССР. Тогда это предложение отвергла уже сама С.Т. Любимова и с той же формулировкой[22]. Похоже, А.В. Алматинская хотела создать специальные «женские общества», но с «пролетарским лицом», например, «общество улучшения пород кур, овец, коров» или «общество изучения культуры фруктов и консервирования их».

Далее, А.В. Алматинская высказывает мнение, которое было широко распространено ещё в дореволюционном Туркестане, что кочевница-киргизка (казашка) более свободна и имеет больше прав, нежели *сартянка* (узбечка или горожанка). То же говорил и полковник, мнение которого я приводил выше. Убеждённость в том, что киргизкам (казашкам) «пока» не требуется раскрепощение, которое необходимо сартянке, строилось на том, что последние носили *паранджу* (религиозная одежда или покрывало) и были угнетены законами *шариата*, в то время как кочевницы якобы жили преимущественно по установлениям обычного права – *адата*. При этом чтобы доказать, насколько свободна и уважаема киргизка в кочевом обществе, А.В. Алматинская приводит пример с «царицей Алая», имея в виду киргизскую правительницу Курманджан-датку (1811–1907), которая вошла в историю как отважная воительница и мудрый дипломат[23].

Не обошла стороной А.В. Алматинская и проблему психологического и сексуального насилия чиновников-мусульман – представителей советской власти над мусульманками, которые стали сотрудницами женотделов или сбросили паранджу. А.В. Алматинская заостряет внимание на работниках милиции, но нужно отметить, что и судьи, и прокуроры также игнорировали преступления против мусульманок, не реагировали на просьбы о разводе, потому что их инициировали женщины, что по шариату делать запрещено. Обо всем этом стало известно после комплексной инспекции деятельности судов, прокуратуры и милиции Узбекской ССР, Киргизской автономной области и Туркменской ССР, которая была проведена в 1926 году экспертом по правовым вопросам ташкентского ЦО Т. Мичуриной[24], а также отдельно инспектором московского ЦО Н. Заварьян[25].

Вообще стоит отметить, что перед *Худжумом* (пер. с узб. яз. «наступление») в

среднеазиатских республиках сложилась ситуация полного бесправия мусульманок и абсолютной безнаказанности мужчин-мусульман, которые совершали преступления против женщин и не несли за это никакого наказания. В завершении отмечу, письмо свидетельствует, что туркестанские женотделы испытывали серьёзные проблемы с раскрепощением мусульманок.

Введение в научный оборот новых документов по истории раскрепощения мусульманок советского Туркестана позволяет пересмотреть ранее сложившиеся подходы и выводы. Новые документы демонстрируют всю искусственность «триумфального нарратива» советских исследований в 1960–1970-е годы, которые практически ничего не рассказывали о проблемах при раскрепощении и делали акцент не на женотделах и их сотрудницах, а обезличенной партии. Письмо А.В. Алматинской – это пример женской политической мысли в Туркестане. Благодаря раскрепощению женщин в СССР стало возможным услышать голоса самих женщин.

Письмо делегатки узместкома Союза работниц просвещения А. Алматинской тов. Зеленскому от 03.11.1925 (Ташкент)

Товарищ Зеленский, сегодня я прочла в «Правде Востока» выдержки Вашего доклада на совещании завженотделами[26]. Так как вашим докладом затрагивается больной и близкий вопрос о методах работы по раскрепощению женщины Востока, – я не могу молчать и оставаться пассивной зрительницей того опасного момента, когда руководительница-партия, изыскивая пути всеболезненной ломки старого быта, – может свернуть с правильного пути и, таким образом, дело раскрепощения женщин Востока останется заколдованным кладом в наследие нашему потомству. В своем докладе Вы опираетесь исключительно на необходимость искания новых, более безболезненных, более жизненных путей в нашей работе. Подход вполне правильный, но односторонний. Мне кажется, затронутый Вами вопрос надо расчленить, и вот каким образом:

1. Методы партии по раскрепощению женщин Востока
2. Проведение в жизнь этих методов

В этих вопросах, как и в других, мы сталкиваемся с той седой истиной, которая гласит: «Законы совершенны, но исполнители их никуда не годятся». Как Вам известно, революция не может проходить без жертв и уродливых явлений, точно так же и революция ломки старого быта не может пройти безболезненно. Культурные народы на протяжении веков подходили к раскрепощению женщины путем эволюционным, наслаивая ряд методов и форм в виде всевозможных обществ, шлифовавших ум женщины и уравнивавших её в правах с мужчиной. Результатом всё же является ломка патриархального строя семьи, ломка далеко не безболезненная.

Ясно, что, действуя путем революционного права, перешагивая через ступеньки феминизма и ведя работу среди отсталых народов, стоящих на ступени варварства (определение по Энгельсу), мы не можем ожидать, что работа наша пойдет гладко и без всяких эксцессов и уродливости. Народ, среди которого партия ведёт работу – младенец[27]. Ему надо вырасти и созреть до понимания социалистических идей. Перед нами стоит дилемма: или отказываться от революционных методов и начать поиски новых, эволюционных форм, или же твёрдо вести прежнюю линию, но обратить сугубое внимание на кристаллизацию, как работников женотдела, так и на новый кадр молодняка.

Конечно, суровая революционная ломка старого быта опасна и весьма болезненна. Вам более, чем кому-либо известны случаи, когда на фоне среднеазиатской действительности «никуда не годящиеся» исполнители советских законов отражают эти совершенные, идеальные законы в кривом зеркале. Если же мы приступим к поискам новых методов, то, без сомнения, в первую очередь перед нами во весь рост встанет вопрос об организации женских обществ, которые уже сурово осуществлены III Всесоюзным совещанием и Оргбюро ЦК от 15.06.1925 года. Между тем, самый жизненный, самый безболезненный путь к раскрепощению мусуль-

манки – это организация таких обществ, посредством которых можно было бы достигнуть полного разложения религиозного абсолютизма[28], который до сего времени цепко держит женщину кишлака под гнётом шариата.

Ясно, что такие общества не должны носить характера буржуазной[29] затеи, а должны опираться на практический фундамент. Например: общество улучшения пород кур, овец, коров и т.д., «общество изучения культуры фруктов и консервирования их». Можно подумать, что я говорю о совершенно не нужных вещах, о каких-то женских обществах, когда все эти вопросы можно объединить в элементарные сельскохозяйственные курсы. Но это не совсем так. Не надо забывать, что курсы в кишлаке потерпят крах уже потому, что мужчинам-дехканам некогда их слушать, и отрывать время от работы они не будут, а женщины изолированы от всего живого своей паранджой и стенами *ичкари*[30]. По обычаю мусульман, женщина, заговорившая с посторонним мужчиной, уже обесчестила себя, и за такое, даже случайное, явление муж считает долгом выколачивать из несчастной душу. Надо долго жить среди *дехкан*[31], надо видеть их семейный уклад, чтобы понять, как мало сделала революция в деле раскрепощения женщины Востока.

Бывают моменты, когда мы сталкиваемся с ненормальными явлениями, а именно: охмелевшая от полученной свободы узбечка или киргизка, опираясь на твёрдо заученные ею законы, властно диктует советским органам свои повеления как работница женотдела. Но ведь это уродство! Это единицы, исключения. Наряду с этими отрицательными явлениями мы имеем ряд героических примеров. И не одно славное женское имя история партии запишет на свои страницы. Надо знать тот этап унижения, тот путь безграничного издевательства и угнетения, через которые проходят наши низовые женотдельские работники, чтобы понять ту дикую энергию, с которой они кидаются в работу, без сомнения, эта страстность вносит некоторую сумятицу в их взаимоотношения с соворганами[32]. Но что же делать? Тут уже не методы работы, а сама жизнь с индивидуальной личностью!

Экономически самостоятельная киргизка (всё производство кочевого хозяйства – дело рук женщины) пользуется некоторым уважением, когда за нею стоит поддержка её рода. С одной стороны, низведённая на степень более или менее ценной вещи в семье и будучи безличной тенью своего мужа, с другой стороны, она является необходимейшим членом этой семьи, как хозяйственная единица. И вот поэтому, когда является необходимость отстаивать свои права на место в аулсовете, куда сородичи не пускают «бабу», киргизка *камчой*[33] расчищает себе путь в заседание. И с нею считаются. История киргизского народа знакомит нас с рядом случаев, когда на совещаниях рода[34] выступала женщина и влияла на дальнейший ход событий. В моей памяти свежа ещё история царицы Алая, которая объединила разрозненные роды киргиз и своим умелым управлением внушила уважение властителям Бухары и Хивы.

Вот потому нет ничего мудрёного, что в Киргизии существуют так называемые «чёртовы отделы»[35]. Но ведь материал, из которого составлены эти «чёртовы отделы», совершенно сырой, не обработанный. Тов. Любимова в своей книге «Сдвиги»[36] совершенно правильно заметила, что маленькая группа работников женотдела задыхается в существующей обстановке. Ведь надо учесть не только косность и дикость масс, но и психологию, звериную психологию сильнейшей половины этой массы – мужчин.

Вы говорите о поднятии авторитета советских органов. Но ведь женотделы не могут этого сделать уже потому, что сами представители этих органов в большинстве случаев делают всё, чтобы уронить пониже этот авторитет. Там, где начмилиции[37] убивает жителя *кишлака*[38], чтобы завладеть его женой и имуществом, где милиционеры насилуют делегаток как проституток только потому, что они сбросили *чачван*[39] и разговаривают с мужчинами, где предисполкома арестовывает женщину, ушедшую от мужа, где судьи, беря взятки, тянут по два года дела жён, ищущих с мужа алименты или даже

своё собственное имущество, там нельзя говорить об авторитете.

Сейчас мы являемся свидетелями глубокого исторически-психологического момента борьбы двух полов. Эта борьба исторически неизбежна там, где существует и господствует звериная психология самца и суровый закон грубой силы. Целый ряд судебных процессов говорит о том, что некоторые местные администраторы понимают лишь власть насилия времен ханства и эмиратства и зачастую с этой точки понимания подходят к ней.

Далее. Мне не понятно, когда Вы, руководитель партийного органа, дирижёр политической конъюнктуры говорите: «женщина, живущая с дехканом, уходит от него к баю за наряды и лакомства… что несёт разорение дехканскому хозяйству…». Между тем, на миллионы бедняков таких уходов можно насчитывать немного – десятками. Это единичные явления. Большая часть ухода имеет другие причины – обращение с женой как со скотиной, за которую уплачено.

Что же делать нам, рядовым делегаткам, когда мы сталкиваемся с такими явлениями? Законное право женщины – уйти от мужа, когда она этого захочет, даже без особенных причин, хотя бы из-за физического отвращения к сожителю, а между тем её уход разрушает хозяйство мужа. Что должен сделать в таких случаях суд? Чем руководствоваться?

Вы говорите: «обязанность женотдела сигнализировать партии, когда наступает опасный момент…». Я, только крохотный винтик аппарата женотдела, я, рядовая беспартийная делегатка, сигнализирую Вам, тов. Зеленскому, и говорю: прежде чем менять курс и методы, тов. Зеленский, надо семь раз отмерить, надо выйти из лабиринта хитросплетений и тогда взвесить все за и против. Менять в настоящее время курс, менять методы работы – это значит погубить дело раскрепощения мусульманки. Мне кажется, что теперь настал момент, когда следует углубить эту работу, сказав твёрдо: «Возврата к прошлому нет!» Необходимо поддерживать бунтарский дух очнувшейся от сна и кошмаров вековечной рабыни.

Правда, наряду с углублением работы необходимо поговорить о нездоровых уклонах некоторых работников женотдела, ликвидировать, искоренить эти уклоны, быть может, оздоровить аппарат, но престиж должен высокого стоять. А это возможно только при наличии твёрдой поддержки партийных органов и их руководителей. Появление в печати Вашего доклада или выдержки из него производит впечатление обесценивания роли и значения женотделов Средней Азии. Как трудно было и раньше добиваться женотделу какого-либо толку от того или иного учреждения, об этом Вам скажет каждая работница женотдела. А теперь и подавно. Ведь с «бабкомом» (так многие называют женотдел) мало кто хочет считаться, и частенько делегатке придется пускать в ход локти, по совету т. Зеленского, чтобы пробиться на забронированное за нею законом место.

Я знаю Вас, тов. Зеленский, только по Вашим докладам, по Вашим отчётам, но привыкла видеть в Вас беспристрастного, твёрдого руководителя с широким кругозором. Отнеситесь же вдумчиво и беспристрастно к моей сигнализации, сигнализации одной из рядовых делегаток; одной, потому что нас много, мыслящих, как я.

Тов. Зеленский, массы всколыхнулись!

Полные воды многоводной реки женского движения грозят выйти из берегов и затопить их.

Тов. Зеленский, нужно открывать шлюзы[40].

Примечания

[1] *Троицкая Т.Д.* Первые организации работниц в Ташкенте // За пять лет. Сборник по вопросам работы коммунистической партии среди женщин Средней Азии / под ред. Женотдела Средазбюро ЦК РКП. М.: Центральное издательство народов СССР, 1925. С. 126.

[2] *Шукурова Х.С.* Социализм и женщина Узбекистана. (Исторический опыт КПСС в раскрепощении женщин советского Востока на примере Узбекистана 1917–1937 гг.) / под ред. К.Е. Житова. Ташкент: Узбекистан, 1970. С. 121.

[3] *Алматинская А.* Минувшее. Воспоминания. Ташкент: Издательство литературы и искусства им. Гафура Гуляма, 1971. С. 24.

[4] Там же.

[5] Там же. С. 25.

[6] Там же. С. 26.

[7] *Назарьян Р.* Ташкентские прототипы персонажа романа А. Алматинской «Гнёт» (к 130-летию со дня рождения) // Звезда Востока. 2013. № 1. С. 136-140.

[8] *Шукурова Х.С.* Социализм и женщина Узбекистана. С. 121.

[9] Там же.

[10] *Любимова С.Т.* Восток к десятилетию Октября // Коммунистка. 1927. № 10. С. 55-61.

[11] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 62. Оп. 2. Д. 419. Л. 31–36.

[12] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 10. Д. 442. Л. 33–36.

[13] РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 432. Л. 36–41.

[14] *Пушкарев А., Пушкарева Н.* Ранняя советская идеология 1918–1928 годов и «половой вопрос» (о попытках регулирования социальной политики в области сексуальности) // Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность / под ред. П. Романова и Е. Ярской-Смирновой. М.: Вариант, 2007. С. 199-227.

[15] *Offen K.* European Feminisms, 1700–1950. A Political History. Stanford: Stanford University Press, 2000. P. 266.

[16] Подробнее о первых женских организациях в Туркестане см.: За пять лет. Сб. по вопросам работы коммунистической партии среди женщин Средней Азии / под ред. Женотдела Средазбюро ЦК РКП. М.: Центральное издательство народов СССР, 1925. 188 с.

[17] *Абрамс Л.* Формирование европейской женщины новой эпохи, 1789–1918 / пер. с англ. Е. Незлобиной. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2011. С. 300.

[18] *Миловидова Э.* Женский вопрос и женское движение / под ред. К. Цеткин. М.: Госиздат, 1929. С. 416.

[19] *Юкина И.И.* Русский феминизм как вызов современности / под ред. Т.А. Мелешко. СПб.: Алетейя, 2007. С. 278.

[20] *Clements B.E.* A History of Women in Russia. From Earliest Times to the Present. Bloomington: Indiana University Press, 2012. P. 174-175.

[21] *Любимова С.Т.* В первые годы: О работе Коммунистической партии по раскрепощению женщин Советского Востока. М.: Политиздат, 1958. С. 28.

[22] *Любимова С.Т.* Декрет о чадре и общество «Долой калым и многоженство» // Коммунистка. 1928. № 8. С. 73-78.

[23] Подробнее см.: *Плоских В., Джолдошова Ж.* Курманджан – Алайская царица. Эпоха глазами современников и потомков. Исследование. Эссе. Материалы. Документы. Бишкек: Издательство КРСУ, 2011. 416 с.

[24] РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 770. Л. 8–21; *Мичурина Т.* Правовое положение женщины в Туркмении // Коммунистка. 1926. № 10–11. С. 80-83.

[25] *Заварьян Н.* Некоторые моменты из работы среди женщин Средней Азии // Коммунистка. 1926. № 6. С. 66-70.

[26] Заведующих женотделами.

[27] Здесь и далее подчёркивания А.В. Алматинской.

[28] Вероятно, подразумевается господство религиозного мировоззрения и шариатских судов. Советские народные суды в первой половине 1920-х гг. почти не разбирали дела мусульман, поскольку они обращались к ним только, чтобы обжаловать приговор шариатского. Вообще в первой половине 1920-х гг. из-за слабости советской власти в Туркестане наблюдался правовой плюрализм.

[29] Отсылка к российским обществам равноправок и туркестанским дореволюционным обществам, которые большевики называли «буржуазным феминизмом».

[30] Дома туркестанских городских мусульман делились на две части: *ташкари* – внешняя, гостевая или мужская половина и *ичкари* – внутренняя или женская половина. В ичкари вход посторонним мужчинам был воспрещён.

[31] *Дехканин* – крестьянин-землепашец. О том, что А.В. Алматинская когда-то жила среди дехкан, ничего не известно.

[32] Советскими органами.

[33] Плеть, нагайка, хлыст.

[34] Под «совещаниями рода» имеются в виду *маслахаты*.

[35] Тут говорится о женотделах.

[36] См.: *Любимова С.Т.* Сдвиги. Ташкент: Узгосиздат, 1925. 20 с.

[37] Начальник милиции.

[38] *Кишлак* в пер. с узб. яз. – село.

[39] *Чачван* – сетка из конского волоса, которая является составной частью паранджи и полностью закрывает лицо мусульманки.

[40] РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 419. Л. 143–146об.

DOI: 10.31696/2072-5795-2023-2-49-54

Ю.Н. Тихонов

НОВЫЙ ДОКУМЕНТ ОБ ОДНОЙ ИЗ ОПЕРАЦИЙ КОМИНТЕРНА НА ПАМИРЕ В 1922 ГОДУ

Российские архивы хранят ценные источники о различных этапах активности Коминтерна (КИ) в различных регионах мира. Многие документы о тайных операциях КИ с целью организации левого антиколониального движения на Востоке до сих пор не введены в научный оборот, так как гриф секретности снят с них сравнительно недавно. Находка таких материалов исследователем является событием редким, поскольку по различным соображениям отечественные архивисты стремятся ограничить доступ востоковедов к таким архивным делам даже по хорошо известным за рубежом коминтерновским «эпизодам». В связи с этим в истории международных отношений и национально-освободительного движения в Азии в XX веке остаются многочисленные пробелы.

Переброска Коминтерном индийских националистов, завершивших обучение в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ), через Памир в Индию является не «белым», а «серым» пятном в востоковедении, так как на текущий момент известны имена большинства индийцев, переброшенных через Памир, а затем арестованных британскими властями[1]. Кроме того, отечественные и зарубежные исследователи смогли приподнять завесу тайны над вопросом, кто из индийцев-студентов КУТВ оказался британским агентом[2]. Однако до сих пор наблюдается разнобой в датах и количестве человек, переправлявшихся Коминтерном через Памир в 1922 году.

Публикуемый ниже доклад командира Памирского пограничного отряда Курочкина[3] снимает большинство вопросов о времени переброски индийских революционеров, о персональном составе каждой из отправленных в Читрал групп и позволяет устранить неясности ещё по ряду вопросов. Доклад достаточно колоритен уже сам по себе. В нем масса ошибок, допущенных неизвестным русским красноармейцем, которого вихри Гражданской войны занесли на Памир. Почти полное незнание культуры и быта мусульманского Востока ярко демонстрируется ошибками в написании имен индийских националистов: «Рафинат» вместо «Рафик Ахмад» и т.д. Но именно это передаёт дух того времени и является определённой гарантией правдивости изложенных в документе фактов, хотя и создаёт дополнительные трудности для исследователей.

Анализ совокупности введённых в научный оборот автором этой публикации коминтерновских документов из фондов Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) позволяет воссоздать общую картину организации переброски студентов КУТВ через Памир. В июле 1922 года представителем Туркестанского бюро КИ Николаем Гольдбергом[4] был разработан план отправки индийцев через Памир в Читрал и далее в Калькутту. 17 июля 1922 года «план Гольдберга» был одобрен руководством Восточного отдела Коминтерна, который обратился к председателю Среднеазиатского бюро ЦК РКП(б) и одновременно члену Реввоенсовета Туркестанского фронта С.И. Гусеву[5] с просьбой оказать содействие в переброске группы коминтерновцев через Памир.

По замыслу Гольдберга индийцев планировалось отправить в Хорог со сменным отрядом красноармейцев, который должен был выйти из Оша 28 июля 1922 года. Однако из этого города отряд ушёл на Памир лишь 8 августа. Трудно сказать, что стало причиной этой досадной задержки, но, вероятнее всего, у отряда под командованием военкома Правдивцева[6] возникли традиционные трудности с вьючными животными, столь необходимыми для продвижения отряда в условиях высокогорья.

Здесь особо надо отметить тот факт, что направляемые на Памир «индийские товарищи» поступали в распоряжение разведки Туркестанского фронта и представителя НКИД на Памире Э. Пумпура[7], который должен был обеспечить коминтерновцев документами, валютой и проводником до Читрала. Данный факт ещё раз свидетельствует о том, что в 1922 году Отдел международной связи (далее – ОМС) Коминтерна ещё не действовал в Туркестане, и вся деятельность Туркестанского бюро (Туркбюро) КИ полностью зависела от НКИД и советских спецслужб.

После прибытия в Хорог, как свидетельствует публикуемый ниже доклад Курочкина, приведший сменный отряд командир Правдивцев был арестован, а индийцы перешли в ведение комиссара Памирского погранотряда Ахрамовича[8], который приступил к реализации «плана Гольдберга». В полном соответствии с ним первой в Читрал была отправлена группа из четырёх человек во главе с Абдул Меджидом[9], который пользовался абсолютным доверием у руководства Туркбюро КИ. В своём письме командованию Памирского отряда Гольдберг особо настаивал на этом: «Этих 4 т.т., и по возможности всех вместе, нужно отправить в первую голову, потому что они являются наиболее сознательными в революционном отношении. Это условие ни в коем случае не должно быть нарушено, и, если бы пришлось отправлять их по двое, так всё же, чтобы, в конечном счёте, эти 4 т.т. были отправлены раньше других»[10].

26 октября 1922 года первый отряд индийцев в сопровождении представителя разведки Туркестанского фронта отбыл в Читрал. 11 ноября Абдул Меджид и его спутники достигли столицы этого горного княжества, где тут же были задержаны и переданы в руки британских властей. 16 ноября та же участь постигла вторую группу индийцев[11]. Видимо, английская разведка долго дожидалась прибытия последних трёх коминтерновцев, но, к счастью этих индийцев, они сбились с дороги и были вынуждены вернуться в Хорог. Вероятнее всего, аресты в Читрале «индийских товарищей» заставили Ахрамовича покончить с собой.

Чёткость, с которой сработала британская разведка в Читрале, свидетельствует о том, что англичане были хорошо информированы о планах переброски десяти индийских националистов через Памир. Закономерно, что отечественные и зарубежные исследователи искали и ищут английского агента среди самих индийских националистов, обучавшихся в Ташкенте и Москве. К примеру, советский востоковед Л.В. Митрохин нашёл в индийских архивах документы, в которых содержалась информация о том, что английским агентом, сообщившим британской разведке о готовящейся переброске студентов КУТВ через Памир, являлся индийский националист Масуд Али Шах[12].

Здесь следует отметить, что Али Шах в 1921-1922 годах больше работал с «представителем от Индии» М.Н. Роем[13] в Берлине, чем в Москве. Кроме того, он сообщил Рою, что его завербовали в Индии, после чего Рой пообещал ему, что будет лично передавать ему… дезинформацию для англичан[14]. Эпизод с этим агентом-двойником является ярким доказательством того, насколько сложно и непредсказуемо вели себя индийские революционеры в борьбе с многоопытным врагом. В любом случае, в 1922 году Шах был очень далеко от Памира и не владел оперативной информацией о ходе переброски его товарищей в Индию. Таким образом, его нельзя считать главным виновником ареста индийцев в Читрале в 1922 году.

Большое количество материала дал так называемый третий Пешаварский процесс 1923 года, на котором схваченные в Читрале индийцы были большей частью осуждены, а Абдул Кадир Сахрай[15] и Фида Али[16] были освобождены, так как дали показания против своих товарищей. При анализе их поведения в ходе суда и информации о их дальнейшей судьбе складывается впечатление, что Фида Али – это, скорее всего, по коминтерновской типологии предателей, «покаянный агент», то есть лицо, давшее показания уже в ходе следствия. На роль хорошо подготовленного британского разведчика в Ташкенте, а затем и в Москве больше подходит Абдул Кадир, полностью оправданный и освобождённый по решению англий-

ского суда. При наличии хорошей связи такой агент, находясь в составе отправляемой через Памир группы, мог сорвать любую операцию Коминтерна в Туркестане и на Памире…

Документ публикуется по правилам современной орфографии. Очевидные опечатки исправлены без комментариев. В квадратных скобках раскрыты сокращения.

Документ

Совершенно секретно

Полномочному представителю НКИД в Средней Азии
военкома конно-горного Памир[ского] отряда

ДОКЛАД

От 8 августа 1922 г. с Памирским отрядом Вами направлялись через погранпосты и Афганистан в Индию 10 чел[овек] индусов на родину. 16 октября [19]23[17] г. они прибыли с отрядом на п[ост] Хорог (Западный Памир). 26 октября индусы с поста Хорог и группами 1-я в 4 человека (1. Абдул-Мафси[18], 2. Мансур[19], 3. Рафинат[20] и 4. Хабибомат[21]) через Афганистан в сопровождении сотрудника Уполразведупра[22] дошла благополучно до Чатрала[23], прошла Чатрал и направилась дальше. Вторая группа в 3 человека (1. Абдул Гамид[24], 2. Феодали-Зай [25] и 3. Сахрей [26]) через Вахан тоже добрались благополучно до Чатрала. Сведений о дальнейшей их судьбе у Разведупра[27] нет. Частью было известно, что вторая группа якобы была поймана и послана, но где об этом молва умалчивает. Со стороны Уполразведупра делалась попытка узнать их дальнейшую судьбу, но неудачно. Третья группа (Нисар-Раз[28], Абдул-Гамид[29] и Низаметдин[30]) дошла только до Ишкашима, а в Афганистане уже было известно, что туда пробираются из Советской России индийцы, и их приняли за шпионов. Поэтому эта группа вернулась в Хорог, где все время и находилась. 10 июля с.г. они возвращаются обратно в Ваше распоряжение. В апреле месяце эти оставшиеся обращались … с просьбой способствовать им отправится в Индию, но я, учитывая, что они уже расшифрованы и их появление за границей не может остаться незамеченным, не согласился, чтобы они ушли, дабы снять с себя ответственность за последствия, за их судьбу.

В общем, направленная Вами группа 10 человек немного принесла полезного нашей партии и не пополнила ряды наших заграничных коммунистов. Объясняется это тем, что они не удачно были переданы введение военкома отряда Правдивцева, который по приезде в Хорог был арестован Особым отделом, и индусы расконетированы[31], от Правдивцева они пришли к Ахрамовичу, который отправил первые группы, [а] сам застрелился, и третья группа перешла уже в мое ведение.

По смерти Ахрамовича у меня не оказалось: никаких ни указаний, ни инструкций, ни о назначении индусов, ни о их работе. По акту комиссии я принял только наличия денег (230 руб. золотом, 3 золотые монеты турецкие) и бумаги. Сколько было денег, как расходовать их, я никаких сведений не имел и не нашел. Из принятых мною денег, указанных выше, пришлось расходовать на потребность оставшихся сотрудников 3369 руб. 50 коп., а остальные деньги в сумме 99 руб. 23 коп. выдал согласно доверенности двух т. Нисар Разу на общие нужды во время следования их [обратно] в Ташкент. Денежными документами мной от Ахрамовича принято (распиской) 5190 руб., сюда входят и 230 руб. наличными <…> Ахрамович выдал деньги всем, но 3 вернулись из Ишкашима и сдали ему 230 руб., на что от Ахрамовича имеются расписки [по] индусам (отчет).

Из бумаг мной приняты следующие:

Инструкции по расходованию денег № 12 и № 13[32].

Акт на павших лошадей в числе в отд. №11 во время [следования] групп на Зап[адные] Памиры.

Акт на 2-х лошадей, которые нами [приняты] уже в Хороге № 56 и 57[33].

Разная переписка сотрудников на имя военкома и Гольдберга на 25 полулистах[34].

Два маленьких конверта с частной перепиской на 14 листах[35].

Партийные документы за № 9, 16, 17, 18, 19, 20[36]; отношения Уполразведупра за № 48, 34 и без №[37].

Удостоверения личности на оставшихся 3-х человек, которые выдаются им на руки с пометкой о возвращении их обратно в Представительство НКИД в Средней Азии, г. Ташкент.

В бумагах, принятых мной по смерти Ахрамовича имеются расписки от назначенного сотрудника Правдинцева на 4000 руб., но какие это деньги и куда они расходованы, ни мне, никому другому не известно.

При выезде из Оши у сотрудников имелось 10 штук лошадей, из которых 8 шт. пали (акты прилагаю), а две находятся на руках сотрудника и будут сданы военкому войск Фероблaсти[38]. Расписку же направят Вам.

Все вышеуказанные документы и отчет в израсходовании денег прилагаю при сем докладе. Дополнительно прилагаю отношения Уполразведупра, дубликаты за № 15 о том, почему 3-я группа … [не] вышла за границу, а вернулась в Хорог[39].

Военком конно-горного отряда КУРОЧКИН

РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 73. Л. 25-26. Заверенная машинописная копия.

Примечания

[1] См.: Documents of the History of the Communist Party of India / Ed. G. Adhikari. New Delhi: People's Publishing House. P. 248-249.

[2] См. подробнее: *Митрохин Л.В.* Индия: вступая в XXI век. М.: Политиздат, 1987.

[3] Курочкин командовал Памирским погранотрядом до 1925 года.

[4] Гольдберг Николай Максимович (1891–1961) – родился в Москве в еврейской купеческой семье (2-й гильдии). Окончил реальное училище, а затем уехал изучать филологию в Лозаннском университете. Через год перевёлся в Московский университет. В 1910–1911 гг. работал моряком: посетил Бразилию, Аргентину, Уругвай, Испанию, Ирландию, Англию, Францию. В 1911–1913 гг. учился на филфаке Гейдельберского университета. В 1913 г. поступил в Петровскую (Тимирязевскую) сельскохозяйственную академию. 1914 г. – в Туркестане изучал хлопководство. В 1916–1918 гг. – рядовой вольноопределяющийся 52-й дивизии III-го Кавказского корпуса. 1918 г. – демобилизован и вернулся в Москву. Осенью 1918 г. поступил на службу в НКИД, где был переводчиком и техническим секретарём. Май 1919 г. – сотрудник НКИД Украины: редактор секретных бюллетеней. В августе 1919 г. эвакуировался из Киева в Москву, откуда командирован в Уфу и Самару. По приказу М. Фрунзе отправлен в г. Ташкент в Отдел внешних сношений. Май 1920 г. – зам. уполномоченного НКИД в Закаспийской области. Июнь 1920 г. – служебная командировка в Иран. В конце 1920 г. перешёл на работу в Туркбюро Коминтерна (КИ): курировал компартии Бухары и Индии. Между М.Н. Роем и ним установились дружеские отношения. Июль-октябрь 1920 г. – работал переводчиком в ИККИ. Октябрь 1920 – сентябрь 1922 г. – один из руководящих сотрудников Туркбюро КИ: зав. Информационным отделом. 1922–1925 гг. – работал в Восточном отделе ИККИ. 1926–1927 гг. – корреспондент ТАСС в Турции. С ноября 1927 г. по май 1928 г. – редактор в Спортинтерне. С мая 1928 г. – сотрудник Редиздата ИККИ. 1941–1943 гг. – УзФАН СССР. С 1943 г. – преподаватель восточного отделения исторического отделения истфака МГУ. 1943–1961 гг. – сотрудник ИВ АН СССР.

[5] Гусев Сергей Иванович (Драбкин Яков Давыдович) (1874–1933) – в январе 1921 г. – январе 1922 г. – начальник ПУР, председатель Среднеазиатского бюро ЦК РКП(б). В феврале 1922 г. – апреле 1924 г. – член РВС Туркестанского фронта.

[6] Личность не установлена.

[7] Пумпур, Эрнест (?–?) – глава представительства НКИД на Памире в 1921–1925 гг.

[8] Личность не установлена.

[9] Абдул Маджид (Abdul Majid) (1899(1896?) –?) – родился в Пенджабе. Сын торговца. В годы Первой мировой войны вёл антибританскую агитацию среди приграничных пуштунских племен, связь с которыми поддерживал из Кабула. В 1920 г. прибыл из Афганистана в г. Ташкент по поручению «Временного правительства Индии». Один из лидеров индийской группы при Совете интернациональной пропаганды (СИП). 1921 г. – в Ташкенте вступил в компартию Индии. В 1921–1922 гг. учился в КУТВ. В сентябре 1922 г. «отбыл» в Индию, но был арестован. В 1926 г. вступил в новую компартию Индии (КПИ). В 1929 г. на Мирутском процессе осуждён на 4,5 года тюрьмы. В 1934 г. его предполагалось ввести в состав ЦК КПИ.

[10] Советская Россия в «Большой игре» (1919-1925): Сборник документов / Составитель и автор предисловия Ю.Н. Тихонов. М.: ИВ РАН, 2019. С. 606.

[11] *Митрохин Л.В.* Индия: вступая в XXI век. С. 294-295.

[12] Масуд Али Шах (1900–1938) – индийский националист. Из семьи помещика. В 1920 г. с группой халифатистов из 40 человек прибыл в Афганистан, чтобы участвовать в вооружённой борьбе против Англии.

[13] Рой, Манабендра Натх (Мартин, Роберто Аллен, Вильягарсиа, Роберт Аллен-Рой, Робертс, Мануэль Мендес) (1892–1954). Индийский революционер. В декабре 1918 г. избран генеральным секретарем Мексиканской региональной социалистической партии. Под влиянием первого в Мексике советского консула М.М. Бородина поддержал Октябрьскую революцию. В 1920 г. по мандату компартии Мексики направлен делегатом на II конгресс Коминтерна. С 1921 г. член ИККИ от Индии. Делегат III–VI конгрессов КИ (в работе VI конгресса участия не принимал), XIV съезда ВКП(б). 1920–1921 гг. – представитель ИККИ в Ташкенте для работы в странах Востока. В Ташкенте основал компартию Индии. С 1924 г. член Президиума ИККИ от Индии. 1926-1927 гг. – член Дальневосточного секретариата ИККИ. 1927 г. – представитель ИККИ в Китае; член Восточного лендерсекретариата ИККИ. 1929 г. – исключен из КИ как «сторонник Троцкого». В 1930 г. вернулся в Индию. В 1931–1936 гг. отбывал тюремное заключение. После освобождения стал членом Индийского национального конгресса (ИНК). В 1940 г. исключен из ИНК за призывы поддержать Англию во Второй мировой войне. В сентябре 1940 г. создал Радикально-демократическую партию и стал её генеральным секретарём. В 1948 г. распустил эту партию и отошел от политической жизни. В 1954 г. погиб, сорвавшись в пропасть.

[14] Центральный архив ФСБ. Д. Р – 48991. Л. 15.

[15] Абдул Кадир Сахрай (Abdul Qader Sehrai) (1901– ?) – пуштунский националист. 1920 г. – прибыл в Кабул, где вступил в Индийскую революционную ассоциацию; прибыл в Ташкент, где учился на «Индусских командных курсах всех родов оружия», созданных М.Н. Роем. Вступил в КПИ. 1921 г. – учился в КУТВ, но прервал учебу из-за «нервного заболевания». 1922 г. – уехал из Москвы в Туркестан для отправки через Памир в Индию.

[16] Фида Али (Fida Ali) (?–?) – пуштунский националист. 1921 г. – курсант «Индусских командных курсов всех родов оружия» в Ташкенте. 1921 г. – учился в КУТВ. 1923 г. – дал показания на свои товарищей в ходе Пешаварского процесса, поэтому был освобождён англичанами от наказания.

[17] В документе явная опечатка: не «23 г.», а 1922 г.

[18] Речь идет об Абдул Маджиде (Abdul Majid).

[19] Мансур (Mansoor) (1902– ?) – член Берлинского комитета индийских националистов, созданного в годы Первой мировой войны; 1920 г. – входил в состав делегации от этого комитета к В.И. Ленину. 1920–1921 гг. курсант «Индусских командных курсов всех родов оружия» в Ташкенте. 1921–1924 гг. – 4 месяца учился в КУТВ. Один из организаторов компартии Пакистана.

[20] Речь идет о Рафике Ахмаде (Rafiq Ahmed) (1889–1982) – индийском коммунисте и одном из создателей компартии Индии. 1920 г. – с группой мухаджиров прибыл из Афганистана в Ташкент. 1920–1921 гг. – курсант «Индусских командных курсов всех родов оружия». В 1921 г. зачислен в КУТВ. 1922 г. – с группой других индийских революционеров попытался через Памир проникнуть в Индию, но был арестован. 1923 г. – осуждён на один год тюрьмы в ходе третьего Пешаварского процесса. После освобождения продолжил коммунистическую деятельность в Индии. Позже отошёл от

политической деятельности. В 1967 г. был в качестве гостя в Москве и награждён советским правительством медалью «За боевые заслуги». Большую часть жизни прожил и умер в г. Бхопале.

[21] Хабиб Ахмад (Махмуд Назим) (1900–1938) – родился в г. Шахджаганпуре (Соединенные провинции). В 1919 г. стал волонтёром ИНК. В 1920 г. завершил учебу в колледже. В этом же году с группой мухаджиров тайно прибыл в Афганистан, а затем оказался на советской территории. Участник обороны г. Керки от басмачей. Курсант «Индусских командных курсов всех родов оружия» в Ташкенте. В 1921–1922 гг. – студент КУТВ. В 1922 г. по указанию М.Н. Роя отправлен на Памир для переброски в Индию. Был арестован и осуждён в ходе Пешаварского процесса. 1928 г. – делегат КПИ на VII Конгрессе КИ: докладчик на конгрессе КИМ. 1929 г. – арестован ОГПУ (дело лично рассматривал А.Х. Артузов). Выслан ОГПУ в г. Уральск. В 1938 г. был расстрелян НКВД. В 1956 г. реабилитирован.

[22] Уполразведупра – уполномоченный Разведывательного управления Красной армии (разведки Туркестанского фронта).

[23] Так в документе. Речь идет о Читрале – вассальном княжестве в составе Британской Индии.

[24] Абдул Хамид I (Мастер) (1893– ?) – родился в г. Лудхиане. В Лахоре закончил английскую гимназию, а затем два курса медицинского института. Как участник халифатистского движения уехал из Индии в Афганистан и в 1920 г. прибыл в Туркестан. Был одним из первых членов созданной М.Н. Роем в Ташкенте компартии Индии. В 1921 г. с группой индийцев поступил в КУТВ. В августе 1923 г. после неудачной переброски через Памир Абдул Хамид вернулся в Москву и продолжил учебу в КУТВ.

[25] Речь идет о Фиде Али (Fida Ali).

[26] Абдул Кадир Сахрай (Abdul Qader Sehrai).

[27] Разведупр – Разведывательное управление Красной армии (военная разведка).

[28] Нисар Раз (Сеид Нисар Ахмед Риза) (1901– ?) – индийский националист. 1915 г. – закончил Высшую англо-арабскую школу в Дели. 1920 г. – член «Индийской ассоциации». Выслан афганскими властями в ТАССР. Член КПИ. 1921 г. – курсант «индусских курсов» в Ташкенте. 1922 г. – неудачная попытка через Памир уйти в Индию. 1923–1927 гг. – учеба в КУТВ. До 1931 г. – учился в аспирантуре МАИ.

[29] Речь идёт о Абдул Гамиде Втором. Личность этого человека автором не установлена.

[30] Низам Дин (Карим Ден, Низамутдин, Каримдин) (1898– ?) – индийский националист. Родился в Лахоре. В годы Первой мировой войны служил в британской армии. 1919 г. – в период третьей англо-афганской войны с оружием в руках перешёл к афганцам и воевал на их стороне. 1920 г. – с группой мухаджиров прибыл в Ташкент, чтобы принять участие в джихаде против англичан в Турции, однако не получил разрешение на въезд в страну и длительное время находился в Тбилиси. 1921–1922 гг. – учился в КУТВ. 1922 г. – отправлен Коминтерном на Памир, чтобы тайно достичь Индии. Переброска не удалась. 1923 г. – вернулся в Москву. Сентябрь 1923 г. – отправлен КИ на работу в Бухару. 1924 г. – учился в Коммунистическом университете в Ташкенте. До 1930 г. был секретарем «Негритянского бюро». 1930 г. – командирован КИ на работу в Великобританию.

[31] Так в документе. Скорее всего, что «расконспирированы».

[32] Данные документы не публикуются.

[33] Данные документы не публикуются.

[34] Данные документы не публикуются.

[35] Содержание данной переписки автором данной публикации не установлено, и эти письма не публикуются.

[36] Речь идет о партийных билетах созданной М.Н. Роем в октябре 1920 г. Индийской компартии (Ташкентской): партбилет № 9 принадлежал Абдул Хамиду (I) (Мастеру), № 16 – Абдул Меджиду, № 17 – Мансуру, № 18 – Нисар Разу. Кому принадлежали партбилеты № 19 и № 20, автору данной публикации установить не удалось.

DOI: 10.31696/2072-5795-2023-2-55-68

И.П. Глушкова

Из архивов М.Р. Джайкара. Часть 1.

Един во всех лицах: безотказный секретарь требовательного работодателя

Маратх Мукунд Рамрав Джайкар (1873–1959), адвокат, судья, политик, журналист и педагог, был одной из крупных фигур индийского национально-освободительного движения. Однако в России он не известен, а в Индии в значительной степени обделён вниманием потомков. Причиной равнодушия стало то, что, будучи соратником всех выдающихся деятелей той бурной эпохи – лидеров партии Индийский национальный конгресс (ИНК), включая Мотилала Неру (1861–1931), основателя знаменитой политической династии; Мохандаса Карамчанда Ганди (1869–1948), «отца нации»; Джавахарлала Неру (1889–1964), первого премьер-министра независимой Индии, и многих других, Джайкар имел иные взгляды на взаимодействие с колониальной властью и успешно с ней договаривался. Даже оставаясь членом ИНК, он создавал собственные политические платформы и по многим вопросам не поддерживал политику ИНК, в частности, «несотрудничество», ставшее основой стратегии Ганди и его сторонников.

Посмертная слава и почёт ушли к другим. Однако благодаря индивидуальным свойствам, в частности, убеждённости Джайкара в собственной значимости и существенном вкладе в достижение Индией независимости, а также многолетней архивации своей жизни – как публичной, так и личной, – он оставил после себя многожанровый документооборот огромного размера, по завещанию переданный в Национальный архив Индии. «Бумаги Джайкара»[1] (около полутора тысяч папок от 10 до 500–600 листов вложений) представляют редкий исторический источник, весьма выборочно использованный в историографии. То, что сам Джайкар считал первостепенным – «движение страны к свободе», изложено – с опорой на многолетние дневниковые записи и папки с входящей и исходящей корреспонденцией по всем вопросам политического спектра, речами, черновиками резолюций, газетными вырезками, официальными приглашениями и т.д. – в двух томах «Истории моей жизни», доведённой автором только до 1925 года[2]. Эта часть его архива вместе с двухтомником обычно используется историками, сосредоточенными на конкретных периодах, событиях или персонажах, в качестве первоисточников, хотя и с оглядкой на религиозные, этнические и кастовые предпочтения Джайкара.

Однако огромная часть наследия Джайкара, по счастью, оцифрованная, – конверты с погашенными марками и квитанции за по-

сланные телеграммы, счета за газ и молоко, медицинские анализы и рецепты на лекарства, описи отправленного багажа и закупленных растений, отчёты о взимании арендной платы и помесячные сметы жалованья слугам и – главное – никем не считанное количество писем из переписки Джайкара с главным поддержателем его домохозяйства и всевозможных сторон его жизни – личным секретарём, персональным помощником, финансовым советником, делопроизводителем и домоуправляющим Рагхурамом Кришной Голикере, прослужившим у Джайкара 25 лет (1926–1951). Ежедневная связь в периоды нахождения работодателя за пределами Бомбея (указания Джайкара vs отчёты Голикере), хотя и отложенная на время доставки корреспонденции, открывает неизвестные пласты бытовой культуры и повседневных забот представителя англо-индийской элиты первой половины XX века и способы его взаимодействия с «обслуживающим персоналом».

Личный секретарь как *caretaker*

В письме из Лондона (15 сентября 1933 г.) Джайкар сначала (как было заведено в переписке с Голикере) перечисляет пункты из последнего полученного письма секретаря, а в третьем параграфе напоминает о его обязанностях с доминирующем рефреном о *care* (и производных), т.е. об «уходе/заботе» за всем, что остаётся на его попечении, фактически признавая его *caretaker*, в обязанности которого входит весь документооборот: «В этом деле я хочу вашего максимального внимания (to be very careful). Книга, которую я намереваюсь написать, потребует моего тщательного изучения (my careful going through) множества папок со старой корреспонденцией. Эти папки поэтому должны содержаться чрезвычайно аккуратно (be very carefully preserved), как и газетные вырезки по тем же датам и далее. Поэтому проследите, пожалуйста, чтобы все эти папки и вырезки бережно (carefully) хранились в одном месте и чтобы во время их переноса из Тхакурдвара на Винтер-род[3] ни одна не была бы неверно расположена, утеряна или небрежно (carelessly) поставлена не туда. И я бы хотел, чтобы вы самым тщательным образом (very carefully) их проверили и держали в порядке, чтобы по возвращении не было бы труда обнаружить нужную. Эти папки с корреспонденциями чрезвычайно важны, никакие усилия по их сохранности не могут показаться чрезмерными... Я рассчитываю, что вы предпримете все необходимые шаги, диктуемые заботой (care) и предусмотрительностью»[4].

Махатма Ганди и его секретари

Традиционный в англоязычной культуре подход к личному (private/personal) секретарю называет его главной функцией *maintenance*, что подразумевает поддержание удобной для нанимателя устроенности его времени и пространства. Сюда входят обязательства по контактированию с окружающим миром, передача сообщений, обработка корреспонденции, ведение дневников, подготовка встреч, сопровождение на переговоры и пр. Помимо технических навыков, актуальных для конкретной эпохи, секретарство подразумевает этикет предупредительности в отношении нанимателя: помощнику предписано внимательно слушать, задавать уместные вопросы, интерпретировать язык тела и при любых обстоятельствах осознавать свою задачу, роль и ответственность.

Свидетельства, по крайней мере, из жизни бомбейской националистической элиты первой половины XX века фактически дезавуируют распространённое представление о секретаре-клерке и превращают его в работника-универсала. Во втором параграфе процитированного выше письма Джайкар даёт следующие указания: «Нужно, чтобы вы выполнили для меня следующее: вам известно, что незадолго до моего отъезда из Индии плотник Панчал изготовил для меня шкаф, чтобы держать одежду на вешалках, а не складывать[5]. Попросите, пожалуйста, чтобы к моему возвращению он сделал такой же, но на два дюйма глубже. Можете обратиться к нему через м-ра Мулгавкара, если он на месте, а если его нет, напрямую...»[6].

Биография Махадева Десаи (1892–1942), юриста и талантливого литератора, на протя-

жении 25 лет бывшего секретарём Ганди, предваряется в качестве эпиграфа словами Махатмы: «На вопрос, какое наилучшее качество было у Махадева, я бы ответил – его способность обращаться в Ноль, если того требовала ситуация»[7]. Когда сопровождавший Ганди в 21-месячном заточении во дворце Ага-хана в Пуне преданный секретарь скоропостижно скончался, Ганди, по словам свидетелей, некоторое время повторял: «Махадев, вставай же, Махадев...», а потом объяснил: «Не было такого, чтобы он мне не повиновался. Я был уверен, услышь он эти слова, он бы отринул смерть и встал»[8].

Нараян Десаи, сын Махадева и его биограф, восстанавливая шаг за шагом жизнь отца, написал: «1924-й был сравнительно лёгким годом в смысле индивидуальной ответственности. После освобождения из тюрьмы Ганди вернулся к изданию *Young India* и *Navajivan*. Это освободило Махадева, и он смог посвятить себя работе, которая ему нравилась более всего – обслуживанию Ганди как его *Pir* (наставник), *babarchi* (повар), *bhisti* (водонос), *khar* (рука). Он снова стал играть роль Ханумана, а не Бхараты или Шатругхны[9]. Главным в этой роли было стать “вторым сердцем” Ганди»[10]. В том же 1924 году, 21 марта Ганди пишет в письме Чакраварти Раджагопалачари[11]: «Кто-нибудь, наверное, уже сообщил вам, что Голикере со мной, и его содействие – это великая вещь. Он будет помогать мне самое большее следующие три месяца. Тем временем Кристодас и Пьярелал постараются приобрести достаточные для моих потребностей навыки в стенографии...»[12]. Эти строки становятся более понятными из другого письма (28 марта), где Ганди благодарит знакомого за предложение уступить на время – без оплаты – своего стенографа: «И с радостью бы воспользовался им, если бы ещё до того... м-р Голикере не предложил свои услуги, как только узнал, что я в них нуждаюсь. Он уже помогал мне незадолго до того, как я попал в тюрьму»[13].

Одна из двух папок с материалами о внезапной смерти в 1924 году Сушилы, жены Джайкара, содержит письмо-соболезнование, отправленное Голикере с домашнего адреса (Сарасват-билдинг, Гамдеви, Грант-род): «Я чрезвычайно опечален сообщением утренних газет о внезапной и непредвиденной кончине прошлой ночью вашей супруги от остановки сердца...»[14]. Адрес вместе с фамилией выдаёт в авторе чхатрапурского брахмана-сарасвата из Канары[15], чьи соплеменники мигрировали в Бомбей и обосновались на канцелярских должностях, требующих высокого уровня грамотности. А «Папка личного подоходного налога м-ра Голикере» документирует поэтапность перехода Голикере, нанимаемого для заполнения вакуума в поддержании установленного порядка в доме, на службу к Джайкару.

Фактически «порядок» подразумевал всё: помимо непрерывного печатания писем, выступлений и статей Джайкара, контроль за его собственностью и оприходывание арендных поступлений[16], присмотр за слугами и выплату им жалованья из полученной аренды, исполнение поручений других членов семейства и ремонт всего, что могло ломаться и подлежало починке. 46 страниц запросов из налоговой службы и ответных записок в отдел «Зарплаты», квитанции об уплате налогов и подсчитанные в столбик суммы поступлений за финансовый (с 1 апреля по 31 марта) год в диапазоне с 1923 по 1931 год сообщают, что Голикере, эсквайр, работал в «Новой индийской страховой компании» на престижной Эспленейд-род. В обращении в Налоговую службу от 5 марта 1926 года он сообщает: «Пожалуйста, отметьте, что с 1 сентября 1925 г. я больше не работаю в Новой индийской страховой компании»[17]; а 9 июня 1928 года, утрясая налоговые вычеты, напоминает: «Я покинул страховой бизнес частично по причине отсутствия времени, но преимущественно из-за новых правил, введённых страховыми компаниями относительно брокеров и их операций... Единственным источником моего дохода в настоящее время и впредь является зарплата у м-ра Джайкара, и подоходный налог будет ежемесячно мною вноситься через его счёт»[18]. Последующая переписка между Голикере и Налоговой службой осуществлялась «через М.Р. Джайкар, эсквайр, адвокат, магистр права, 391 Тхакурдвар, Бомбей 2», где находилось его рабочее место, т.е. пись-

менный стол, пишущая машинка, справочные материалы и т.д. С 1 апреля 1925 года по 31 марта 1926 года, ещё с учетом работы в страховой компании и бонусов от заключённых страховок, Голикере отчитался о 3 213 рупиях дохода[19]; за период с 1 апреля 1926 года по 31 марта 1927 года он заработал 2 700 рупий[20].

Пъярелал Найяр, секретарь Ганди, которому полагалось за пару месяцев освоить стенографию, так описал круг обязанностей тех, кто обеспечивал инфраструктуру деятельности своего работодателя: «Его секретарю вменялось выполнение самых никчёмных задач, какие только можно представить, с тем же рвением, усердием, вниманием и опрятностью, как и самые значительных. Это могло быть что угодно – приготовление пищи, стирка белья, чистка туалета, уход за больным или выпуск крупной ежедневной газеты, ответы на неудобные вопросы любезных и пристрастных журналистов, воспроизведение из беглых записок важных бесед, интервьюирование или переговоры об интервьюировании вице-короля или официальных лиц из его аппарата»[21].

Джайкар и его секретарь

Голикере определённо был в курсе особенностей секретарства у Махатмы, но у Джайкара был менее экзотичный, чем у Ганди, стиль жизни, поэтому чересчур экстремальных заданий на долю Голикере не перепадало. Однако у Джайкара были свои приоритеты; к тому же он владел обширным домохозяйством и обслуживался внушительным числом слуг, поэтому сфера деятельности Голикере, наряду с привычными секретарскими обязанностями, подразумевала поддержание и обеспечение частного комфорта своего нанимателя – в каком бы формате это ни выражалось. В письме из Дели (11 февраля 1930 г.) Джайкар выражает неудовольствие по поводу размера налоговых выплат с арендной ренты и напоминает Голикере: «Я чрезвычайно занят делами и вынужден переложить на вас большую часть своих обязанностей, и коль скоро я это делаю, то исхожу из того, что вы будете использовать свой интеллект столь же тщательно (carefully), как я бы использовал свой, будь у меня на то время»[22]. В том же письме, подразумевая отказ Голикере выдать его сыну денежную сумму без получения санкций от него самого, Джайкар предлагает секретарю держать себя с его детьми «мягче», не вызывая нареканий «в невежливости». Разъяснив ситуацию с первым упрёком, что потребовало иследования налоговой истории предыдущих годов, по поводу второй претензии Голикере отвечает: «Я всегда почитал себя за почтовое отделение, выдающее переводы, а не за казначея... Я считаю невежливость неизбежным следствием высокомерного, самоуверенного и нетерпимого нрава, часто свойственного представителям верхов и дурно воспитанным членам аристократических семейств и редко – воспитанным людям, занимающим более скромные позиции в жизни. Будучи весьма чувствительным в отношении невежливости в собственный адрес, я всегда считал её непростительной слабостью и был осторожен, чтобы не навлечь её на себя по принципу око за око. В общении с Джайпалом я никогда не забываю о своём скромном положении оплачиваемого слуги вашего семейства, и у меня нет оснований полагать, что я когда-либо позволял себе грубость в его адрес»[23].

Письма Джайкара, если отвлечься от дат и задач поездок, представляют собой многократно повторяющиеся инструкции по созданию и поддержанию порядка с изложением алгоритма правильного поведения слуг, ответственность за бесперебойность которого возлагалась на секретаря. Письма Голикере, в свою очередь, являются подробным – практически ежедневным – отчётом о том, что и как выполняется и какие ситуации складываются на том или ином участке обширного хозяйства. Если какая-то часть механизма работала вхолостую или ломалась, то Голикере был именно тем контролёром, обязанностью которого было не только обнаружение сбоя, но и немедленная наладка всей структуры.

В 1928 году перед отъездом в Дели на более чем трёхмесячную сессию Законодательной ассамблеи Джайкар возлагает на Голикере надсмотр за капитальной реконструкцией

под руководством м-ра Навалкара и его команды недавно приобретённой им виллы и участка в самом престижном районе Бомбея – на Винтер-род в районе Малабарского холма[24]. Вместе с жёсткими рекомендациями по переделке нового владения Джайкар отслеживает одновременный ремонт в сдаваемых помещениях в Дадаре и Хануман-галли, а также – в соответствии с требованиями Бомбейского муниципалитета, – следит за обустройством уличной уборной для квартирантов из Дзаоба-оарт, требуя, чтобы Голикере несколько раз в неделю посещал каждое из этих мест. Из письма в письмо Джайкар – по пунктам – внушает Голикере, что и как следует сделать, и по этим же пунктам получает от секретаря подробные отчёты.

Лейтмотивом всех посланий был неусыпный контроль за происходящим: «Пожалуйста, передайте м-ру Навалкару, что всё должно быть завершено до 10 марта. Я уже написал ему отдельно, но хочу, чтобы вы буквально не отставали от него ни на минуту, постоянно теребили и обеспечили окончание до указанной мною даты. Никаких работ после этой даты оставаться не должно, и в выполнении этого я полагаюсь на вас»[25]. Нерасторопность Навалкара обсуждается в каждом письме, и Голикере даже подсказывает Джайкару конкретные фразы, которыми следует возбуждать в распорядителе ремонта активность и ответственность: «Я, конечно, продолжу на него давить, но предлагаю и вам раз в неделю писать ему, принуждая к ускорению процесса. Вы, например, можете написать так: “У меня нет сомнений, что груду камней с моего участка в Дадаре вы уже убрали” или “Хочу знать наверняка, сколько погрузок потребовалось для перевоза камня на Винтер-род и куда вы его сложили?”»[26]. На что Джайкар отвечает: «Мне ещё раз приходится повторить, что вы ежедневно должны задавать м-ру Навалкару вопросы об окончании работы. Я вернусь в любой день после 15 марта и после этой даты не желаю видеть никаких остатков от ремонта. К моему возвращению мой дом должен быть свободен от рабочих, чтобы ничто не нарушало тишины. Я полагаюсь на вас в том, что работа будет ускорена и завершена до моего приезда. Вот что я имею в виду под “работой”...»[27]. И далее следует очередное перечисление всё тех же пунктов, повторяющихся из письма в письмо.

Одновременный ремонт в нескольких точках, безусловно, существенно увеличивал стрессовое состояние секретаря, продолжавшего в отсутствие Джайкара заниматься рутинной работой: он разбирает приходящую корреспонденцию; заводит папки по новым направлениям в деятельности Джайкара; разруливает финансовые потоки (вплоть до обеспечения из своего кармана – с последующим возмещением – затрат на паломничество Аи-баи, матушки работодателя); оплачивает счета; готовит налоговые декларации; собирает гонорары за юридические консультации Джайкара; следит за движением банковских акций хозяина; подаёт иски против неплательщиков; отправляет в Дели / Симлу / Пуну и т.д. по требованию хозяина забытые витамины и авторучку «Паркер», чистые рубашки и нижнее бельё; извлекает из баулов и развешивает по шкафам пришедшую из Лондона одежду; разыскивает выпавший из кармана хозяина позолоченный карандаш; чинит пишущую машинку, часы и фонарик; увольняет (по указу Джайкара и при согласовании с Аи-баи) прежних слуг, подыскивает новых и обучает их требуемым навыкам, а также задерживает выплату жалования самому себе, если случаются непредвиденные траты или вырученные за аренду деньги не собраны.

Накануне отъезда на Третью конференцию круглого стола в Лондон, где Джайкар имел обыкновение задерживаться дольше, чем рассчитывал, был нанят специальный смотритель за растущей собственностью успешного адвоката и юристконсульта. Обязанности новичка Джайкар надиктовал на трёх страницах «Руководства» (Directions) буквально в день отплытия парохода:

«29 октября 1932.

Указания м-ру Р.Г. Джайкару[28].

Вам будут оказывать помощь м-р Голикере, м-р Аджинкъя и слуга для взыскания арендной платы по имени Шанкар. Ваше рабочее место будет находиться в Тхакурдваре. Рабочее время – преимущественно с

14.00 и далее до самого вечера, т.е. столько, сколько понадобится. М-р Голикере будет приходить в своё обычное время и печатать для вас письма, уведомления и пр., вести бухгалтерию и осуществлять выплаты, как он это делает сейчас. Ваша работа будет заключаться в надсмотре и проявлении инициативы, особенно по следующим пунктам:

1. регулярный сбор аренды; 2. заполнение вакансий; 3. ремонт собственности; 4. общение с жильцами и приём их жалоб; 5. а также все другие вопросы, которые потребуют от вас как замещающего меня лица [принятия] решений, [готовности брать на себя] ответственность и улаживания [всевозможных ситуаций].

Я не хочу сковывать ваши обязанности жёсткими и неукоснительными правилами, как, например, часы работы, поскольку это невозможно, но в целом вы должны себя вести, как если бы вы сами были рассудительным владельцем собственности, переданной под ваше управление (management), и через механизмы (machinery) под вашим подчинением осуществляли бы это управление (management) эффективно и планомерно...»[29].

В орбите Джайкара, впрочем, каждый оплачиваемый работник имеет максимальную загруженность, и надёжность системы подкрепляется перекрёстным контролем и взаимозаменяемостью: «Кроме того, два-три раза в неделю по утрам вы будете навещать мою матушку на Винтер-род, чтобы удостовериться, что с ней всё в порядке. Следите, пожалуйста, за садом и контролируйте садовников; убедившись в разумных потребностях, обеспечьте их теми семенами, в которых они нуждаются. В остальные дни недели Трилокекар[30] любезно согласился наведываться к матушке. Вследствие моего отъезда и отсутствия моего сына она остается дома практически без мужского руководства, так что это необходимость.

Надиктовывайте, пожалуйста, раз в неделю м-ру Голикере отчёты для меня, если не посчитаете, что вам удобнее писать самому. Когда будете отписываться, пожалуйста, перечисляйте в подробностях все шаги, предпринятые в отношении той или иной собственности, а также любые детали о здоровье матушки, если они вам станут известны. В делах собственности вам будет содействовать м-р Аджинкъя... Раз в месяц, в конце [какой-либо] недели, вам придется отправляться с неожиданным визитом на день-другой в Лонавлу. М-р Голикере проинформирует вас о моей собственности там и о всех других делах. Тамошний садовник склонен к недобросовестности и небрежности, за ним следует внимательно наблюдать. Помимо этого, в Вадгаве идет суд между мной и одним из моих жильцов, пользующимся моей землёй и отказывающимся платить аренду. Со всеми деталями вас ознакомит м-р Голикере...».

Голикере, неоднократно просившему в силу чрезвычайной усталости об отпуске[31], появление на весьма ответственном направлении менеджера наверняка принесло некоторое облегчение, хотя и не желанный отпуск. Редкие отлучки секретаря, как правило, по причине нездоровья или проблем с родственниками в Канаре, воспринимаются Джайкаром как аврал. По поводу одного из таких случаев он пишет (5 ноября 1930): «Весьма опечален, что вам пришлось оставить свой пост. Пусть и на короткое время, но одновременно мы не можем покидать Бомбей без того, чтобы не страдала работа. Меня в действительности почти охватил испуг, когда я узнал из вашего письма, что вы собрались уехать сразу на 10 дней. Непонятно, что вы имели в виду, когда писали, что за два года у вас было только семь дней отпуска. Насколько я помню, вы брали месячный отпуск, поделив его на две части по две недели, каждый год, так что не сомневаюсь в вашей ошибке. Не уезжайте, пожалуйста, даже на день, пока меня нет»[32]. Когда Голикере возвращается к работе, Джайкар обязательно ещё раз напоминает секретарю о его обязанностях по непрерывному поддержанию установленного им самим порядка (10 ноября 1933): «Получил ваше письмо от 30-го. Рад, что вы вернулись к своим обязанностям. Меня совершенно не устраивает, когда в моё отсутствие вы уезжаете, потому что это нарушает все мои планы, и вам известно, в какой степени для меня важна ваша помощь, особенно когда меня нет в Бомбее»[33].

Для Голикере, прекрасно осведомленного о своих безграничных обязанностях, также предназначались отдельные «Руководства», где прописывались задачи в диапазоне от подписки на *Times of India* и найма грузовиков для перевозки части мебели из прежней резиденции в Тхакурдваре в новую[34] до распоряжений – из Лондона, во время сложных переговоров на судьбоносных конференциях круглого стола, – относительно конкретных слуг:

«1. Отказаться в конце октября от *бхайи* из Дадара; 2. Отказаться в конце октября от дневного гурхки на Винтер-род, но если он потребует уведомления за месяц вперёд, пусть останется до конца ноября[35]; 3. Когда вопрос с Тхакурдваром разрешится, посмотрите, не удастся ли отказаться от тамошнего садовника и обойтись одним Вишрамом? 4. Попросите Рамрава Г. Джайкара посещать раз в месяц в конце недели – без предупреждений – Лонавлу и полностью проинформируйте его о текущей ситуации» и т.д.[36].

Столь же постоянно и с не меньшей настойчивостью Джайкар требует экономии средств по всему спектру. Например, в письме от 18 августа 1928 года Голикере сообщает Джайкару об ответной телеграмме д-ра Ансари[37] (*Your telegram sorry too late now for postponement other conferences also fixed same week*): «Поскольку я знал, что вы без промедления захотите узнать его реакцию, то сразу же телеграфировал вам следующее: *Ansari wires postponement now impossible other conferences also fixed same week* (“Ансари телеграфирует отсрочка теперь невозможна другие конференции назначены той же неделе”). Я внёс небольшие изменения в текст, сократив стоимость телеграммы на два слова»[38]. Голикере объясняет, почему счёл телеграмму срочной, и радует бережливого хозяина тем, что уменьшил её стоимость, переставив слова. В другой раз, во время скандала с «Банком Индии», Голикере не преминул упрекнуть слугу Шанкара в паникёрстве и в необоснованных тратах: «Я пошёл туда сам, получил кое-какую информацию, но ничего такого, что потребовало бы немедленного телеграфирования и причинило бы вам неоправданное беспокойство, не обнаружил. Приношу извинения, что Шанкар, без консультаций со мной, отправил вам четыре телеграммы – две в Ути и две в Бангалор, затратив на это почти восемь рупий. Как я установил впоследствии, телеграммы были пустой тратой денег, так как ни одна из них не упомянула ключевую причину беспорядков вокруг банка. Вчера я снова занимался получением достоверной информации, а по возвращении узнал, что Шанкар отправил вам ещё одну телеграмму – на этот раз в Майсур, также совершенно неполноценную и недостаточную. Правильным было бы дождаться меня. В беготне туда-сюда и отправке одной за другой телеграмм у него было передо мной преимущество – он передвигался на вашей машине, а я – пешком, на автобусе и трамвае...»[39]. Голикере объясняет, почему после этого он вынужден был направить Джайкару ещё одну телеграмму, и Шанкар – ещё одну, что заставило Голикере внести дополнительные уточнения и выслать вслед ещё одну срочную депешу.

В письме от 27 мая 1932 года относительно пришедшей на Винтер-род телеграммы, отправитель которой уведомляет Джайкара, что хочет навестить его в Пуне, Голикере пишет следующее: «Поскольку телеграмма была с оплаченным ответом, я использовал бланк для информирования Бала Махараджа[40] о вашем отбытии в Пуну и предложил ему экспресс-телеграфирование вам напрямую в Мане-лодж в Пуне. Я мог бы использовать этот бланк, чтобы отправить вам обычную телеграмму, но количество слов было бы чересчур велико: даже самая простая телеграмма стоила бы 1/8 рупии, и вам бы тоже пришлось тратиться на ответ Балу Махараджу. ...Он, несомненно, отправит вам новую экспресс-телеграмму с оплаченным ответом»[41].

Голикере включает в письма цены любых покупок и выплат и отчитывается о всех запросах, поступивших с Винтер-род: «Сегодня купил для вас в Bombay Stationary Mart один экземпляр делового ежедневника на 1930 г. (для напоминаний о ваших ежедневных делах) и экземпляр карманного блокнота на 1930 г. (для пометок на ходу) того же

цвета, как и тот, что вы сейчас используете[42]. Цена первого – 1-8-0[43], как и в прошлом году, а второго – 3-2-0, т.е. на две анны больше, чем в прошлом»[44].

В очередном письме, направленном в Симлу летом 1930 года, он в который раз выражает сдержанное возмущение Шанкаром, бывшим, вероятно, доверенным слугой Аи-баи на Винтер-род и одновременно связным между ней и Голикере, но учтиво добавляет к его имени гонорифик – Шанкар-рав: «Получен счет на 7 рупий из Cornaglia[45] за две кварты мороженого, приобретенного 13 июня прошлого месяца. Шанкар-рав сделал следующую приписку на счёте: “Куплено по получении [успешного] результата Мукунда[46]. М-р Голикере, пожалуйста, оплатите немедленно”. Полагаю, что он направил мне свою инструкцию до того, как получил вашу санкцию. Пожалуйста, сообщите, следует ли мне погашать этот счёт?»[47]. Сумма в семь рупий снова фигурирует в подготовленной через несколько дней смете ближайших расходов наряду с выплатой месячного жалования слугам и оплатой учителей Джайпала и Кума-баи (детей Джайкара), но реакция Джайкара на эту трату в папке отсутствует.

В нескольких письмах от 1928 года Голикере подробно описывает новый для себя вид «секретарской» работы по причине недомогания Мадхава, дадарского *бхайи*, – поиск рыбок для запуска их в колодец в Дадаре: «Вчера поставщик рыбок сопроводил меня в Дадар и при мне запустил их в колодец[48], конечно, после того, как был убран плавающий сверху мусор. Я там присутствовал около часа и внимательно за всем следил. Эта рыба (*pikoo fish)*, в отличие от *khajura* (латес), плавает косяками несколькими дюймами ниже поверхности воды, что вызывает сверху постоянную рябь, благодаря которой мы и узнаем, что там рыба. Рыболов заверил меня, что *pikoo* жадно поглощает все комариные личинки. Я наказал садовнику приходить ежедневно на два-три часа для поддержания колодца в чистоте, чтобы через несколько дней ему уже не пришлось бы тратить на это больше часа. Поскольку мне сейчас частенько приходится там бывать из-за сбора арендной платы, я буду внимательно следить за состоянием колодца. Я поблагодарил от вашего имени Институт Хаффкина за помощь в этом деле и также уведомил д-ра Неруркара[49] вместе с помощником санитарного врача блока ‘G’ о том, что рыба отправлена в колодец. Я также передал д-ру Неруркару ваше объяснение относительно длительного неиспользования колодца для поливки деревьев и поставил в известность о том, как мы намереваемся использовать его в дальнейшем. На покупку рыбы и её запуск в колодец я истратил 22 рупии»[50].

В 1930 году ежемесячная зарплата Голикере составляла 250 рупий[51]; приблизительно в то же время шофер Джайкара получал 75[52], а уборщик «Ашрама» – 25 рупий[53]. Составление зарплатной сметы никогда не было простым делом: приходилось учитывать многочисленные факторы. 8 февраля 1930 года Голикере сообщает в Дели: «Приступаю к выплате жалованья персоналу. Гопал знает, что вы ещё не решили, выдать ли ему 32 рупии, по его мнению, ему полагающиеся. Зарплата Вишрама, который сейчас в Дели, передана слуге Раме, поскольку я уведомлён, что Вишрам договорился с Рамой о получении и переправке его денег в его деревню. Зарплата повара подождёт до его возвращения из Дели. Что касается нашего судебного клерка Араса – покойному м-ру Дзоши отдельных выплат за январь, февраль, март и т.д. не производилось. Ему выдавалась общая сумма в 120 рупий в начале июня, когда из-за летних каникул работа вообще стояла, [что в целом подразумевало] расчёт за пять месяцев с января по май, хотя каждый год часть января, февраля и марта вы обычно отсутствовали. Сумма в 120 рупий представляла собой выплаты за три месяца, т.е. по 40 рупий за каждый. Поэтому я полагаю, что можно подождать с зарплатой м-ра Араса за январь и последующие четыре месяца, а потом заплатить ему 90 рупий, поскольку его зарплата составляет 30 рупий в месяц. Я исхожу из того, что вы пожелаете установить с м-ром Арасом тот же порядок, что был с м-ром Дзоши, и поэтому в настоящий момент у меня нет намерения ему пла-

тить, если от вас не последует иного распоряжения»[54].

После смерти Аи-баи в 1934 году Голикере пришлось ещё глубже вникнуть в ту часть мироустройства Джайкара, которая была уделом женщин, и заняться традиционным в отношениях слуга–хозяин одариванием, приуроченным к календарным праздникам. 20 сентября 1936 года Трилокекар пишет Голикере, вероятно, отвечая на вопрос «что дарить?» в связи с *гаури-пуджа*[55]: «1. Сейчас уже поздно. Об этом следовало позаботиться ещё две недели назад, как это обычно делала Аи-баи; 2. Я знаю наверняка, что даже во времена Аи-баи полной удовлетворённости [у слуг] не бывало, поскольку вкусы разнятся. По непредвзятой прикидке, считаю, что премии в семь рупий для домашних слуг будет более чем достаточно». Однако судя по смете, некоторым слугам Голикере увеличил бонус: «Список денежных выплат слугам (*gadyānnā*) по поводу *гаури*: Водитель 10, Ганпат 10, Бхат-джи 10, Рама-старший 8, Рама-младший 8, Сонья 8, Балу 8, Сайю 8, Салма 8, Арджун 8, садовник Хари 8, другой садовник 8, садовник из Дадара 3, Нараян 3, гуркха 8. Итого: 116 рупий»[56].

Чем бы ни занимался вдали от дома Джайкар, его контроль за тем, как работает механизм, оставленный в руках Голикере, не ослабевал. 7 февраля 1929 года он пишет из Дели: «Внесите плату за кабинет в суде... Внимательно изучите одобренную мною смету по зарплате слугам... Не прекращайте усилий по взиманию аренды... Нагружайте Шанкара как можно больше, но пусть также не забывает о ремонтных работах на Винтерод, иначе без тщательного (carefully) присмотра они замедлятся... Правильно, что решили не проводить в Дадаре электричество за наш счёт. Если Гопал постарается, то, не сомневаюсь, сможет убедить жильца снять комнату без электрической проводки. Так что накажите Гопалу и сообщите результат»[57].

Десаи и Голикере

В письме гуджаратцу Махадеву Десаи (4 апреля 1924 г.) гуджаратец Ганди в постскриптуме пишет: «Царство небесное – *мокша*. Рай – *сварг*. Об остальном – в другой раз. Вот что значит головотяпство! Я попросил его написать от своего имени, но бедняжка не понял. И чья в этом вина? Конечно, моя»[58]. Разгадка это пассажа содержится в письме, отправленном тому же адресату через неделю (11 апреля 1924 г.): «Голикере напортачил первым. А потом уже я, а ты – если позволишь – после меня. Кажется, ты считаешь, что я во всём ищу твои ошибки. Я попросил Голикере послать открытку за его именем. А он подумал, что от моего, т.е. что подписать её должен я. Когда я увидел, что он так понял, т.е. что я – безо всякой на то причины – буду писать тебе на английском, и поэтому напечатал открытку [от моего имени], после чего ушёл домой, я, конечно, её подписал, но и приписал: “Головотяпство”. Мне казалось, ты уловишь юмор в этой ремарке. А потом я вспомнил о твоём письме относительно “царства небесного”. На открытке оставалось достаточно места, чтобы дать объяснение [этому понятию], что я и сделал. Но к содержанию открытки это отношения не имело... Теперь ясно? То есть первую бестолковщину допустил Голикере, за ним я, а потом, поскольку ты не понял того, что написал я, если ты уж поверишь в это, – ты, так как ты не уловил моего смысла...»[59].

Вспоминая о Десаи в годовщину его смерти (15 августа 1942 г., во время совместного заключения с Ганди) – в день и месяц, совпавшие через пять лет с провозглашением независимости Индии (15 августа 1947 г.), индийский историк Рамчандра Гуха в газетной статье «Ганди сделал Индию, Махадев Десаи сделал Ганди» (*Hindustan Times*) кратко суммировал круг ответственности Десаи: «Помимо записи и расшифровки слов Ганди и составления его писем, Десаи был его переводчиком, менеджером его передвижений, собеседником, сокамерником и, при необходимости, поваром» и вслед процитировал слова из письма Ганди: «Ты стал для меня незаменимым... Именно из-за твоей результативности и характера я выбрал тебя для помощи в моей политической миссии, и ты меня не разочаровал. К этому прилагает-

ся и то, с какой любовью ты готовишь для меня кхичри»[60]. Ганди во всеуслышание признавал ценность Десаи: «Он стал моими руками и ногами, а также моим мозгом, так что без него я чувствую себя человеком, потерявшим способность двигаться и говорить. Чем больше я его узнаю, тем больше его достоинств мне открываются. Он столь же образован, сколь и добродетелен»[61]. Перевод знаменитой автобиографии Ганди с гуджарати на английский – *The Story of my Experiments with Truth* [62] – также выполнил Десаи, тем самым сделав Ганди «самым известным человеком в мире и, несомненно, самым любимым»[63]. Все, включая потомков самого Ганди, признают, что одаренный литературным талантом эрудит Махадев Десаи стал бы большим писателем и журналистом, если бы не отдал свою жизнь служению Ганди.

Голикере, как и Десаи, тоже был не только профессиональным юристом – солиситером, но и писателем и журналистом. Ещё одно письмо от Ганди (6 апреля 1933 г.) подтверждает это: «Мой дорогой Голикере, я, конечно, был удивлён вашему письму и ещё более его содержанию. Благодарю, что вы подумали обо мне и прислали свою книгу. Я, конечно, найду время прочитать её и лучше понять смысл вашего нового определения астрономии. Искренне ваш»[64]. Сюжет с книгой «Сквозь чудеса Вселенной»[65] проясняется из переписки Джайкара и Голикере. Направляя обычный отчёт о домохозяйстве в Лондон, Голикере приписывает во второй части письма (22 мая 1933 г.): «Если позволите, осмелюсь добавить несколько слов о своей книге. Мне приходят благоприятные отзывы из разных уголков мира[66]. Подарочные экземпляры уже дошли до многих выдающихся учёных Англии, и некоторые тут же ответили... Маркиз Лондондерри[67], министр авиации, немедленно подтвердил получение, и я ему сообщил, что я ваш секретарь... В следующем письме предполагаю приложить копии пришедших отзывов... Если у вас есть близкие знакомые в Кабинете министров и вы бы хотели, чтобы они получили мою книгу, я буду рад выслать... Среди тех, кого вы хорошо знаете лично, – сэр Сэмуэль Хор[68], который, конечно, проявит несомненный интерес, как человек, устремлённый ввысь, а в книге у меня множество информации об авиации и аэронавтике...»[69]. Голикере несколько раз извиняется, что рассказами о своей книге отрывает Джайкара от дел, и формулирует свою сокровенную мечту: стать писателем – популяризатором науки.

Через несколько дней Голикере высылает Джайкару два комплекта отзывов вместе с уже вышедшими в бомбейской прессе рецензиями в надежде на более широкое распространение книги и её включение в университетские программы. Он просит передать одну подборку сэру Теджу Бахадуру[70], известному политику и декану факультета права в Аллахабадском университете, перечисляет персонажей из британской политики, которым можно было бы презентовать книгу, и добавляет: «Прошу вас не опасаться того, что моя широкая деятельность [по распространению книги] может в какой-то мере отразиться на ваших делах. Теперь, когда я занят неполный рабочий день [из-за вашего отсутствия и передачи сбора аренды Рамраву], ежедневного времени до 14.00 мне вполне хватает, чтобы выполнить всю работу. Я прихожу в Тхакурдвар к 10.30 и завершаю необходимое до 14.00. Если вы решите приобрести копию или несколько копий моей книги непосредственно в Лондоне, я, конечно, возмещу этот расход. Я вычту эту трату из моей зарплаты здесь. Если вам нужен ещё комплект мнений, я, несомненно, вышлю, как только услышу от вас. Не сомневаюсь, что вы присовокупите ответ мне к вашему письму воздушной почтой»[71].

Пытаясь пробудить интерес к своему творчеству, Голикере сообщает Джайкару ещё одну деталь (5 июня 1933 г.): «Вы, наверное, вспомните, как сказали м-ру Мулгавкару в нашем судебном офисе, что Махатма Ганди сам не знает, чего хочет, и теперь увлёкся рассматриванием звёзд в телескоп! За неделю до этого я послал ему в качестве подарка экземпляр своей книги в надежде, что он на некоторое время переключится с политики! И тут выясняется, что он приостановил свои астрономические занятия ради длительной и совершенно непостижимой голодовки[72]. Я получил подтверждение, что книгу он по-

лучил и с вниманием изучит. Я упоминаю об этом, как о чём-то незначительном»[73].

В одном из писем Джайкар действительно уделяет книге своего секретаря целый абзац (2 июня 1933 г.): «Я рад, что ваша книга [с рассказом] о науке получила одобрение нескольких высокопоставленных людей. Я буду рад сделать для вас всё, что могу, если вы точно укажете мне, что я могу. Я на дружеской ноге с некоторыми из тех, кого вы упомянули, но сомневаюсь, что человека в ранге министра заинтересует книга, подобная вашей. Они все – занятые политики и вряд ли найдут время углубиться в такую технически сложную продукцию, как ваша, в особенности тогда, когда у них полно и собственных трудностей, и связанных с Индией»[74]. В ответе (18 июня 1933 г.) Голикере упоминает, что все его предложения с перечислением конкретных имён уже изложены в предыдущих письмах и завершает: «Большинство из этих деятелй, как вы замечате, поглощены своими обязанностями и не располагают временем на чтение книг. По этой причине я не считаю возможным предлагать что-либо ещё по этому вопросу»[75].

Несмотря на воодушевление из-за выхода в свет первой книги, именно в эти дни Голикере жестоко страдал от водянки мошонки и вынужден был прибегнуть к мучительной операции, на некоторое время обездвижившей его. В письмах в Лондон, в завершение детальных отчётов, он излагает достаточно красочные подробности нелёгкого восстановительного периода, пишет о полном душевном изнеможении, напоминает, что уже два года не выезжал из Бомбея, и умоляет хотя бы о месячном отпуске. В ответ периодически информирующий его об очередной задержке с выездом из Англии – на две недели, на месяц, ещё на три недели, до осени – Джайкар пишет (9 июня 1933 г.): «Я обдумаю вопрос относительно вашего отпуска после возвращения в Индию. В настоящий момент об этом не может быть и речи»[76]. В упомянутой выше статье, посвящённой знаменитому секретарю Ганди, Гуха рассказывает и о том, что в сентябре 1938 года, когда Десаи был близок к нервному срыву из-за переутомления и отказа взять отпуск, Ганди написал ему: «Скажем, ты трудоголик. А разве ты не знаешь, что если бы с тобой что-нибудь случилось, я бы стал птицей без крыльев? Если бы ты был прикован к постели, мне пришлось бы свернуть три четверти своей деятельности?»[77].

В отличие от Десаи, о Голикере не помнит / не знает никто. В журнале *Kanara Saraswat*, посвящённом столетию со дня выхода первого номера (1919), перепечатаны некоторые статьи из юбилейного – сотого – номера (1969). Одна из них рассказывает о главном месте обитания сарасватов в Бомбее – знаменитом кооперативе в Грамдеви и упоминает Р.К. Голикере как наиболее деятельного члена Ассоциации канарских сарасватов, что привело к её значительному росту. Ежеквартальный журнал (тогда ещё под другим названием) был задуман как раз для сплочения касты, в том числе сарасватов, проживавших за пределами Бомбея: «Моё сердце наполняется радостью от того, что журнал Ассоциации, в своём младенчестве каким-то образом спасённый от смерти [из-за нехватки средств], выжил и расцвёл благодаря усилиям преданных работников уже более позднего периода, среди которых с наибольшей благодарностью должен быть назван Р.К. Голикере, который, освободившись от работы у Махатмы Ганди, передал свою верность своей первой любви – журналу Ассоциации, теперь отмечающему выход сотого номера»[78].

На самом деле Голикере не освободился: секретарство у Джайкара съедало почти все его силы и время. В последние два года, когда Джайкар занял пост вице-канцлера только что учреждённого Университета Пуны (1948 г.), в городе на расстоянии 150 км от Бомбея, Голикере был повышен в должности до его личного ассистента. 2 февраля 1950 года он подал официальное прошение об отставке: «Уважаемый сэр, вам известно, что срок моей службы в качестве вашего личного ассистента, будучи [заключённым] только на два года, завершается в конце предстоящего апреля. Я уже уведомил вас, что преисполнен желания уйти с должности и вернуться в Хубли по многим причинам, среди которых – преклонный возраст и необ-

ходимость возобновить моё право на проживание в моём жилье, чтобы не допустить риска его повторного изъятия правительством...»[79].

В том же номере *Kanara Saraswat* Голикере упоминается ещё в одной статье: «В 1949–1959 гг. журнал пополнился новыми авторами, помимо его главных контрибьютеров в лице Х. Шанкара Рао, Даянанда Дхаршвара и Р.К. Голикере. По странному стечению обстоятельств трое из его отцов-основателей – Р.Ч. Падбидри, Х. Шанкар Рао и Р.К. Голикере покинули этот мир один за другим, и журнал оплакал каждого сыновьими слезами»[80].

Примечания

[1] Jayakar Papers (Digitized Private Papers, DPP MRJ). Русский вариант написания фамилии Джайкар основывается на маратхской орфографии и фонетике, а не английском, искажённом добавлением лишней гласной.

[2] Джайкар разделил свою жизнь на четыре тома, но не успел осуществить задуманное. *Jayakar M.R.* The Story of My Life. Volume One. 1873–1922. Bombay: Asia Publishing House, 1958; The Story of My Life. Volume Two. 1922–1925. Bombay: Asia Publishing House, 1959.

[3] Тхакурдвар – собственность Джайкара, где до приобретения виллы на Винтер-род проживало семейство; там же располагался офис Джайкара.

[4] File no. 275B. P. 326. Correspondence between Mr Jayakar and Mr Golikere during former's absence from India regarding personal affairs 1930. Identifier: PP_000000010295, Roll_00034_File_No_275B. NAI (DPP, MRJ) (394 p.).

[5] Традиционные наряды индусов хранятся в свёрнутом виде на полках металлического шкафа, поэтому для удлинённых сюртуков мусульманского кроя и европейских костюмов требуются нестандартные гардеробы.

[6] File no. 275B. P. 326.

[7] *Desai Narayan*. The Fire and the Rose [Biography of Mahadevbhai]. Tr. By Chitra Desai. Ahmedabad: Navajivan Publishing House, 1995. P. xix.

[8] Ibid. P. 4.

[9] Бхарата и Шатругхна – единокровные братья Рамы, героя древнеиндийского эпоса «Рамаяна».

[10] *Desai Narayan.* The Fire and the Rose. P. 335.

[11] Раджагопалачария Чакраварти (1878–1972) – юрист, один из лидеров ИНК.

[12] *Gandhi M.K.* 195. Letter to C. Rajagopalachari // The Collected Works of Mahatma Gandhi. XXIII (March 1922 – May 1924). New Delhi: The Publication Division, Ministry of Information and Broadcasting, 1967. P. 292. С 1917 по 1934 г. – бомбейский период в жизни Ганди. Его штаб-квартира и жильё находились в районе Гамдеви; в том же районе жил упоминаемый в письмах Голикере.

[13] Ibid. 233. Letter to K. Srinivasa Iyengar. P. 323.

[14] File no. 518. P. 17. Correspondence and press cuttings re: the death of Mrs. Sushila Jayakar, wife of M.R. Jayakar on December 10, 1924. Identifier PP_0000000105, Roll_00080_File_No_518. NAI (DPP, MRJ). (500 p.).

[15] Голикере – деревня в северном Карнатаке (ранее часть Бомбейского президентства), а Сарасват-билдинг 1915 г. постройки называют старейшим кооперативом Азии. Родным языком Голикере был (родственный маратхи) конкани.

[16] Джайкар владел несколькими домами в разных районах: Тхакурдвар (особняк и многоквартирный дом), Хануман-галли, Дадар (особняк и многоквартирный дом), Дзаоба-оарт. В зависимости от типа построек они сдавались под жильё, магазины, офисы и склады.

[17] File no. 276A. P. 6. 276A – Mr. Golikere's Private Income Tax File. 1926. Identifier PP_000000010296; Roll_00034_File_276A. NAI. (DPP, MRJ) (45 p.).

[18] Ibid. P. 38.

[19] File no. 276A. P. 23.

[20] Ibid. P. 30.

[21] Цит. по: *Venkatesh Karthik*. From Sonja Schlesin to Mahadev Desai, 'loyal' secretaries of Gandhi who ensured Mahatma remained at utmost efficiency // Firstpost. 02.10 2021. [https://firstpost.com/India/from-sonja-schlesin-to-mahadev-desai-loyal-secretaries-of-gandhi-who-ensured-mahatma-remained-at-utmost-efficiency-10017851.html] (accessed 10.04.2023).

[22] File no. 275A. P. 346. Correspondence between Mr. Jayakar & Mr. Golikere regarding personal affairs such as payment of bills etc. 1928. Identifier: PP_000000010294, Roll_00033_File_No_275A. NAI (DPP, MRJ) (422 p.).

[23] Ibid. P. 351.

[24] Переговорам о покупке этой виллы, в дальнейшем названной «Ашрам», длившимся почти два года, посвящена отдельная папка. См. File no. 290. Wadia's Bungalow Property – Correspondence

regarding the sale of Wadia's property at Winter Road. 1925. Identifier: PP_000000010315, File No.: Roll_00036_File_No_290. NAI. (DPP, MRJ) (158 p.).

[25] File 275A. P. 52.

[26] Ibid. P. 63.

[27] Ibid. P. 70.

[28] Рамрав Г. Джайкар – вероятно, родственник со стороны отца, что следует из обращений друг к другу по имени в последующей переписке.

[29] Далее Джайкар перечисляет свои владения в Бомбее и на горном курорте в Лонавле (в 85 км от Бомбея) и прописывает проблемы, связанные с каждым.

[30] С.С. Трилокекар – друг и коллега-помощник, в отсутствие Джайкара исполнявший по доверенности часть его адвокатских обязанностей.

[31] File no. 275A. Pp. 56, 304, 312; File no. 275B. P. 200.

[32] File no. 275B. P. 26.

[33] Ibid. P. 351.

[34] Ibid. P. 162.

[35] *Бхайя* и *гуркха* – представители определённых каст из Северной Индии и уроженцев Непала соответственно, нанимаемые для охраны жилья в Бомбее и Пуне.

[36] 275B. P. 164.

[37] Мухтар Ахмед Ансари (1880–1936), член ИНК и Мусульманской лиги, председательствовавший в 1928 г. на одной из общепартийных конференций относительно Конституции и пр.

[38] File no. 275A. P. 97.

[39] Ibid. P. 386-387.

[40] Неустановленное лицо.

[41] File no. 275B. P. 149.

[42] В оригинале Letts Commercial Diary и Quickref Pocket Diary – продукция британской компании печатника и переплетчика Джона Леттса, изобретателя ежедневников (1812).

[43] То есть 1 рупия, 8 анн, 0 пайсов.

[44] File no. 275A. P. 229.

[45] *Cornaglia* – первый итальянский ресторан, открытый ещё в конце XIX в. Бомбее и Пуне Феликсом Корнайя.

[46] Тезка Мукунд, вероятно, родственник, подолгу живший в доме Джайкара. Речь идёт о результате экзаменов.

[47] File no. 275A. P. 403-404.

[48] Имеется в виду колодец весьма широкого диаметра, расположенный вровень с землей.

[49] Институт Хавкина (теперь Haffkine Institute for Training, Research and Testing) – центр бактериологических исследований не смог поставить нужные сорта рыбы для разведения в придомовых водоёмах, поэтому Голикере был вынужден обратиться непосредственно к бомбейским рыбакам. Д-р Неруркар – санитарный инспектор.

[50] File no. 275A. P. 41.

[51] Ibid. P. 362.

[52] File no. 275B. P. 156.

[53] Бюджет бомбейской семьи сарасватов среднего класса из 5 человек на 1934 г. оценивался в 175 рупий. *Rau Shankar H.* A Chitrapur Saraswat Miscellany. III. The Chitrapur Saraswat Series, 1938. Bombay: H. Shankar Rau, P. 18. Для сравнения: счёт за молоко для обитателей «Ашрама» за апрель 1929 г. составил 72 рупии 12 пайсов; счёт за электричество и газ за август 1929 г. составил 90 рупий.

[54] File no. 275A. P. 337.

[55] *Гаури-пуджа* – поклонение богине Гаури-старшей, один из главных праздников религиозного календаря индусов Махараштры.

[56] File no. 10. P. 62.

[57] File no. 275A. P. 115.

[58] *Gandhi M.K.* 269. Letter to Mahadev Desai // The Collected Works of Mahatma Gandhi. XXIII (March 1922 – May 1924). New Delhi: The Publication Division, Ministry of Information and Broadcasting, 1967. P. 359.

[59] Ibid. 326. Letter to Mahadev Desai. P. 418-419.

[60] *Guha Ramchandra*. Gandhi made India, Mahadev Desai made Gandhi // Hindustan Times. 13.08.2017. [https://hindustantimes.com/columns/Gandhi-made-india-desai-made-gandhi/story-pzU3tEGwLPjKtCwmPFcNjK.html] (accessed 11.04. 2023). *Кхичри* – рис, приготовленный совместно с чечевицей или горохом.

[61] Ibid.

[62] В русском переводе: *Ганди Мохандас Карамчанд*. Моя жизнь. М.: Издательство восточной литературы, 1959.

[63] Эти слова британского миссионера, антрополога, сторонника Ганди и индуса-прозелита Верриера Элвина напомнила индийская актриса и правозащитница Нандита Дас на презентации (03.01.2023) книги о Махадеве Десаи за авторством Начикеты Десаи, его внука, никогда не видевшего деда [https://scroll.in/article/1041096/at-the-launch-of-a-book-about-mahadev-desai-recalling-the-idealism-of-the-independence-ear] (accessed 12.04.2023).

[64] *Gandhi M.K.* 357. Letter to R.K. Golikere // The Collected Works of Mahatma Gandhi. LIV (March-April 1933). New Delhi: The Publication

Division, Ministry of Information and Broadcasting, 1973. P. 314.

[65] *Golikere R.K.* Through Wonderlands of the Universe. Bombay: D.B. Taporevala, 1933.

[66] Интернет-поиск действительно обнаруживает эту книгу в ведущих научных библиотеках мира – например, в Национальной академии деи Линчеи в Риме, Национальной медицинской библиотеке в Лондоне и т.д.

[67] 7-й Маркиз Лондондерри (1878–1849).

[68] Хор Сэмуэль (1880–1959) – в период пребывания Джайкара в Лондоне – министр по делам Индии.

[69] File no. 275B. P. 227-228.

[70] Сапру Тедж Бахадур (1875–1949) – адвокат, политик, участник национально-освободительного движения и близкий коллега Джайкара по совместной работе в различных комитетах и т.д.

[71] File no. 275B. P. 233.

[72] В 1932–1933 гг. у М.К. Ганди действительно было кратковременное увлечение звездосозерцанием, для чего даже на территории «Йервады», тюрьмы в Пуне, где в 1932 г. он провёл несколько месяцев, были установлены два телескопа.

[73] File no. 275B. P. 239.

[74] Ibid. P. 242.

[75] Ibid. P. 244.

[76] Ibid. P. 248.

[77] Guha. Idem.

[78] *Ugrankar D.R.* The KSA's Magazine – Its Early Travails. 1969 // Kanara Saraswat. KS Centenary Issue 1919–2019. A Monthly Magazine of Kanara Saraswat Association. Vol. 25, iss. 3. 2000. P. 30.

[79] File no. 1022. P. 168. 1022 – Correspondence between Golikere & Babasaheb (Jayakar) regarding domestic & personal matters, 1949. Identifier PP_000000011020; Roll_00187_File_N0_1022. NAI (DPP, M.R. Jayakar) (172 p.).

[80] *Nadkarni Pandurang N.* Through the (P)Ages // Kanara Saraswat. KS Centenary Issue 1919–2019. A Monthly Magazine of Kanara Saraswat Association. Vol. 25, iss. 3, 2000. P. 32.

DOI: 10.31696/2072-5795-2023-2-69-71

В.Г. Бухерт

ПЕРЕПИСКА Н.Л. РУБИНШТЕЙНА С СУНЬ ЦЗОМИНОМ

Составной частью истории советско-китайских научных связей были личные контакты советских и китайских учёных. Частью их была взаимная переписка. Публикация и изучение её имеет большое значение для понимания ценности и самой сути советско-китайского сотрудничества в области науки и культуры[1].

Среди тех из советских учёных, кто вёл переписку с китайскими коллегами, был выдающийся советский историк Николай Леонидович Рубинштейн[2], автор получившего широкий резонанс в отечественной историографии учебника для исторических факультетов университетов и педагогических вузов «Русская историография» (М., 1941)[3]. Его корреспондентом был преподаватель истории Шаньдунского педагогического института Сунь Цзомин. Китайский учёный занимался изучением крестьянских войн в Китае и издал в 1956 году работу «К вопросу о крестьянских войнах в Китае», о которой писал Н.Л. Рубинштейну, что «это первая работа подобного рода в новом Китае». Он обратился к Н.Л. Рубинштейну как к специалисту в изучении истории крестьянского движения в России XVIII века, упоминая о его статье, опубликованной в том же 1956 году в журнале «Вопросы истории»[4]. Между тем, в этот период Н.Л. Рубинштейн готовил к изданию свою монографию по близкой тематике: «Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в.: историко-экономический очерк» (М., 1957). Послав Н.Л. Рубинштейну экземпляр своего труда, Сунь Цзомин просил его сделать необходимые замечания, отметив, что эта помощь «способствовала бы установлению тесных связей между нашими историками и способствовала бы развитию марксистской исторической науки».

Хотя сам Н.Л. Рубинштейн не владел китайским языком, он сумел ознакомиться с содержанием брошюры Сунь Цзомина, и «общий круг» затронутых им вопросов показался ему «интересным и заслуживающим внимания, и их общая трактовка в принципе правильной». Вместе с тем Н.Л. Рубинштейн обратил внимание на «отсутствие чёткой характеристики социально-экономических условий конкретных крестьянских движений» в работе Сунь Цзомина. Н.Л. Рубинштейн считал «очень важным», чтобы в ходе дальнейшего изучения крестьянских войн в Китае Сунь Цзомин сосредоточился бы «на более детальном изучении каждой отдельной крестьянской войны, исходя из социально-экономических особенностей соответствующего конкретного периода и района». Конкретно-исторический подход к истории крестьянских войн в связи с уровнем развития феодального строя, отмечал Н.Л. Рубинштейн, «особенно существенен для истории Китая, где феодальный строй был особенно длительным». Это будет важно не только для истории крестьянских войн, но и «для уяснения всего хода исторического развития феодального Китая».

Письма Н. Л. Рубинштейна и Сунь Цзомина выявлены в личном фонде Н.Л. Рубинштейна (Ф. 521), хранящемся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ).

№ 1
Сунь Цзомин – Н.Л. Рубинштейну

Цзинань. [1957 г.]

Дорогой товарищ Н.Л. Рубинштейн!

Я являюсь преподавателем истории Шаньдунского педагогического института в Китае. Я специально занимаюсь изучением истории крестьянских войн в Китае, однако успехи мои

крайне незначительны. В ноябрьском номере журнала «Вопросы истории» за 1956 год я прочитал Вашу статью «Крестьянское движение в России во второй половине 18 века». Положения и соображения, высказанные в Вашей статье, позволили мне значительно расширить свой кругозор. Поэтому я считаю своим долгом выразить Вам свою искреннюю признательность.

Зимой прошлого года я выпустил в свет свою брошюру «К вопросу о крестьянских войнах в Китае». В силу того, что это совершенно новая тема для нас в силу того, что материалы, относящиеся к крестьянским войнам, ещё очень мало изучены в силу того, что это первая работа подобного рода в новом Китае, и в особенности из-за того, что уровень моих знаний очень низок, брошюра, естественно, ещё не совершенна[5].

Для того чтобы улучшить её, повысить уровень моих знаний, я посылаю Вам один экземпляр.

В изучении проблемы крестьянских войн Вы добились очень огромных[6] успехов. Поэтому если бы я получил Ваши замечания, я был бы безмерно счастлив. Ваша помощь способствовала бы установлению тесных связей между нашими историками и способствовала бы развитию марксистской исторической науки.

С искренним уважением
Сунь Цзомин

ОР РГБ. Ф. 521 (Н.Л. Рубинштейн). К. 25. Д. 17. Л. 56. Машинопись, перевод с китайского.

№ 2
Н.Л. Рубинштейн – Сунь Цзомину

5 июля 1957 г.

Дорогой товарищ Сунь Цзомин.

Очень рад, что Вас заинтересовала моя статья о крестьянском движении в России, и что она, может быть, натолкнула Вас на некоторые размышления по вопросам Вашей собственной работы.

Спасибо за присланную Вами брошюру «К вопросу о крестьянских войнах в Китае». К сожалению, сам я не знаю китайского языка, и лишь сейчас один студент нашего института[7], Ваш соотечественник, ознакомил меня с её содержанием. Это не позволило мне раньше ответить на Ваше письмо.

Я не занимался специально историей Китая и потому затрудняюсь говорить о трактовке Вами отдельных конкретных явлений истории Китая. Общий круг затронутых Вами вопросов показался мне интересным и заслуживающим внимания, и их общая трактовка в принципе правильной. Однако одна сторона Вашей работы вызывает на мой взгляд аргументированное возражение: это – отсутствие чёткой характеристики социально-экономических условий конкретных крестьянских движений. Вы правильно пишете об исторически прогрессивной роли крестьянских войн, но ведь сама эта прогрессивность определяется их обусловленностью обострением внутренних противоречий в системе феодальных отношений. Именно этим определяется то, что, даже при неизбежности конечного поражения, крестьянская война, вскрывая эти противоречия, вынуждает победивший эксплуататорский класс к определённым уступкам или, как Вы пишете, к компромиссу. Именно в этих внутренних предпосылках крестьянской войны коренятся условия наступающего прогресса, которые отсутствуют в чисто феодальных войнах, возникающих из частных противоречий внутри самого феодального класса. Развитие производительных сил лежит уже в предпосылках крестьянской войны; она в какой-то мере расчищает ему дорогу, но нельзя сказать, что она сама его возбуждает.

Мне представлялось бы очень важным, если бы в ходе дальнейшего изучений крестьянских войн в Китае Вы бы сосредоточились на более детальном изучении каждой отдельной крестьянской войны, исходя из социально-экономических особенностей соответствующего конкретного периода и района. Ведь феодальный строй проходит ряд стадий в своём развитии. При этом такой конкретно-исторический подход к истории крестьянских войн в связи с уровнем развития феодального строя особенно существенен для истории Китая, где феодальный строй был особенно длительным. Такой путь изучения будет плодотворен не только для истории крестьянской борьбы, но и для уяснения всего хода исторического развития феодального Китая.

Желаю Вам успеха в Вашей научной работе.

С дружеским приветом

Н. Рубинштейн

ОР РГБ. Ф. 521. К. 25. Д. 17. Л. 54-55. Автограф.

Примечания

[1] *Бухерт В.Г.* Переписка В.К. Яцунского с Сунь Цзинчжи // Восточный архив. 2020, № 2 (42). С. 89-94; *Он же*. Письма китайских аспирантов к Т.Г. Морозовой // Восточный архив. 2023, № 1 (47). С. 101-106.

[2] Рубинштейн Николай Леонидович (Лазаревич) (1894–1963) – историк, профессор МГУ (1942–1949). См. о нём: *Шмидт С.О.* Судьба историка Н. Л. Рубинштейна // Археографический ежегодник за 1998 год. М., 1999. С. 202-227; *Пугачёв В.В., Динес В.А*. Н.Л. Рубинштейн // Историки, избравшие путь Галилея: статьи, очерки. Саратов, 1995. С. 157-173; *Цамутали А.Н.* Н.Л. Рубинштейн // Историческая наука России в XX в. М., 1997, С. 465-479.

[3] Эта книга подверглась нападкам в период «борьбы с космополитами» в СССР, что привело к вынужденному увольнению Н.Л. Рубинштейга из МГУ в 1949 г. и переходу его на работу в Московский государственный библиотечный институт им. В.М. Молотова. Подробнее см.: *Некрич А.* Поход против «космополитов» в МГУ // Континент. 1981, Т. 28. С. 301-320.

[4] См.: *Рубинштейн Н.Л.* Крестьянское движение в России во второй половине XVIII века // Вопросы истории. 1956, № 11. С. 34-51.

[5] Так в тексте.

[6] Так в тексте.

[7] В 1957–1959 гг. Н.Л. Рубинштейн был профессором Московского государственного историко-архивного института (МГИАИ).

DOI: 10.31696/2072-5795-2023-2-72-82

С.В. Прожогина

ПАМЯТИ ЖАНА СЕНАКА

(1926–1973)

СОЛНЦЕ – НАШЕ ОРУЖИЕ[1]

(элементы поэзии алжирского Сопротивления)

Посвящается женщинам моей страны,
моим братьям, прорывающимся сквозь мрак…

Поэзия и Сопротивление кажутся лезвиями одного клинка в эпоху, когда человек неустанно отстаивает свое достоинство. А Поэт должен жить дыханием своего народа. Ещё сам Малларме утверждал, что цель поэзии – «выявить смысл того, о чём мечтает племя». Поэт должен выразить и горе, и страдание, и надежды своего народа. И как бы высветить и осветить ту драму, которую он переживает. Он не пишет Историю, не расставляет в ней нужные акценты… Из всех нанесённых народу ран он словно вырывает самые глубокие, те, которые можно лишь описать словами, которые никогда не зарубцуются. Это доказали великие поэты французского Сопротивления фашизму, такие, как Поль Элюар и Рене Шар. Вообще особый феномен Поэзии – это то, что особенно в эпоху революций, войн, национально-освободительных движений она становится особо ярким вербальным способом проявления их идей. Поэтому нормально, что и алжирская поэзия в эпоху Сопротивления колониализму не только ангажирована в это движение, но и находится на острие штыков этой борьбы. Борьбы с отчуждением Человека. Правы те, кто утверждает, что писатели, если те встают на сторону угнетённых, униженных, отверженных, не будут отстаивать Справедливость, сами станут в ряд с теми, кто сеет зло угнетения на Земле. Отнимают у народа право голоса, грабят его. Лишают Надежды.

Алжир начал свою Революцию. И нет ни одного подлинного алжирца, который бы не отдал своего голоса, своего достояния за неё. И здесь не важно, что лично вынуждает его сделать это – нищета ли, голод ли, ущемлённое ли достоинство. Просто настоящий Алжирец знает главное – у его народа отнята сама Земля. И он восстал, чтобы защитить её. И если Франция начала свою войну, то в этой войне она не одержит победы. Поэтому алжирский Поэт прежде всего должен зажечь «Живой Огонь» надежды на освобождение. Как это сделал, к примеру, Нордин Тидафи: «Пусть ввысь из недр векового молчанья // Мечта о Свободе взлетит, как орёл». Как сделали это Аит Джафер, араб по происхождению («Восстал человек, измождённый // Но не сломленный нищетой // И воззвал голосом сильным, как гром барабана, // “Люди, воспряньте! Аллах, силы им дай!”»). Или алжирский еврей Жак, вспоминая разгром родного селения Сиди Али Бунаб:

На руинах родных,
Кровью залитых, трупами полных,
Пусть цветы расцветут,
Алые маки Надежды,
А пожарищ огонь
Запылает лучами Рассвета…
Кровью пишутся арабески Возмездия Злу…

Вспоминая о восстании в алжирском г. Константине 8 мая 1945 года, в день победы над фашизмом, один молодой поэт из этого города, тогда разгромленного французами, убоявшимися восстания алжирцев, писал:

А мы на танки их взбирались,
Сердца младые их штыкам подставляя,
Но зная, что силы народные – непобедимы…

Когда великому французскому поэту А. Рембо не было ещё и 15 лет, он с какой-то не свойственной юности прозорливостью, изучая историю Алжира, написал пророческие слова о возрождении в этой стране духа легендарного её вождя – Югурты: «Ещё заговорят Алжирские горы, и возродится прекрасный народ». И, словно вторя ему, алжирский писатель и поэт М. Диб написал: «Нам надо много сил собрать // Чтобы несчастию противостоять // Не одичать // Не стать чужой добычей». Наша Поэзия уже давно предупреждала свой народ о необходимости «хранить дух Сопротивления врагу», людей – «не уподобиться собакам, // что воют от тоски глубокой ночью. // И мы все гордимся, что выполнили завет Поля Элюара "не краснеть от стыда" когда-то нам нанесённого исторического позора колонизации».

Взлет национального самосознания был закономерен, логичен. А вместе с ним и творцы поэзии освободили свой дух, раскрепостили его, и воспели Свободу… Да, мы – в стане «политических прогрессистов», как нас часто называют. Возможно, это соответствует нашему основному настрою: прорвать сгустившиеся сумерки Света, прорвать Мрак колониальной Ночи. И если алжирский народ вступил в свою войну, – значит, он отвоевывает право на самовыражение своих целей и в нашей Поэзии.

Стоит вопрос: почему эта поэзия написана по-французски? Как сказал Катеб Ясин, «этот язык, внедрённый французами как средство обезличивания, *деперсонализации* алжирцев, обернулся бумерангом, ударив по самим французам, став для алжирцев особым, мощным рупором своих идей, выражением своей подлинности, способом показа и своей многоликости, своих многих возможностей, но и однозначности выбора того надёжного пути, который избрали и сами французы, когда боролись за своё Освобождение. Именно этот путь – Сопротивления, путь к Свободе – избрали алжирцы и на французском сказали в лицо колонизаторам о своём Братстве.

Никогда ни одна из мировых культур не была напрасной. Есть универсальные ценности. И одна из них – язык. Но не надо только ими пользоваться, чтобы унижать народы, пытаться отнять у них душу. Рано ли, поздно ли народ овладевает и тем языком, и той культурой, которые дают возможность овладеть оружием для защиты своей собственной Свободы. Наши колонизаторы нас не "офранцузили". Просто сумели удовлетворить нашу извечную жажду навсегда освободиться от власти чужеземцев.

Но нам так же близки по духу и Гарсиа Лорка, и У. Фолкнер, и Владимир Маяковский. Как и Луи Арагон, и Поль Элюар, и другие мировые поэты и писатели. Мы ушли далеко от простого обожания мировых образцов и сумели настроить наш слух, наше восприятие их прекрасных идей на чаяния нашего народа… И мы используем французский, как и наши чёрные братья – поэты и писатели Африки. И мы передаём свой факел нашим будущим поэтам Алжира, которые выразят дыхание надежд своего народа на родном арабском языке. Да, пусть мы так называемая "переходная" литература – к Будущему. Главное – это быть просто алжирским писателем» (с. 20).

Психиатр по профессии, публицист и политический деятель алжирец Франц Фанон не ошибся, написав: «События в Алжире есть логическое следствие попытки колонизаторов заставить народ не думать о своей судьбе, лишить его надежды на будущее… Но превращение народа в такого рода человеческое общество обречено на крах – люди не могут не мыслить,

не выражать себя, не высказывать вслух то, о чём они думают и какие мечты лелеют. Это – их долг перед своим сообществом.

Вот почему мы, алжирские поэты, вместе с участником французского Сопротивления фашизму, говорим: “Не глядя ни на что, // Осуществим свой посыл, // призыв свой к Солнцу и к его Рассвету!..”»

Или, как сформулировал этот же поэт принцип эстетики поэзии Сопротивления, скажем: «Во мраке сумерек, у нас нет места Красоте // Так воспоём же Красоту!

Проложим дорогу к Свободе среди наших ещё окутанных дымом войн долин и гор».

Алжир уже в пути. И не важно, на каком языке – кабильском ли, арабском ли, французском – поэты воспевают Цель этого пути… Наши горцы, сражаясь, поют свою песнь:

Не оплакивай, мама, меня!
Братья позвали бороться!
Свобода дороже всего!
И если прославлюсь в бою,
Лучшим подарком тебя награжу!
(с. 24)

А ведь подобные песни слагались в алжирском народе ещё с 1831 года, когда вождь Абдель Кадер восстал со своим и другими племенами, призывая сопротивление колонизаторам:

Проснитесь! Очнитесь! Нельзя больше ждать!
Разруха повсюду и горе!
Отчаянье – прочь! Не надо бежать!
И нам Всемогущий поможет!
(с. 27)

Когда французы взяли Константину, в народе звучали не только жалобные песни, слышались в них уже и другие интонации:

Вооружайся, народ! Прочь из сердца печаль!
На помощь тебе – все люди чести.
И порох взорвётся! Победа придёт!
В пожаре души, охваченной жаждой мести!
(с. 28)

Можно сказать, что и «мятежный слог» самой народной поэзии непобедим. Его разносит повсюду, как песчаный ветер бури в пустыне. Имя М. Белькейра (умер в 1900), поэта эпохи сопротивления алжирского племени Улед Сиди Шейх, воевавшего с французами вплоть до 1882 года, сохранилось в памяти народной и до сих пор:

Мы – воины на службе у святого дела!
И нас – немало. О нас известно,
Нам помогают братья из Туниса до Судана!
О наших подвигах Пророк всё знает!
И мы гостей незваных ружьями встречаем!
(с. 30)

От скалистых границ с Сахарой до горных вершин всего Атласа народная поэзия звучала призывом к борьбе за Свободу. И в мужской, и в женской народной поэзии были и воззва-

ния к восстанию против чужеземцев, и презрение к дезертирам, и скорбь по павшим в боях и гордость за одержанные победы… В разных племенах звучали эти песни по-своему, но если обратиться к сборникам народной поэзии, то можно увидеть одно сходство: всех горных повстанцев (которых французы называли «бандитами», «разбойниками») их соотечественники называли людьми «ЧЕСТИ». И этот «атрибут» – не только в песнях, поэзии, но и в прозе – сказах, устных рассказах (и в уже более поздних повестях, заметим мы, – об эпохе Алжирской войны. См., например, А. Бунемер «Bandits d'Atlas», 1984, перевод на русский в 1987 г. «Разбойники в Горах Атласа»).

Алжирский фольклор, в целом, постоянно выражал сам дух народа, который претерпевал разные удары своей исторической судьбы, но как бы всегда озвучивал и драму жизни алжирцев, и их Надежду… В фольклоре и География Несчастья, и пределы его терпения, и причины сопротивления во имя Свободы…

Не забыть нам нашего горя,
Не забыть принесенного Зла!
Слишком много страданий!
Не простим никогда!
(с. 36)

Позднее уже такие признанные сейчас повсюду алжирские поэты, как Н.Н. Тидафи и М. Диб, по-своему сформулируют и определят и причины Восстания, и Цели Сопротивления, и даже «зафиксируют» в ритмах своих стихов и частоту бомбардировок Алжира, и грохот расстрелов партизан в горах Кабилии и Ореса (с. 37, 38), а Катеб Ясин напишет свой фантастический роман «Неджма» (о женщине – «Звезде», неуловимой и не подвластной никому, как символическом образе своей страны). А в своей драматургии, в пьесе «Труп в кольце», как и в «Неджме», воссоздаст сам образ «извечного повстанчества» своего народа и как итога исторической фрустрации, постоянных набегов чужеземцев, их захватов принадлежащих народу земель, и как образ обережения постоянной мечты об их отвоевании и Свободе… (с. 39).

И вот поэт Б. Тайби уже прокричал, тоже по-французски, *во всеуслышание*:
Так будем бороться! Мы все,
И будем готовить Утра Рассвет! (с. 41)

Надо сказать, что в гуще этого боя за Освобождение Алжира – все этнические составляющие его современного населения, что бы там ни измышляли расисты всякого уровня. Да, конечно, изначально Алжир – арабо-берберская мусульманская страна, но в ней уже издавна живут и другие этнические «меньшинства», которые принадлежат к не менее уважаемым конфессиям, и это нельзя недооценивать. Алжирец Малк Хаддад уже ставил эту проблему, когда писал стихи, посвященные памяти одного из героев Алжирской войны за Независимость.

Если он эту страну считал
Отчизной своей, Матерью звал,
Значит, положено ей
Оплакивать всех своих сыновей!

И многие историки и писатели имели право высказывать мысли о том, что Алжир – страна, где исторически уже смешались разные народы и религии, и где европейская община и мусульманская, если служат одному, общему, делу, должны идти рядом (с. 40).

Так, А. Креа написал в «Вечной родине»:

И я не знал никогда,
Что такое Алжир –
Мать ли моя, иль страна,
Где просто горе царит…
Оно – и в сердце моём
Жило во мне всегда.
Но в день, когда целый народ
Поднялся весь, как один,
Понял я – мир един,
Как земной шар, неделим…
(с. 42)

И если представители «европейских меньшинств» признали и приветствовали необходимость Войны Алжира за Независимость – значит, они – заодно с самим алжирским народом.

Идеи и задачи Алжирской революции как Сопротивления колониализму были положительно восприняты всеми теми, кто полагал, что предъявленные алжирским народом требования соответствуют понятиям чести и человеческого достоинства, отстаивают историческую правду, защищают подлинные национальные традиции и не противоречат позитивной динамике развития интеллектуальной мысли и на Западе. Они объединяли многих французов с алжирцами, отстаивавшими свою Независимость, и некоторые из них беспощадно по отношению к Франции, на манер Робеспьера, желали «скорейшей ей утраты своих колоний», наличие которых компрометировало и даже оскорбляло память о республиканском прошлом, полном лозунгов Свободы, Равенства и Братства (М. Лейрис, к примеру). А А. Мандуз, обращаясь к католикам, даже напоминал им, что Святой Августин был родом с земли Алжира (с. 43).

Конечно, мы, европейцы «по крови», но и дети Алжира[2], выросшие здесь, или даже родившиеся здесь, все те, кто хочет верить в Освобождение, надеемся, что наш голос будет услышан и алжирской молодежью, и студенчеством по обе стороны Средиземного моря, и энтузиастами, собирающимися в рабочих клубах Парижа и защищающими право алжирцев на обретение Независимости:

Французские товарищи!
Все те, кто верен Революции заветам,
Поверьте в голос мой, –
Он знает о страданиях, о горе,
О нищете, которая царит в народе.
Здесь, на земле Алжира, он восстал
Из бездны, где погребена Свобода.
И я вступил в сраженье.
Стану воспевать
Страны Освобожденье.
Верю, – взойдёт Заря и вспыхнет Солнце
На той земле, которую люблю, как мать!
(с. 46)

Их становится всё больше, французов, понимающих необходимость получения Алжиром Независимости. Даже такой крупный писатель, как Ф. Мориак, заявил, что «Франции надлежит вернуть своё лицо, не воевать против Алжира, как и против других угнетённых народов, а, наоборот, защищать их право на Свободу» (с. 47).

Действительно, какая горькая ирония в том, что родина великой «Марсельезы» сегодня пытается убить священное право алжирцев на Независимость…

Алжирец Жан Амруш (родом кабил, племя которого было обращено французскими миссионерами в католицизм) даже утверждает, что «оппозиция креста и полумесяца – выдуманная. Она существует только в головах неправоверных, как с одной, так и с другой стороны. Все, кто исповедует разные религии (евреи ли, мусульмане ли, христиане), не зная, что Бог у них – един, как и их предок Авраам, должны осознавать и единую цель служения благу объединённого человечества» (с. 50).

При колониализме, как заявил писатель Мулуд Маммери, не может быть свободен дух человеческий, колониализм угнетает, порождает зло зависимости, разделяет людей, обрекает людей на презрение, лишает надежды… «Я уверен, что простые французы, выходцы из своего народа, не могут разделять идеи колониализма. И не оплакивать тех солдат, которые погибли во имя смерти другого народа» (с. 51).

Поэты, не будем мечтать о славе, но будем вдохновляться подвигом тех, кто погибает за Свободу! Услышьте голос недр алжирской земли, что звучит в песнях их матерей, которые собрал М. Диб по разным деревням и сёлам, в нём – не только страданье, но и проблеск надежды.

Пролита кровь, но оросит поля,
И новый урожай заколосится!
И пышный хлеб взойдет,
И счастья плод – малыш родится!
(с. 54)

«И мы будем стараться, Поэты Свободы, быть достойными гражданами Новой Страны, где снова засияет наш Солнечный город, наш Алжир…

Конечно, мы сейчас разрознены, и часто наши стихи существуют подпольно. Но мы делаем всё, чтобы наши голоса были услышаны. Даже если сидим в тюрьмах, находимся в изгнании, в ссылке. И это моё эссе – только слабая попытка вырваться на Свободу. Но мы все знаем, что “СОПРОТИВЛЕНИЕ – ЭТО НАДЕЖДА”» (Рене Шар).

Послесловие

Я получила это эссе из рук Жана Сенака в Алжире только в 1960-е годы. Но «транзиторным» оказалось не литературное франкоязычие магрибинцев (тогда в Алжире в Союзе писателей, созданном по его инициативе, большинство литераторов было франкозычным, и все вокруг ещё общались между собой на языке-посреднике – французском). А вот Независимостью, завоёванной в кровавой борьбе (с обеих сторон) с колонизаторами, доставшейся с трудом в 1962 году, Властью алжирцы стали распоряжаться так, что, казалось, *война против «чужих» всё ещё не стихла*. Начались довольно интенсивные преследования тех, кто и за Независимость боролся и идеологически (а это были прежде всего алжирского и французского происхождения члены коммунистической партии, глава которой во Франции, к примеру, Морис Торез вообще хотел «*воссоединить* оба народа» и по ту, и по другую сторону моря), и реально – самых, казалось бы, отважных, самых смелых и решительных партизан, проводников (а чаще проводниц к ним в горы), ну, и ту интеллигенцию (в том числе и поэтов, и писателей-алжирцев), которая была «на виду» новых политиков, ибо владела и реальным знанием внутренних проблем самого алжирского общества, его социальных противоречий, его контрастов, претензий на власть и тех, кто её формально не получил. Бен Беллу смёл неожиданно начавшийся военный переворот в Алжире, и пришёл к власти полковник Бумедьен… Ну, а потом – бесконечная череда имён и «режимов». (Только Бутефлике, тогда еще – в 60-е годы молодому, занимавшему должность министра иностранных дел, удалось продержаться после захвата власти в 1999 г. в должности прези-

дента Алжирской Республики довольно долго – до 2019 г. Но и его «смели»). Кроме всего прочего – крайности аграрной политики, приведшей к стихийной «урбанизации», культурной политики «тотальной арабизации» 60−70-х (последствия которой звучали и в 80-е), – привели к гражданской войне, начавшейся на исходе 80-х, в связи с усилением влияния исламистской партии F.I.S. (Фронт исламского спасения) и продолжавшейся ещё долго[3], – всё это как бы не соответствовало той мечте об идеальной Свободе, о Революции, освящённой «поэтической мечтой» как «прекрасном преобразовании мира», где царило угнетение человека, несправедливость, – словом, всё то, о чем писал Ж. Сенак в своём эссе о «*Солнце*» как цели Войны за Независимость.

Но любопытно то, что его надежда на рождение Нового мира была связана и с рождением новой литературы *на языке национальном*, которая в общем-то должна была «заместить» ту литературу (поэзию, прозу, драматургию) – новейшего, в целом, для арабской страны типа словесности, если говорить точнее, – которая возникла на языке французском (повсюду в Магрибе) как способ выражения проблем своего народа, целей его борьбы, «дыхания» его надежд, как писал Жан Сенак.

Реального «замещения» особо не наблюдалось, хотя уже с середины 70-х годов активно в Алжире писали отдельные арабоязычные писатели (в Тунисе – и в 60-е), к чьим именам (см. материалы конференций в ИМЛИ – «Восточные чтения» и арабистической в ИВ РАН 2021 г.) так и поныне обращаются те, кто изучает литературу магрибинцев на языке арабском (подробнее об этом явлении см. в «Истории литератур стран Магриба». М.: Наука, 1993, в трёх томах: Алжир, Марокко, Тунис, созданной коллективом авторов под нашей редакцией). А вот объём литературного франкоязычия, как это ни странно, увеличивался из года в год, и каждое прошедшее десятилетие было отмечено и сохранением, и охранением *классиков* этого феномена (возникшего как способ национального ответа и на колониальную литературу, и на политику «аккультурации» колониализма, и на его присутствие в целом на земле Магриба), и взлётом новых имен, жанров, стилей. Я не буду повторять (или раздражать) «самоцитацией» из всего того обширного материала, засвидетельствованного мной в моих работах, практически посвящённых так или иначе либо итогам каждого десятилетия развития и эволюции литературного франкоязычия магрибинцев, либо суммарным оценкам этой художественной системы в рамках каждой отдельной страны: «Алжирская сюита» (2014); «Марокканский ноктюрн» (2015), «Тунисская элегия» (2016); «Антология магрибинской новеллистики» (2017); «Магрибинки рассказывают» (2018) и др. Менялись весьма значимые для каждого десятилетия имена, менялись жанры, резко сменялся стиль повествования – от спокойного социального бытописания 50-х годов XX века до остро критического реализма 70–80-х, до ностальгического поиска «оазисов Прошлого» и в 90-е годы от трагических интонаций ощущения наступления «Пустыни» 80–90–2000-х до бурной, хотя и исполненной драматизма фантазии-антиутопии уже 90-х XX века. Объём имён в обширных библиографиях, собранных в моих книгах (см., к примеру, «Время не жить и время не умирать», 2021), не уступает тому, что собирается и по сей день специальным Центром в Университете Лиона (Li Mag), разве что я «свой список» изучаю как процесс эволюции литературного франкоязычия в его смысловой значимости, а коллеги из Лиона – чаще в его «структурном» плане как некоей зависимости от «мировых» образцов литературы Запада (но с этим и Жан Сенак, и Катеб Ясин, им цитированный в его эссе, по-своему уже как-то «разобрались», сказав, что если есть «мировые ценности», то они – *общечеловеческие*). Вот почему мне важен процесс связи и поэта, и писателя с предшественниками по традиции определения и этого смысла, и той формы выражения, к которой они прибегают.

И если Жан Сенак, будучи ещё в далеком 1957 году одним из тогда ещё немногих франкоязычных писателей (хотя именно *поэтов*, пожалуй, в 50–60-х гг. было гораздо больше), опирался на традицию, заложенную поэтами Французского Сопротивления (Р. Шар,

П. Элюар, Л. Арагон) и «революционную» поэзию Г. Лорки и В. Маяковского, то это естественно. Ибо их и ритмы, и смыслы ими *высказанного* соответствовали и умонастроению алжирского Поэта, и ритму самой эпохи тогда ещё шедшей борьбы за Независимость Алжира («точку» поставили в ней Эвианские соглашения 1962 г. о предоставлении Алжиру статуса независимого государства, а не «французского департамента», коим он являлся с 1830-х годов).

Надо отметить, что и сам Л. Арагон, к примеру, прекрасно знал поэзию В. Маяковского, конечно, в той мере, в какой это возможно осуществить в её переводе на французский, который, кстати, пыталась сделать как можно лучше, ближе к смыслу и ритмам, его русская супруга Эльза Триоле, родная сестра Лилии Брик, возлюбленной В. Маяковского… Мир тесен. Но, конечно, Поэзия, не имеющая, к сожалению, как музыка, «всеобщности» «*языка*» звучания, непереводима на другой язык без утрат или потерь. Филологический «дословник» – искажает и ритм, а порой и смысл, а переданный смысл утрачивает игру слогов, ритм гласных и согласных и даже многие особенности звуков чужой речи и их произнесения при устной декламации, которой пользовались многочисленные поэты, в том числе и В. Маяковский, и наши «шестидесятники» (Б. Ахмадулина, Е. Евтушенко, А. Вознесенский, Р. Рождественский и многие другие). Из «сегодняшних» магрибинцев мне удалось слушать и Р. Буджедру, и М. Диба, и Т. Бекри, и А. Джебар. Порой написанное в произнесённом уже не «обеззвучено» особыми акцентами, пролонгацией некоторых звуков, преданием особой значимости отдельным словам. И если переводить смысл, надо только догадываться, как *это надо бы перевести* на тот или другой язык, чтобы понять, *во имя чего* писались стихи…

Но я пишу своё послесловие к эссе Ж. Сенака не для того, чтобы поведать Читателю только о том, что оказалось значимо для творчества Поэта, и кого из поэтов он почитал «опорным» для своей Поэзии (хотя Г. Лорку, как и французов, читал «в подлиннике», будучи полу-испанцем, полу-французом по происхождению, а В. Маяковского – в переводе). А для того, чтобы сказать, что он сам стал поэтической *традицией* для тех франкоязычных магрибинцев, которые творят свои стихи и по сей день.

В «перекличке» поэтов – перекличка эпох. Возможно, сегодняшнее время в целом, повсюду, чем-то напоминает прошлое. Однако вечные образы Жизни живут и в поэзии, и в прозе всех стран, если писатели превращают традицию не в пепел, но в факел, который освещает путь в Будущее. В Алжире тоже этот процесс шёл и идёт, как тот караван в Пустыне, упорно продвигаясь вперёд…

Однако судьба Поэта оказалась жестокой.

Нам, проработавшим в Алжире не в самую легкую половину 60-х годов, пришлось перебираться домой, в Москву, чтобы готовиться к отправке на работу в другую страну. И почти накануне нашего отъезда из Алжира Жан Сенак пригласил нас с мужем к себе домой, и мы впервые увидели, как живет Поэт, голос которого непрестанно звучал по радио, неутомимо звал к Свободе, радости, старался заставить слушателей забыть «о ранах Войны», о «шрамах сердца», наполнить душу «лучами Солнца»…

Это была бедная, крошечная комнатёнка с письменным столом, с матрасом на полу, с распахнутым в сторону моря окном. На столе лежал большой арбуз – гостеприимный хозяин позаботился об угощении русских друзей, которым он нередко заходил в гости со своими друзьями-поэтами… Но помимо своего удивления абсолютной, как мне показалось, «нищетой» его повседневного быта, была поражена щедростью его планов на Будущее, зная уже, что Поэт переживал немалые трудности и разочарования от того, как развиваются события Настоящего, – о чём он вовсе не мечтал в ещё не столь отдалённом по времени Прошлом, когда писал и свои «Поэмы», и многие другие сборники стихов, восторженные предисловия к которым писали и Альбер Камю, и Рене Шар, и различные крупные литературные критики и в Европе, и в Алжире, и даже в далекой России, где активно переводились в 60-е годы его

революционные стихи (среди переводчиков были М. Ваксмахер, и М. Кудинов, и М. Курганцев, и другие известные имена).

Поэт, прежде чем мы по очереди (стул был один) стали садиться «за арбуз», уже большим кухонным ножом порезанный Жаном ломтями, подарил нам новый, только что вышедший его сборник стихов «Граждане Красоты» («Citoyens de Beauté»), изданный крупным парижским издателем – Subervie, хотя и малым тиражом, – для тех, кто ещё не утратил иллюзий, что Революция и Поэзия – это «единое целое»… Не все мечты сбывались во Франции и у её «левых», – не за горами было и восстание молодежи в мае 1968 года, окончившееся разгромом баррикад… Но тогда Поэт сделал нам свою дарственную надпись: «Николаю и Светлане Прожогиным эти песни, в которых они обретут неколебимую надежду и укрепятся в вере в прочность настоящей дружбы, освещённой Солнцем братства». Подписался и нарисовал солнышко и пять его лучей…

Это было в Алжире в 1967 году, на мысе Pointe-Pescade (можно перевести как «Рыбацкий»), где стоял домик, называемый «Villa Vénèzia», в котором в каморке и обитал знаменитый Поэт. На оборотной стороне обложки сборника стихов «Граждане Красоты» – биография Жана Сенака, где сказано, что он родился 29 ноября 1926 года в Алжире, в местечке Бени-Саф, что под Ораном, в семье испанского рабочего. Учился, сам работал и учителем, и журналистом, и на радио, потом создал в столице «художественный кружок» (1946 г.), потом поэтический журнал «Soleil» («Солнце») в 1950 году, а в 1953-м – «Террасы», объединив немало начинавших поэтов, писавших по-французски. Сам публиковал свои многочисленные стихи и получал восторженные рецензии и от А. Камю, и от многих других известных имен. А с 1954 года включился в активную борьбу за Национальное Освобождение Алжира. Далее в изложенной биографии поэта умалчивается о том, что уже тогда начались преследования его (и со стороны алжирских «националистов»), и Ж. Сенак прожил несколько лет во Франции, публиковал там свои стихи, и только после установления в родной стране Независимости, в 1962 году, вернулся в Алжир. С этого года он публиковал свои стихи в журналах, газетах, сборниках поэзии («Настоящим героям», 1964, в том же году – «Роза и Шипы», иллюстрированный алжирским художником Н. Хаддадом). Его творчество стали изучать на филологическом факультете Алжирского университета, оно было «в обязательной программе», и оно было переведено на арабский, итальянский, немецкий, английский, испанский, китайский и русский. А далее – в этой биографии – только о дальнейших планах – подготовке нового сборника стихов «Ebauche du Père» – «Набросок Отца» (мне не известна судьба этого «очень личного» для Ж. Сенака сборника, но о трагедии, пережитой им в ранней юности, я знала со слов самого поэта). Он как-то признался, что стал отцом в 15 лет, но отказался и от жены, и от сына, стыдясь родителей и окружающих. Но мучительно переживал этот свой «позор» и поступок по-своему трагически, отказавшись от Любви как таковой, и заменив её «Идеальной» – к Вечной Свободе, Красоте… Возможно, поэтому всегда жил «дыханием сердец» друзей, появлялся «на людях» только в окружении молодых поэтов, чем вызывал кривотолки, предположения, не самые лестные, о своей «особой ориентации», даже в контексте издавна, с бедуинских времен, бытовавшей в странах Магриба (и до сих пор бытующей) традиции однополой любви, ярко описанной самым знаменитым французским писателем Андрэ Жидом в своих романах, как и многими другими «нравоописателями» в колониальной литературе Франции… Среди планов – «Поэты радости» и другие сборники, но я не о них, а о том, что я тогда держала в руках почти накануне отъезда из Алжира… Уже в Италии, в 1974 году, когда в Алжире начались «особые беспорядки», связанные с культурной политикой «тотальной арабизации», я узнала из газет о том, что Жана Сенака убили спящего, «воткнув огромный нож ему в спину»… И подумала, уж не тот ли, которым он разрезал нам арбуз, которым угощал… Конечно, его преждевременная смерть, трагическая гибель вызвала много предположений и слухов. И даже поговаривали о том, что якобы повинен и сам Катеб Ясин, безмерная слава которого, как «автора бессмертной “Неджмы”», сделала

его завистливым к славе Жана Сенака… Но это слухи и догадки, а реально в стране начались беспорядки, травля всех, кто не причастен «к арабской культуре», и даже был закрыт научный Центр берберологии, и Мулуд Маммери, не менее известный алжирский классик, был вынужден покинуть страну. В этом же, 1974, году он был в Риме, где мы и встретились снова, спустя много лет, и тогда писатель и попросил меня «когда-нибудь ознакомить русских со своим архивом», который он передал в Париж, в Дом Наук о Человеке известному антропологу, этнографу и «просто кабилке» – Тассадит Ясин, с которой мне удалось встретиться.

А в начале 90-х годов, когда уже в Алжире повсюду орудовали радикальные исламисты, был зверски убит и друг Жана Сенака – Юсеф Себти, *арабоязычный* поэт (с него попросту содрали кожу на глазах у матери), видимо, с точки зрения разгулявшихся защитников «возврата к мусульманским истокам», поэт недостаточно восхвалял Аллаха, а писал о «какой-то Свободе». А ведь именно Ю. Себти и был одной из надежд «на будущее» алжирской литературы на арабском языке, когда Ж. Сенак говорил о транзиторности литературного франкоязычия. (К сожалению, мне мало известно – почти не осталось литературоведов-арабистов, изучающих современное состояние арабской словесности, тем более в Магрибе, знаю лишь об отдельных образцах, – но это всего только те, что замечены во время получения стимулирующей в арабском мире литературной премии «Арабский Букер». Да и то среди магрибинцев – уже давно знакомое имя Аль-Араджа, о котором мы писали с О.Н. Дёмкиной в вышедшем ещё в 1993 г. томе «История литературы Алжира».)

Но это всё случилось потом, а тогда, в 1967 году, возвращаясь домой, ещё в машине я нетерпеливо раскрыла только что вышедший сборник Ж. Сенака «Граждане Красоты», пробежала строчки «свободных» стихов, потом внимательно перечитала уже за своим письменным столом, но с тех пор удалось запечатлеть немного из его поэзии на страницах нашей, созданной уже в 90-е годы «Истории национальных литератур стран Магриба» (М., 1993, в 3-х тт.). Сегодня, суммируя итоги «транзиторности» отдельных явлений и имён в истории литературного франкоязычия в Магрибе в целом, в частности, поэзии эпохи Противостояния колониальному угнетению, воздаю память и Анне Греки, и Жану Сенаку, и снова напоминаю о когда-то прославившейся и у нас поэзии Мохаммеда Диба, Малека Хаддада, Нордина Тидафи и других поэтов, привнёсших в литературу алжирцев те ноты *современности*, которые будут всегда актуально звучать для тех, кто полюбил когда-то и раз навсегда и русскую, и другую вольнолюбивую лирику.

Примечания

[1] *Senac J.* Le Soleil sous les armes. P., 1957. 55 p. (типография Subervie à Rodez). (48 отпечаток, полученный от автора в 1962 г. / Писал в Париже в 1956–1957 гг. Фрагменты.

[2] Надо отметить, что в так называемом «колониальном обществе», образовавшемся в Алжире после интенсивной колонизации, поселилось, работало, дало потомство не одно поколение европейцев. Многие известные деятели культуры были родом из Северной Африки. Одни европейцы после предоставленной странам Магриба Независимости покидали Магриб, другие оставались. Но и до сих пор во Франции живут (особенно на юге) потомки «pieds-noirs» – французов из Африки.

[3] Политологи и социологи свидетельствуют документально, работ их немало (среди отечественных имен – Э. Бабкин, Б. Долгов и др.), а в моих книгах 2000-х гг. – свидетельства художественные, выражающие и умонастроения, и пульс эпохи, показывающие длящуюся опасность.

DOI: 10.31696/2072-5795-2023-2-82-91

С.В. Прожогина

АЛЖИРСКОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ: СВИДЕТЕЛЬСТВА ЛИТЕРАТУРЫ КОЛОНИАЛЬНОЙ ЭПОХИ

Проблема национального самоопределения для Алжира, сто тридцать лет находившегося под властью Франции, встала особенно остро после Второй мировой войны. Созрело не только самосознание колонизованных, ощутивших свою абсолютную зависимость от метрополии даже в попытке отпраздновать победу над фашизмом, – ведь в рядах французской армии, хотя и поздно понявшей необходимость изгнания немецких захватчиков со своей территории, служило немало алжирцев. Последние просто считались солдатами Франции, будучи выходцами из её «заморского департамента». Однако разгон манифестации, устроенной в городе Константина 8 мая 1945 года, был объявлен подавлением антиколониального выступления.

Но созрело и осознание связанности своей судьбы с судьбой угнетённых среди части тех граждан европейского происхождения, которые родились и выросли на земле Алжира, ставшей родиной во всех смыслах для тех, кто не разделял политику безраздельной власти французов над захваченной ими в 1830 году территории. А скорее реально помогал, по-своему, конечно, политике «аккультурации автохтонов», официально провозглашённой колонизаторами, решившими воспитать алжирцев внедрением ценностей своей – и шире – западной цивилизации. «По-своему» означало то, что многие педагоги, школьные учителя, библиотекари, медики и другие служители идей Гуманизма и Просвещения действительно работали на поприще служения алжирскому народу, давали ему немало нового знания, не декультурируя, не отлучая при этом алжирцев от исконной культуры, языков, сохраняя возможность получения ими начального образования и в своих конфессиональных – коранических школах при мечетях, и обеспечивая равные права для мальчиков и девочек в своих средних, а потом и высших учебных заведениях.

Естественно, колониальной администрации их усилия были известны, но они не противоречили официальной культурной политике метрополии. Более того, многие французы, относившиеся поначалу к кругам так называемой «колониальной литературы», уже в 30-х годах в Алжире (как и повсюду в Магрибе) посчитали своё творчество отдельным от метропольного, поскольку оно имело ту ярко выраженную степень локальной окрашенности, которая во многом была различна с колониальной экзотизацией автохтонных нравов и даже орфографии.

Произведения французских литераторов в Алжире печатались в созданных ими журналах и ревю, и многие из них заботились о том, чтобы и в среде самих алжирцев подрастали писательские кадры[1]. А оставшиеся в новейшей литературе Алжира имена таких европейцев, как, к примеру, Анна Греки или Жан Сенак, сознательно избравших гражданство в уже независимом Алжире и отдавших ему свои жизни, стали для многих поколений образцами новой поэзии, возникшей в эпоху алжирского сопротивления колониализму. Она была обращена в Будущее и мечтала о его Красоте, о восторжествовавшей в нём наконец-то Справедливости, о реальной необходимости Братства и Равенства в стране, где живёт немало разных этносов и существуют разные конфессии.

Хотя надо признать, что некоторых выдающихся писателей европейского происхождения, но родившихся и выросших в Алжире, эти мечты не коснулись. И в минуту решительного выбора, накануне восстания алжирцев за независимость, они покинули родную землю, предпочтя ей свою «духовную мать» – Францию. Я имею в виду, конечно, такую величину,

как Альбер Камю, который, в общем, всегда в своих произведениях демонстрировал свою некую посторонность, отчуждённость от арабов (хотя и был выходцем из беднейших слоев европейских поселенцев, живших бок о бок с алжирцами), и судьба которого во Франции даже после присуждения ему Нобелевской премии сложилась трагично…

За последние годы мне довелось немало написать о литературе магрибинцев колониальной эпохи[2].

Но если продолжить необходимое всем сегодня обращение к истории, то мне хочется особо отметить ещё одну пожелтевшую от времени книжечку, когда-то поставленную мной в мою библиотеку, но так и оставшуюся без внимания моего на долгие годы. Но сейчас показавшуюся мне не только само собой разумевшимся выбором человека своего места в «строю» своего народа, но и примером отважного и безраздельного поступка во время свершившейся Войны народов.

Небольшое произведение это – «Я – алжирец» принадлежит перу Абдельхамида Байтара и имеет подзаголовок: «Песни и рассказы одного муджахида»[3]. Так называли в Алжире в ту эпоху всех партизан, сражавшихся в горах, независимо от того, был ли он «воин Аллаха», боровшийся за свою веру, или просто ушедший отстаивать независимость и свободу своей страны. В горах, как и повсюду в Алжире, было опасно, но враги терпели чаще всего поражение именно там, хотя и устраивали зверские облавы, парашютные десанты и поджоги целых селений. Однако партизаны, зная особенности местности, укрытия и убежища, пользуясь поддержкой горцев, сумели, пусть и ценой огромных жертв и потерь, выстоять в восьмилетней войне с колонизаторами. На обложке и на титульном листе книги – эпиграф. Это слова героини алжирского Сопротивления Джамили Бухиред: «Убивая нас, не забывайте о том, что это свободолюбивые традиции именно вашей страны вы предаёте. Что вы компрометируете вашу собственную честь и ставите в опасность своё собственное будущее. Помните о том, что вы не помешаете Алжиру стать независимым…»[4].

Так оно и случилось. А пока автор посвящал своё произведение «Братьям своим, сражающимся повсюду, ведущим свой бой и внутри страны, и за её пределами за Свободу, во имя которой страдают и умирают…» И провозглашал в своём Предисловии: «Да здравствует Алжир – свободный и независимый!» А в Предисловии не только рассказывает о себе, но и напоминает читателям о том, почему алжирцы, магрибинцы в целом, становятся *такими, как он*: «Мне ещё нет и сорока лет, но мне кажется, что я старше нашего древнего вождя Югурты, боровшегося с чужеземцами, и полководца Тарика, приведшего когда-то арабов в Магриб; старше эмира Абделькадера, восставшего против французских колонизаторов… Мой идеал Свободы и Освобождения сформирован во многом этими славными именами. В этом идеале – не ненависть к людям, существующим на нашей земле вместе с нами, но просто желание освободить свой народ от унижений и оскорблений, которые он претерпел в эпоху колонизации… Французский колониализм стал моим персональным врагом, потому что он хотел лишить меня Родины, моей Отчизны.

А ведь именно они, французы, взяли когда-то на своё вооружение лозунг (не ими, а английскими масонами придуманный. – *Авт.*) “Свобода. Равенство. Братство”. И до сих пор свято заклинают им французов на всех выборах устами своих президентов… А в своих колониях сеют нищету, рабство, страдания, забыв о “Равенстве”, забыв о “Братстве”. Замочили кровью “Свободу”, захотев “цивилизовать дикарей”… уподобив их “хоть на тысячную долю” себе, французам… …Они почему-то считают, что их предки – галлы – люди высшей расы, и взялись за провальное и смертельное дело: навязывать нам забвение о предках наших… Они, унижая наше собственное достоинство, называли презрительно нас только кличками: “bicots” (упрямыми “козлами”), “ougnoules” (тупыми “чернорабочими”), “fellaga” (“деревенщиной”)… Вот я и стал *муджахидом*, солдатом Армии Освобождения Алжира из рабства. Это – честь и слава для меня, моих братьев и сестёр по вере, для всех тех, кто борется и боролся за свободу Магриба…

И я не могу простить тех, кто принёс Алжиру слёзы и горе, кто мучает в тюрьмах патриотов. Они, французские колонизаторы, сами предают свои принципы Справедливости вот уже почти сто двадцать пять лет. Сами распинают ещё раз и свою христианскую веру, и совесть. Но я знаю, что люди чтут другую, настоящую Францию: её поэтов, её писателей, её учёных. Значит, не все французы – "настоящие". Другие совершают преступление. …Теперь нас уже никто и ничто не остановит. За преступления надо платить… Наши пророки, начиная с Ноя, включая Моисея, Мохаммеда и Христа, передавали нам завет гуманизма. И Апостолы продолжали их дело. Но гуманизм предают сами же люди. Призывают к атомным войнам, к экстерминации тех народов, которые кому-то неугодны… У них просто отсутствует человеческая совесть. Колонизаторы – одни из этих зверей… Алжирцы – народ гордый. И они захотели воссоздать свою национальную сущность, добиться независимости, отомстить за себя, за историческое насилие… История теперь на нашей стороне. И я об этом свидетельствую, как и другие сыновья Алжира. Мы боремся, мы страдаем, мы проливаем свою кровь, и она сливается с той, которую пролили наши предки, отстаивая свою землю. Победа будет за нами» (с. 3-6).

…Вспоминая имена всех французских завоевателей Алжира – от маршала Бюжо до генерала Массю, автор книги не забыл имени великого поэта Франции эпохи её Революции XVIII века Андрэ Шенье, поставив именно его слова в эпиграфе к своему введению:

«Пусть лучше я умру,
Не дам себе погрязнуть
В болоте их грехов,
В палачестве законов всех,
В гниении их слов, предавших Францию,
Повергнувших её в пучину рабства».
(«Mourir sans vider mon carquois
sans fouler sans percer, sans pétrir dans leur frange,
ces boureaux barbouilleurs de lois,
ces vers cadavéreux de la France asservie»).

(Здесь и далее перевод С.П. Прожогиной)

В книге Абдельхамида Байтара всего 50 страниц. Они набраны мелким шрифтом – не только потому, что небольшая типография в Рабате, куда он её переправил, экономила бумагу, – книга эта была просто *предназначена* тем, кто должен был или хотел знать *правду* об «алжирской революции», – кто её участники, на что они надеялись, за что сражались. А это означало, что она должна была быть предельно удобной для тех, кто её распространял и кто её получал. А те уже сами заботились о дальнейшем распространении правды о повстанцах. (За всеми при этом вполне могла осуществляться слежка французской полиции: Алжир уже с 1954 г. был на осадном положении). Адрес для получателей издания в конце книги тоже своеобразен: «Можно купить во всех книжных киосках и магазинах»… Не потому, конечно, что – дёшево, а потому что там – бесценные свидетельства всего происходящего…

Это – и обилие чёрно-белых фотографий и партизанских «будней», и городских окраин, где собирались люди и делились «новостями с фронта», и снимки молодёжных волнений и демонстраций в защиту родной страны от колониализма; но, что важно именно для художественного произведения, свидетельства самого автора, его личных переживаний этой эпохи как выражение градуса национального самосознания. Так, в его стихотворении «Я – алжирец» (втором, после открывающего книгу «Голубка», где поэт шлёт проклятие тем, кто забрасывает его землю бомбами, не видя «ни детей», ни «птиц, мирно воркующих на ветвях»), звучит гимн человеку, считающему себя сыном алжирской земли[5]:

Алжирец – везде. Алжирец – всегда.
Алжирец – и ночью, и днём.
Алжирец я был. Алжирцем умру.
Алжирцем останусь вовек…
Но не убоюсь я громко сказать: «Колонизаторы, прочь!»
И буду кричать сквозь тёмную ночь,
Рассвета не ждать, разоблачать
И гордо Свободу желать!
(Algérien partout. Algérien toujours //
Algérien la nuit. Algérien le jour //
Algérien je fus. Algérien je reste //
Partout je le proclame et partout je l'atteste //
A la face de l'univers je clame avec fierté //
A bas le Colonialisme et vive la liberté // (с. 8).

Когда так осознанный долг человека своей земле может оказаться связанным даже с самопожертвованием, то это не должно его страшить, – убеждён Поэт, потому что страдания тех, кто сегодня умирает за Родину, кто не сдаётся, оправданы рассветной зарёй завтрашнего дня, который принесёт людям желанную Свободу; и если «братья твои» – по вере в Революцию – идут этой дорогой «жизни за Родину», то их жертвы не напрасны: родная земля обретёт независимость, – если вкратце пересказать нижеследующий стих на французском:

Frère si tu souffres, la vie sera belle
demain sous le ciel d'Algérie !
Frère si tu meurs et si la mort est cruelle
sais digne de mourir pour la Patrie !
…Frère ton sacrifice ne sera pas vain
L'Algérie se libère grâce à ta souffrance
Frère tous les frères suivent le même chemin
où la révolution les guide vers l'indépendance !
«Sacrifice», с. 9.

Можно сколь угодно рассуждать о характере призывно-маршевого стиха эпохи, даже о некоторой песенности его (во время любой войны, и это факт, песни звучат часто, и не только ностальгически, но именно «духоподъёмно», ободряюще, вселяя в человека надежду и уверенность). Не в этом суть. В книге алжирца – звучат краски Истории, оттенки смысла восстания огромной страны, долго угнетённой, но позволившей своему народу, обездоленному и нищему, подняться с колен и пойти на борьбу с мощной армией колонизаторов. Более того – не убояться не только французов, но и наличия в ней «собратьев своих» – мусульман, давно завербованных на военную службу, которая по-своему выручала голодных, безработных, нищих алжирцев. Поэтому «призывные интонации», звучащие в стихах А. Байтара, не только обращены к «братьям-партизанам», но и служат посланием для тех, кто порой, не убоявшись преследований и жестокой мести, укрывался в горах и воссоединялся с партизанами, поняв, что плоды трудной народной борьбы обязательно «созреют завтра»:

Мужайся! Муджахид протянет тебе руку дружбы!
Ну, а плоды мы завтра соберем! (с. 11).

Попутно отмечу, что алжирские солдаты, оставшиеся во французской армии, – а традиция такого служения была давней и существовала и в Первой, и во Второй мировых войнах,

в алжирском народе (по большому счету) считались почти *предателями*; у них была и особая кличка «харки», – различавшая «своих» от «чужих», и даже – особо после обретения Алжиром Независимости – появившаяся ненависть, позволившая уже свободному от колонизаторов народу прибегнуть к расстрелу тех «харки», которые возвращались на родину из Франции, куда они отступили вместе с армией колонизаторов[6]…

Поэтому столь важны были героические примеры, имена мучеников, погибших или выживших в битве с колонизаторами. Здесь и павший в битве Бен Мхиди, и Джамия Бухиред, чьи слова – в эпиграфе к книге, и просто «собирательные» образы борцов за Свободу своего народа – ослепших в бою, раненых, тех, кто вместе с ними переживает их боль и их мучения (с. 11-14).

Особо автор рассказывает о женщинах-алжирках, которые, несмотря даже на религиозные запреты, уходили в горы помогать партизанам, работали связными, санитарками, кухарками, превозмогая невыразимые трудности, преодолевая неведомые никогда ранее опасности, да просто жертвовали собой во имя спасения родной земли, отстаивая «её честь», порой забыв о своей – той, которую завещали свято хранить предки[7]…

Гибели одной из таких отважных женщин, «сбросившей чадру» и ставшей женой партизана, и о решимости других, увидевших на похоронах героически погибших соотечественников французских солдат, забросавших камнями их гробы, покрытые новым, *национальным флагом* Алжира, обнажить свои лица и отомстить за своих героев, посвящена новелла в книге А. Байтара, где в финале в религиозное песнопение оплакивания павших прорываются призывные голоса женщин, решивших уйти на войну:

«Нас в горы зовут свободные люди,
На бой за отчизну, за свободу её» (с. 19)

И далее – реальное фото уже с ружьём в руках одной из них, на голове которой – солдатская каска, и последующий стих, воспевающий её подвиг и её красоту, не омрачённую слезой – следом перенесённых тягот и страданий, хотя и не свойственных «природе женской», но позволивших ей выйти на «дорогу света», озарившего «ночь» ей ранее предназначенной судьбы – быть только затворницей[8]. Выбор оставался один: жизнь или смерть. Вот соответствующий моему краткому пересказу смысла стиха его подлинный текст:

Et pourtant, ce visage qui respire de bonté
dans un masque de tristesse est Ravagé de larmes
et ce beau grain que j'aime, ce grain de beauté
ne connait d'autres caresse que celle de ton arme
Sœur, tu devins prêtresse d'une cause sacrée
et de montagne en montagne, de ravin en ravin
Combattant sans faiblir l'ennemi abhorre
tu manges avec les frères le même morceau de pain
…Vers la délivrance, vers la lumière
dans la voie de l'immortalité
avec les moudjahidines ses frères
vers la mort ou la liberté ! (с. 20-21)

Многозначительность (и многозначность) судьбы современной алжирки (в эпоху антиколониальной борьбы) во многом была связана с историей страны, а не только с «традицией жизни». Ведь хорошо известно, что именно французские колонизаторы не просто поддерживали некоторые внутренние этно-конфессиональные и социальные контрасты, но и усугубляли их, дабы они превратились в «оковы, удерживавшие в плену» алжирское общество и не

позволявшие какое-то время «бунтовать» тем, кто оказался жертвой старых традиций. Они уже часто мешали многим выйти «на дорогу прогресса» – образования, просвещения, приобщения к ценностям уже вполне новой культуры, образовавшейся в недрах самого колониального общества, в том числе и под воздействием французской. Вот почему столь яростна месть Поэта тем, кто, как бы официально неся факел идей Гуманизма и Просвещения «автохтонам», на самом деле куда больше обездоливал их своей политикой не столько «аккультурации», сколько «декультурации» алжирцев, отлучая их от исконных, извечно существовавших на этой земле свободолюбивых Традиций. Они никогда ранее не были связанными теми «религиозными догматами», которые, «окостенев» с помощью французов, обрекали народ «на руины» и «пустошь забвения» идеалов Свободы. И в конце концов даже мусульманки решились прорвать «покров ночи судьбы» и вместе со своим народом решили обрушить свои «репрессии» на тех, кто эту Свободу у них отнимал:

France, tout se paye ici bas et ton tour viendra
le jour du châtiment s'apprêt dans les ténébres
bientôt pour nous la victoire chantera
et le destin prépare ton oraison funèbre.
(La Répréssion, c. 23)
(О помни, Франция! За всё заплатишь //
Придет и для тебя твой кары день //
А мы свою победу справим //
Отпляшем радостно под музыку поминок по тебе!)

…Если кто-то усомнится в самоценности утверждения «родная земля должна быть свободной», то можно, как это сделает ставший известным ещё в 50-е гг. алжирский поэт Ахмед Аккаш, напомнить своим соотечественникам (в 1968 г.) уже об истории североафриканских племён, которые боролись со всеми завоевателями их земель, в том числе и с римлянами. Факты, зафиксированные самим Тацитом, – почти живые свидетельства, и А. Аккаш, воспроизводя их на французском языке в своём повествовании о вожде, отважном предводителе своего воинства, нумидийце Тасфаринасе, поднявшем свой меч на римских солдат, топтавших и разрушавших «его землю», его устами словно «обобщил» призыв ко всем будущим поколениям, передав им «само дыхание родной земли» – быть непобедимой, свободной[9]. И возлагал эту миссию на её сынов, героев, неспособных на предательство идеалов «людей Свободы». Не случаен год издания книги Аккаша, – в этом же году вышел и роман М. Диба «Пляска смерти». В стране, уже добившейся независимости, начинали потихоньку забывать «имена своих героев», и развивались такие события, которые постепенно, в результате борьбы за власть, смены режимов, всякого рода экономических реформ, не вполне адекватных общественному развитию, а также культурной политики «тотальной арабизации» (нельзя забывать, что значительную часть алжирского населения составляли и до сих пор составляют берберы), привели в конце 80-х и начале 90-х гг. к гражданской войне, спровоцированной политическими исламистами и длившейся ещё дольше, чем война за освобождение от колониализма, и также принёсшей немалые жертвы. Как бы утверждая пафос книги А. Байтара, прославляющего героев-партизан Алжирского Сопротивления (в этой форме войны – параллелизмы со всеми другими «партизанскими» движениями, особенно эпохи Второй мировой войны, но именно французское Сопротивление фашизму, как это ни парадоксально, было «ближайшим» историческим примером), А. Аккаш пишет в своём прославлении подвига нумидийского вождя Тасфаринаса, как и Югурты, как и других исторических имён, связанных с коренными жителями североафриканской земли: «Всё подлинно. И не нуждается в комментариях. Зафиксировано в исторических транскрипциях хроники реальных событий. Имена героев вошли в легенды. Тасфаринаса римляне обезглавили, напав ночью на его селение

и перерезав глотки всем спящим жителям. Но славные подвиги его будут прославлять те, кто спаслись. Во все времена. Когда одни ведут свои войны, нападают и завоёвывают чужие земли, а другие отстаивают их независимость и свободу… Но что это означает? Что они защищают? Зачем нужна независимость родной земли?.. Просто для её плодородия.

Исконные жители всегда полагали, что никакие “другие” люди (и колонизаторы в их числе) не знают этой земли лучше, чем они сами. Отсюда их гнев, их ненависть к чужим эксплуататорам их земли… Впрочем, находились всегда и повсюду некие “коллаборанты”, уходящие на службу к завоевателям. Солидаризуясь с ними, прислуживая им, они изнутри в этой форме “классового противостояния” разрушали, унижали, обесчещивали Свою Землю… И многие европейцы и по сей день, не испытывая к ним особой симпатии, поддерживают их. А другие и честно разоблачают… Просто они знают нашу историю… И нам просто надо помнить и знать имена своих героев. Они своей кровью заплатили за нашу жизнь, за нашу Отчизну» (с. 83-87).

…Но вернёмся к книге А. Байтара.

Конечно, пишет он, война, свирепствуя, «опустошает мир», «обнажает человеческие пороки» – страх, ханжество, – толкает на преступление, – но всё это ничто в сравнении с целью восставших за Свободу. Только она способна вернуть «природе вещей» их *естество*. И тогда «зацветут сады», «заблагоухают цветы», а «пчёлы будут ласкать их лепестки», и «щебет птиц» люди услышат в наступившей Тишине. Без воя снарядов, без грохота пушек, без взрывов бомб. Увидят *землю*, не залитую кровью, но покрытую зеленью молодой травы, на которой будут резвиться дети («Le chemin», с. 25-26).

Зелёный цвет в исламе – цвет рая. И именно *освобождение* земли от гнёта колониализма виделось герою этого стихотворения А. Байтара как «paradis». «Я хочу всё забыть. Пусть Судьба в землю сеет только зёрна надежды». Кому же идти по дороге надежды на Будущее, где будет Свобода? И тем, кто смог сразу выбрать Свой путь (Chemin), и тем, кто обрёл эту «дорогу к раю» (где земля принадлежит сотворившему её «изначалу»), сумев «укрыться в горах», «спастись», уйдя к партизанам, покинув армию колонизаторов (стихотворение «Les Rescapés», с. 27), обретя, наконец, «чистый источник» горной, холодной, освежающей ум и совесть воды… «Недаром именно к нему приходят и старые, умудрённые жизнью люди, и дети, которым пока не понять их молитвы»… (с. 27).

Но именно они, дети, должны будут жить на обновлённой земле, именно в их руках – Будущее страны, именно они, «дети Алжира», должны будут довести до конца дело Освобождения своей страны, «жить, наслаждаясь её независимостью» («Les enfant d’Algérie», с. 28). В этом небольшом рассказе, сопровождённом фото детей с ружьями, которые им дали подержать партизаны, дети со счастливыми лицами, спасшиеся от напалма, от ночных облав и расстрелов (с ними французские солдаты расправлялись порой и более жестоко), дети, изголодавшиеся, для которых и чёрствый кусок хлеба казался «райским лакомством», становятся теми, в ком дышала надежда полной грудью. Без всяких тревог, сомнений, отчаянья.

В рассказе есть эпизод, в котором малыш в разрушенной почти дотла горной деревушке, неустанно спрашивая мать «Где наш папа?» и получая её уклончивый ответ «Он уехал, но скоро вернется», однажды, расплакавшись, не выдержал и сказал: «Это неправда. Я всё знаю. Он, как и все, – в горах. Он партизан. Воюет против французов. Ему не на чем даже спать. Он спит на земле. И я хочу быть вместе с ним. Отпусти меня! Ну отпусти же!» (с. 31). Такие, как он, уже в 10–12 лет могли справиться с оружием: умели заряжать винтовки, подносить снаряды. На фото после рассказа – дети-подростки (среди них есть даже девочка) – документ эпохи. В нём – воля народа, поднявшегося за *свою землю*.

Чёрно-белые фотографии хранят живые лица тех, кто сражался, и тех, кто просто был патриотом. Много стариков с оружием в руках. О них – особый рассказ писателя. О тех, кто *не покидал* свои уже разрушенные войной сёла, не уходил – даже по приказу *вождя горного племени* – к партизанам, но оставался рядом с руинами родного дома, мужественно смиря-

ясь, даже вооружившись, с неминуемой смертью, потому что хотел «уйти в свою землю, вместе с теми, кто здесь, на своей земле, погибли» (с. 39).

Вполне естественно, что такие факты свершавшейся Истории страны не могли не настроить А. Байтара на те интонации, которые сродни уже не просто песням, не маршам, но Гимнам. И он, оплакивая павших, воспевает в своих стихах мужество и отвагу своей страны, исстрадавшейся, но не смиряющейся, продолжавшей своё «восстание против угнетателей родной земли»:

«Je chante mon Pays et sur mon Pays je pleure
Je pleure en chantant de tristes chansons
dans le temps qui change d'heure en heure
je chante les semailles et la moisson
…Je pleure les ruines dans les sillages des paras[10]
Je chante mon Algérie que l'on torture en vain
Je chant avec mun people qui meurt pour renaître demain
(Страну свою пою и плачу я о ней //
Но песни эти грустные мои надежд полны на новый урожай //
Который принесет пора весны и время собирать плоды //
…Да, слёзы не сдержать // Когда страну бомбят //
Когда свой произвол пара́ творят //
Но я пою тебя, о мой Алжир, страдающий от пыток тех //
Кто землю убивая // Не знает, что народ её, сражаясь, возрождает!) (с. 32-33)

Это «Chant» (песнопение) во имя «будущего возрождения» (последние слова приведённого выше стиха) – не единственное в книге. Посвящений Родине – немало, и в них есть и о тех, кто были «товарищами», кто разделял с Поэтом его путь, кто понимал его выбор, но и о тех, кто «берёг тыл», «хранил очаг» с негаснущим огнем Надежды на Возрождение родной земли, обретение ей Независимости (с. 40-51). Она виделась тогда сражавшимся за неё «Прекрасной звездой», С в е т и л о м, озаряющим Свободу, разгоняющим Мрак колониальной Ночи. Это слово – indépendence – было почти магическим заклинанием, а не просто политическим лозунгом для восставших алжирцев.

Indépendance, mot sublime, mot magique
Comme une musique
Charmante l'oreille. Nouvel astre chassant l'obsiurite
Par sa clarté
Loin des tortures et la prison et les supplices
Comme les sacrifices
De tout un peuple malgré le sort
Malgré la mort.
(О независимость! Дивное слово! //
Музыка, будто с небес исходящая! //
Дух наш ласкаешь, взор наполняешь //
Светом звезды, в мраке сияющей //
Тюремные муки и пытки забыть позволяющая //
И народу всему свою жертву свершать, о смерти забыв, вызов судьбе бросать.)

Они так страстно мечтали именно об *исчезновении мрака*, что в наступившем Будущем, которое приближали, сражаясь за него, так же страстно ещё какое-то время не смирялись с приметами уже опускавшихся новых сумерек.

Ни жертвы, ни беспримерная героическая борьба за Свободу Земли не оказались нужными для памяти людей в условиях отвоёванной независимости. Государственные перевороты, новые пытки, новые тюрьмы (в старых, ещё колониальных стенах…) О трагических судьбах тех, кто когда-то страстно заявлял, что он – алжирец, даже будучи по происхождению европейцем, и о судьбах даже алжирских руководителей сопротивления колониализму и видных политических деятелей (таких, к примеру, как Башир Хадж Али), придерживающихся идей Свободы, Равенства и Братства, и даже ещё более левых, социалистических, и даже тех, что были унаследованы от французских коммунистов, тогда руководимых Морисом Торезом (которому принадлежала концепция формирования одного народа и одной нации на земле Алжира, где совместно существовали и европейцы, и местные жители), известно немало. И нами предельно по существующим источникам изучены[11].

Но именно сегодня, когда проблемы необходимости наличия у людей национальной гордости, ощущения своей идентификации (тождественности) со своим народом, единства со своей землёй, где родился и где твои корни (вспомним слова алжирского поэта испанского происхождения Жана Сенака: «Я и до конца не знал, что такое Алжир // Мать ли моя или моя земля?»), осознание связи понятий независимости и самоопределения, в том числе и восстановления самобытности, *саморазличения* в условиях пытающейся всё амальгамировать глобализации, мне кажется, что книга алжирца А. Байтара – достойный образец решения многих проблем выбора человеком, народом, обществом своего места в истории.

Да, конечно, география тоже играла и играет немалую роль при этом. Не случайно, что именно Алжир французы полагали своим «заморским департаментом»: такого обширного, богатого, плодородного, трудоспособного края не хватало метрополии (да и до сих пор недостает: недаром двери Франции широко распахнуты для «трудовой эмиграции» из Алжира с 1910 г. по сей день).

Но вот уже 68 лет отмечается 1 ноября – день восстания алжирцев за независимость как праздник Алжирской Народной Демократической Республики, – тогда народ больше не захотел принадлежать Франции. Этот праздник отмечался и в Москве в 2022 году, в посольстве Алжира. Да, страна сумела после всех потрясений, в том числе и затяжной гражданской войны в 90-е годы XX века, «выпрямиться» и стать достаточно развитой и самостоятельной. И мне довелось побывать на этом празднике у алжирцев, хотя я с некоторым удивлением услышала в переводе на русский язык торжественной речи посла о том, что восстание начали «боевики». Все-таки память о повстанцах, на мой взгляд, должна быть корректнее. Можно сколь угодно рассуждать о нюансах значения различий в этих двух словах, но я знаю точно, что в 1954 году выстрелы в горах Ореса, эхом откликнувшиеся в столице, а потом и партизанскими боями в Кабилии, были чем-то другим, – не просто устрашением, но именно началом народного сопротивления как особой формы войны за независимость. Недаром и до сих пор Алжир не отказывается от своего недавнего заявления Франции о том, что считает необходимым ей признать свою историческую вину и попросить прощения у народа Алжира за его колонизацию.

Так же как можно сколь угодно долго рассуждать о том, имеет ли право поэзия, проза, новеллистика, вообще литература как искусство слова, в том числе и основанная на документах эпохи, быть её полноправным свидетельством и даже порой хроникой реальных событий своего времени. Литература во все эпохи и времена была пульсом общественного сознания, отражением процессов, совершающихся в реальности. Автор как художник имеет полное право их видеть по-своему, и тем не менее запечатлевает их. Алжирская литература, в частности, доказала это. И книга А. Байтара сегодня может считаться и документом эпохи, и одним из примеров того, как народ выбирает путь к самоопределению. Примером того, что, несмотря на все быстротечные общественные перемены, свершающиеся и сегодня, в исторической памяти народа должно навсегда остаться желание несмирения с утратой родной земли.

Примечания

[1] См. подробно в созданной ещё в 1993 г. в ИВ РАН «Истории национальной литературы Алжира». М.: Наука. Там же о ранней прозе алжирцев 30–40-х годов. В 50-е, 60-е, 70-е годы и далее алжирская франкоязычная литература – явление, ставшее уже закономерным в системе национальной алжирской словесности Нового времени.

[2] См., например, «Противостояние». М., 2022, «Души прекрасные порывы». М., 2022.

[3] *Baitar A*. Je suis Algérien (Chants et récits d'un Moudjahid). Rabat, 1958. В Марокко, обретшем независимость уже в 1956 г., в те годы не только издавались, но и скрывались от преследований многие алжирские патриоты.

[4] Мне довелось встретить её в уже независимом Алжире в 1964 г., почти уже забытую наставшем в стране временем смуты, политических переделов власти и т.п. Она мне сказала с печалью: «Да, это я самая, героиня войны. Не удивляйтесь, что я так плохо и бедно выгляжу. Жизнь трудна».

[5] Надо напомнить, что многие французы, родившиеся в Алжире, называвшие себя, в отличие от «метропольных», «черноногими» (piéds-noirs), тоже полагали себя детьми этой земли, хотя большинство из них, в отличие от тех, кто занимался делом просвещения и приобщал алжирцев к диалогу цивилизаций, остались на стороне воевавших за свой «заморский департамент» колонизаторов. Их потомки демонстрируют и по сей день ностальгию по «своей земле», давно потерянной, однако продолжают себя считать коренными алжирцами.

[6] Подробнее см. в книге: *Mehdi Charef*. Harki, le mari de Miriem. P., 1994.

[7] Спустя десяток лет после книги А. Байтара классик алжирской литературы М. Диб напишет свой роман-эпопею «Пляска смерти» об одной такой героине, показав во всех деталях и её подвиг, и трагедию забвения таких, как она, постепенно воцарявшегося в стране, уже обретшей Независимость. См.: *Dib M*. La danse du Roi. P., 1968. (Русский перевод «Пляска смерти» в книге: М. Диб. Избранное. М., 1989). О понятиях «чести» и «доблести» в народных традициях см., например, в книге: *T. Yacine*. Si tu m'aime, guéris moi. P., 2006; фрагменты в нашей книге «Противостояние». М., 2022).

[8] Об этом см. подробнее в книгах магрибинцев Д. Шрайби, Т. Бенджеллуна, Р. Буджедры, А. Мемми, А. Серхана и многих других, исследовавшихся в наших многочисленных работах.

[9] *Akkache A*. Tacfarinas. P., 1968.

[10] Имеются в виду французские десантники, которые расстреливали в горах Алжира мирных жителей. Они особо свирепствовали уже на исходе войны, о чём упомянула уже в 2000-е годы Ассия Джебар в своём романе «Оставшаяся непогребённой» (Morte sans sepulture), рассказав о страшной гибели отважной партизанки, сброшенной с самолета такими пара́.

[11] См., к примеру, наши публикации в журнале «Восточный архив», в книге «Души прекрасные порывы» и такие существующие на русском языке документы, как перевод книги А. Аллега «Допрос под пыткой».

DOI: 10.31696/2072-5795-2023-2-92-95

Н.К. Чарыева

«НЕ МНЕ СУДИТЬ, МНОГО ИЛИ МАЛО МНОЮ СДЕЛАНО…» О СТИЛЕ И ПРИНЦИПАХ ПРОФЕССИИ

К 100-летию со дня рождения Петра Михайловича Шаститко (1923–2009)

Пётр Михайлович Шаститко работал в Институте востоковедения 50 лет. Он пришёл сюда в 1954 году, в 1978 году стал заведующим Отделом историко-культурных связей СССР со странами Востока, с 1988 года – главным научным сотрудником Отдела истории Востока.

Мои воспоминания о Петре Михайловиче не могут быть объективными, как не может беспристрастно говорить ученик о своём учителе и человеке, оказавшем большое влияние на жизнь и работу в Институте востоковедения. Для нас, молодых аспирантов тех далёких 1970-х годов, Пётр Михайлович был живой легендой. Ведь его творческая биография как востоковеда-индолога началась в годы бурных общественных перемен середины 1950-х годов. Казалось бы, его устремлённость в исторические исследования Индии – гарантия спокойной и безмятежной жизни, далёкой от политических потрясений. Но надо было знать Петра Михайловича: фронтовик, причудливо сохранивший веру в лучшие идеалы, не мог быть в стороне от политических процессов тех «холодных лет», столь круто обошедшихся с ним и его соратниками – такими же смелыми и принципиальными молодыми людьми, не приемлющими приоритет соображений личной научной карьеры.

Для учёного-историка – высший пилотаж, если он может с наслаждением читать свои сочинения спустя годы и десятилетия. Применительно к идеологически ангажированной сфере научного поиска – историографии, политической истории зарубежного Востока, – это тем более непросто. Как для подлинного революционера по духу, жизнь только в тиши библиотек и архивов была не для Шаститко. Много ли мы можем вспомнить наших коллег по Институту, кто был бы столь же дерзок в отношении тех, от кого зависела судьба не только отдельных учёных, но и целых институтов? И в этом отношении Пётр Михайлович Шаститко был на высоте, как бы ни относиться к его точке зрения на тот или иной вопрос: страх перед реальными гонениями не мог заставить его молчать или лукавить. Не поэтому ли он пользовался любовью и уважением всех, кто до сих пор помнит этого замечательного учёного и человека?

«Ветер перемен» на рубеже 1980–1990-х годов Шаститко встретил уже маститым востоковедом, признанным руководителем нашего Отдела. Это было трудное время переоценки прожитого. Но и новых возможностей для тех, кто писал и говорил то, что думал. Время подлинных учёных, не бросивших в самые трудные для отечественного востоковедения годы свой нелёгкий труд, но раскрывших все грани своего таланта – время таких, как Шаститко. Таким он и останется в моей памяти – обаятельным, добрым, жизнеутверждающим и щедрым.

П.М. Шаститко – автор более 100 научных трудов, в том числе одиннадцати монографий. Его работы посвящены различным аспектам новой и новейшей истории Индии, проблемам истории отечественного востоковедения, вопросам национальной политики советского государства.

Важный вклад П.М. Шаститко внёс в создание многотомной серии монографий о взаимоотношениях России и СССР со странами Востока. В 1980-е годы выходили из печати книги «Россия и Индия», «Россия и Афганистан», «Россия и Корея», «Россия и Япония», «Россия и Монголия», «Россия и страны ЮВА» и др. Эти работы не утрачи-

вают своего значения и в настоящее время. Кроме того, П.М. Шаститко был инициатором и руководителем ряда работ по истории отечественного востоковедения: вышли в свет «История отечественного востоковедения до середины XIX века» (М., 1990), «История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года» (М., 1997), сборники статей «Слово об учителях. Московские востоковеды 30-60-х годов» (М., 1986), «О коллегах и товарищах. Московские востоковеды 60-80-х годов» (М., 1994). Российская и советская ориенталистика и её представители всегда оставались в поле зрения П.М. Шаститко, являясь предметом его исследований и воспоминаний.

Под руководством П.М. Шаститко группа научных сотрудников по изучению и изданию документов по истории русско-индийских связей выпустила в свет два сборника документов: «Русско-индийские отношения в XIX веке» (М., 1997) и «Русско-индийские отношения в 1900–1917 гг.» (М., 1999), вызвавшие широкий резонанс среди специалистов-индологов в России и Индии.

В ходе формирования двухтомника за его рамками остались десятки выявленных архивных документов. И тогда родилась идея – публиковать документы в специальном журнале. Пусть небольшим тиражом. Инициатором идеи назвать журнал «Анналы» был Пётр Михайлович. Вот что он написал в обращении к читателю: «Наш журнал задуман как своеобразная лаборатория востоковеда, где можно опробовать новые идеи, высказывать гипотезы, которые будут впоследствии развиты или опровергнуты в исследованиях. Архив – это хранитель времени, а время – главный субъект истории»[1].

Группа вела успешную работу. Было принято решение преобразовать группу в Сектор архивных публикаций, а журнал – в «Восточный архив». И в этом году журналу 25 лет! Журнал прочно стал на ноги. 46 выпусков! Это одно из периодических изданий Института.

Вклад Петра Михайловича Шаститко в изучение истории Индии велик и признан отечественным и зарубежным востоковедением. Помним мы Петра Михайловича и как автора увлекательных трудов по истории советского и российского востоковедения, и этому он отдавал много сил как учёный, прошедший большой жизненный и творческий путь в Институте востоковедения АН СССР и РАН с 1954 по 2009 год. На этой стороне его творчества как летописца исследования Востока в СССР и современной России нельзя не остановиться особо, в частности, на его книге «О коллегах и товарищах: Московские востоковеды 60–80-х годов» (М.: Наука, 1994. 227 с.)[2].

В книгу вошли статьи о жизни и деятельности востоковедов московской научной школы 1960–1980-х годов – историков, филологов, политологов, с именами которых связано появление целого ряда капитальных трудов. Очерки, действие которых развёртывается на фоне сложных событий внутри страны и за рубежом, написаны тепло и искренне учениками, коллегами, друзьями и близкими Петра Михайловича.

Благодаря усилиям П.М. Шаститко широкой аудитории нового поколения ориенталистов стали доступны воспоминания активно действующих российских востоковедов об их коллегах старшего поколения: Г.Ф. Киме, В.Л. Тягуненко, Г.М. Бауэре, И.Я. Златкине, Г.И. Левинсоне, А.И. Левковском, Л.И. Рейснере, Н.А. Сыромятникове, Н.А. Халфине, А.Н. Хейфеце, М.Ф. Юрьеве и А.Д. Литмане.

В этой работе Шаститко объединил усилия таких теперь маститых коллег, как Е.П. Челышев, А.В. Панцов, В.М. Алпатов, М.С. Лазарев, Г.И. Мирский, М.И. Гольман, А.С. Агаджанян, М.А. Родионов, Д. Чекини, В.И. Максименко, А.В. Райков, Б.Д. Пак, Грузин, А.И. Юнель, Я.А. Певзнер, В.В. Бодрова, Е.А. Лебедев, К.Л. Майданик, А.Я. Эльянов, В.В. Рымалов, А.И. Чехутов, Л.В. Тягуненко.

Книга писалась, когда в начале 1990-х Россия только вступала в новый этап своего исторического развития, отторгая всё советское, декларируя запрет на цензуру. С большой надеждой Пётр Михайлович вглядывался в смутные очертания грядущих перемен, ожидая, наконец, появления «уважающего и ценящего науку руководства страны, способного создать учёным условия для свобод-

ного творчества». Того «свободного творчества», которого так не хватало до- и послевоенному поколению востоковедов СССР. «Оттепель» пятидесятых годов, вдохновившая молодых аспирантов на вольномыслие, вскоре отрезвила тридцатилетних романтиков, но не могла унять их волю к истине в науке и жизни.

В чём был источник силы и гражданской смелости совсем молодых людей тех суровых лет? Видимо, только прошедшим через испытания военных лет было по плечу говорить правду. Война закалила миллионы людей, была среди них и когорта несгибаемых правдолюбов. Не поэтому ли Пётр Шаститко, пройдя через все превратности судьбы, сохранил честь Института и не изменил своей профессии?

С искренней любовью и уважением П.М. Шаститко пишет о московских востоковедах второго поколения как о людях незаурядных, под влиянием которых нельзя было не оказаться. Это, прежде всего, касается и руководителей Института: академиков А.А. Губера, Б.Г. Гафурова, Е.М. Примакова, а также Ю.Н. Рериха, Г.Ф. Кима, Н.А. Халфина и многих других.

Авторскую главу в сборнике Петр Михайлович посвятил А.И. Левковскому (1924–1985), признавая его незыблемый авторитет и даже превосходство как исследователя и личности. И это тоже подкупает в характере Петра Михайловича – умение заметить, признать и поддержать молодой талант, отдать должное и ценить возможность работать вместе со «звёздами» отечественной науки.

Похоже, с Алексеем Левковским Петра Михайловича связывала особая дружба – так заботливо и детально описывает он его творческий путь и характер, выделяя его особый вклад в развитие теории национального вопроса, освободительной борьбы народов Востока и политики Советского государства в отношении молодых независимых государств Азии и Северной Африки. Его память сохранила многие детали их дружной работы и личной привязанности, несмотря на непростой характер человека, знающего себе цену и ценящего эту черту в своих коллегах. С уважением Пётр Михайлович выделяет особую позицию Левковского в отношении событий в Чехословакии («пражская весна» 1968 года) как пример подлинно свободного взгляда учёного и гражданина.

Дружба с Левковским скреплялась ещё и общим отношением к тому, как истинный учёный должен воспринимать вмешательство идеологических ведомств в творческий цех учёных-востоковедов. «Дело в том, что Алексей Иванович Левковский не любил писать закрытые материалы для “инстанций”, готовить для любого начальства доклады, труды и т.п. Он полагал, что под тем, что рождено его интеллектом и написано его рукой, должна стоять фамилия “Левковский”. И ничья другая»[3]. Здоровое честолюбие Левковского импонировало Шаститко, считавшему эту черту обязательной в характере любого творческого работника, понимая его не как тщеславие или снобизм, а как уважение к своей профессии, своему труду, собственному достоинству. И, конечно, его смелость как учёного не менять свою точку зрения под давлением внешних влияний, отторгать инстинктивную угодливость перед «сильными мира сего».

Чувствуется, Пётр Михайлович мог бы написать столь же позитивные воспоминания о большинстве своих многочисленных коллег, с кем пришлось сотрудничать за 50 с лишним лет работы в Институте. Он привлекал коллег своей смелостью, принципиальностью, открытостью и непредвзятостью в оценках труда и личности. Этому же он учил молодых сотрудников. При этом его личное обаяние позволяло сохранять климат свободной творческой совместной работы возглавляемого им Отдела.

При всей субъективности личных воспоминаний записки Шаститко трудно упрекнуть в предвзятости, зная его «персональную историю» как одного из самых смелых приверженцев объективности. Ему претила конъюнктурность как гарантия неизбежного забвения трудов во имя карьеры. Его стиль – писать так, чтобы было не стыдно перечитывать спустя многие годы. За это его уважали и любили в Институте востоковедения.

Не всякий учёный способен признавать свои ошибки в почтенном возрасте. «Почти все востоковеды, занимавшиеся современностью, не избежали заблуждений в оценке запутанной и противоречивой ситуации на Востоке»[4], – писал П.М. Шаститко в 1994 году, при этом не умаляя значения тезисов о многоукладности, анализа классовых сил. Он выдвигает смелое заключение: «Исследователь должен быть стойким к влияниям директивных и программных документов политических партий, указаниям инстанций, мнениям авторитетов сложившихся научных школ, уметь отстаивать выстраданную самим позицию»[5]. До конца 80-х годов XX века, писал П.М. Шаститко, «инакомыслие в общественных науках преследовалось как недопустимая ересь. Между автором и читателем не должно быть третьих лиц, однако у нас всегда стоял жёсткий цензор. Не каждому было дано не считаться с этим»[6].

Сожалел Пётр Михайлович лишь об одном: что так поздно для него и многих его талантливых коллег наступило время, когда стали открываться ранее закрытые архивы и материалы для изучения и беспристрастной оценки «белых пятен» отечественной истории.

Как истинный интеллигент, свою роль в освоении тайн Востока Пётр Михайлович оценивал весьма скромно: «Всю свою сознательную жизнь, отданную Институту востоковедения, я жил его делами и оставил в нём часть своего сердца. Я пришёл в Институт молодым аспирантом, а ушёл семидесятилетним стариком. Не мне судить, много или мало мной сделано (я не обольщаюсь на сей счёт), но я сделал всё, что мог. И благодарен судьбе за возможность и честь трудиться в нём»[7].

В своей книге 1994 года «О коллегах и товарищах…» П.М. Шаститко через личные воспоминания о ближайших друзьях-востоковедах формулирует этические нормы «морального кодекса» российского учёного, историка-востоковеда: принципиальность в оценках, стремление к истине, непредвзятость, смелость в поиске новых, приближающих к правде источников. Этот стиль и эти принципы он продвигал своим личным примером и поощрял среди молодых сотрудников, сохраняя при этом товарищеские отношения делового общения не только с единомышленниками, но и со всеми коллегами, пусть и не во всём разделявшими его взгляды. В этом была его сила как научного руководителя, учёного и гражданина.

Своим наследникам он завещал хранить и преумножать живую историю отечественного востоковедения «в лицах», не только запечатлевая вехи его достижений, но и сохраняя для продолжателей его славных традиций живые черты их создателей, скрепляя неразрывную связь времён.

Примечания

[1] Восточный архив. 2008, № 2 (18). С. 3.

[2] О коллегах и товарищах: Московские востоковеды 60–80-х годов. М.: Наука; Издательская фирма «Восточная литература», 1994. 227 с.

[3] Там же. С. 128.

[4] Там же. С. 17.

[5] Там же. С. 18.

[6] Там же.

[7] Там же. С. 19.

НАШИ АВТОРЫ

БЕЛЯКОВ Владимир Владимирович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: beliakov2007@yandex.ru

БУХЕРТ Владимир Генрихович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Архива РАН. E-mail: buhert-1955@mail.ru

ГЛУШКОВА Ирина Петровна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: iri_glu@hotmail.com

ЗАГОРОДНИКОВА Татьяна Николаевна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: tnzag@mail.ru

КАДЫРБАЕВ Александр Шайдатович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: kadyr_50@mail.ru

МЕЛЕНТЬЕВ Даниил Вячеславович – аспирант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: back-in-95@mail.ru

НОРИК Борис Вячеславович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: boris.norik@mail.ru

ПРОЖОГИНА Светлана Викторовна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: nvprozhoguina@mail.ru

ТАХНАЕВА Патимат Ибрагимовна – кандидат исторических наук, заведующая сектором Кавказа Отдела Кавказа, Центральной Азии и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН. E-mail: ptakhnaeva@gmail.com

ТИХОНОВ Юрий Николаевич – доктор исторических наук, профессор Липецкого государственного педагогического университета им. П.П. Семёнова-Тян-Шанского, ведущий научный сотрудник ИВ РАН. E-mail: alfokdo@mail.ru

ЦВИЖБА Лариса Исиновна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: laratas@mail.ru

ЧАРЫЕВА Наталья Какабалыевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: ailatan_51@mail.ru

ШМИДТ Вальдемар – магистр истории, Университет Регенсбург (Германия). E-mail: wolodjaschmidt @smx.de